

История

Открытие

Марко Поло

и Шелковый путь

Восток и Запад с древних времен
были связаны различными путями:
«шелковыми», «фарфоровыми»,
«путями пряностей».

В 1271 году венецианский
торговец Марко Поло отправляется
в Китай. Родной город
он увидит только 25 лет спустя.

В 1298 году Марко попадает
в генуэзский плен.

Волей случая в одной камере
с ним оказывается Рустичелло
Пизанский, который записы-
вает его воспоминания.

Так родилась «Книга
о разнообразии мира».

«Государи, императоры
и короли, герцоги
и маркизы, графы,
рыцари и граждане,
и все, кому желательно
узнать о разных народах,
о разнообразии стран
света и быть осведомлен-
ным об их нравах
и обычаях,

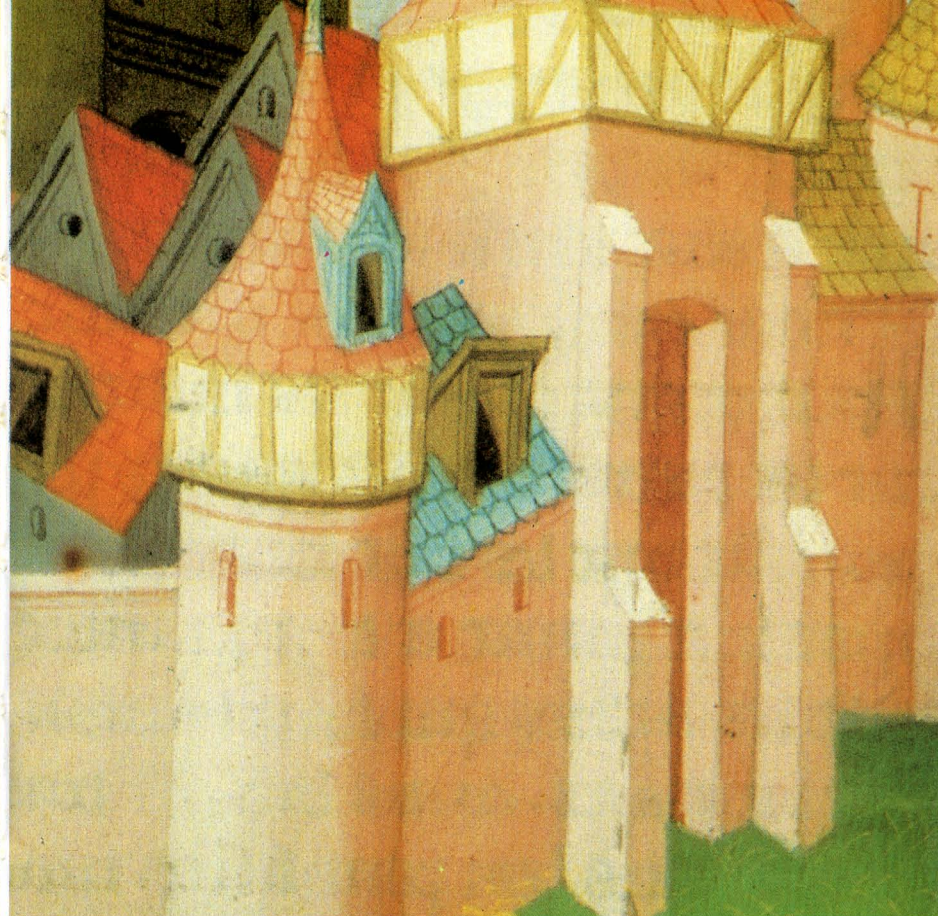
возьмите эту
книгу и заставьте
почитать ее себе,
и вы найдете тут

величайшие диковины Великой
и Малой Армении, Персии,
Турции и Индии и множества
других областей Средней Азии

и части Европы, если идти
навстречу греческому
ветру, леванту и трамонтане;
все это наша книга
расскажет вам ясно

по порядку, точно так, как
господин Марко Поло, мудрый
и благородный гражданин Венеции,
говорил о том, что видел своими

глазами. Без сомне-
ний, здесь есть
и некоторые вещи,
которых он не видел,
но слышал от людей

нелживых и верных. А чтобы
наша книга была правдива, истинна,
безо всякой лжи и чтобы расска-
занное в ней не сочли

басней, о виденном в ней говорится
как о виденном, а о слышанном
как о слышанном».

Марко Поло
«Книга о разнообразии мира»

Жан-Пьер Дреж, член французской Школы Дальнего Востока, доктор наук, советник в Высшей практической школе. Специалист по истории и письменной цивилизации в Китае, работает над китайскими рукописями, найденными в Дуньхуане, знаменитом оазисе на Шелковом пути. Автор нескольких работ, среди которых «Шелковый путь», появившийся в Библиотеке искусств в Лозанне в 1986 году.

*Jean-Pierre
Dreth*

МАРКО ПОЛО И ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ

Жан-Пьер Дреж

Перевод с французского
Бородычевой И.С.

УДК 94(100)''04/14''

ББК 63.3(0)4

Д 73

Дреж Жан-Пьер

Д 73 Марко Поло и Шелковый путь / Ж.-П. Дреж; Пер. с фр. И.С. Бородычевой. — М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2006. — 192 с.: ил.

ISBN 5-17-026151-9 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-09879-6 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 2-07-053076-0 (фр.)

© Gallimard 1989, права на перевод и адаптацию во всех странах

© ООО «Издательство Астрель», 2006

Москва
Астрель • АСТ
2006

«Послы шли и от скифов, и от сарматов, чтобы просить нашей дружбы; а серы и индийцы, живущие под солнцем, среди других подарков, вместе с камнями и жемчугами, вели слонов; особенно поражала длительность их путешествия, на которое уходило четыре года; один только цвет кожи этих людей говорил, что они живут под другим солнцем».

Флор, конец I века

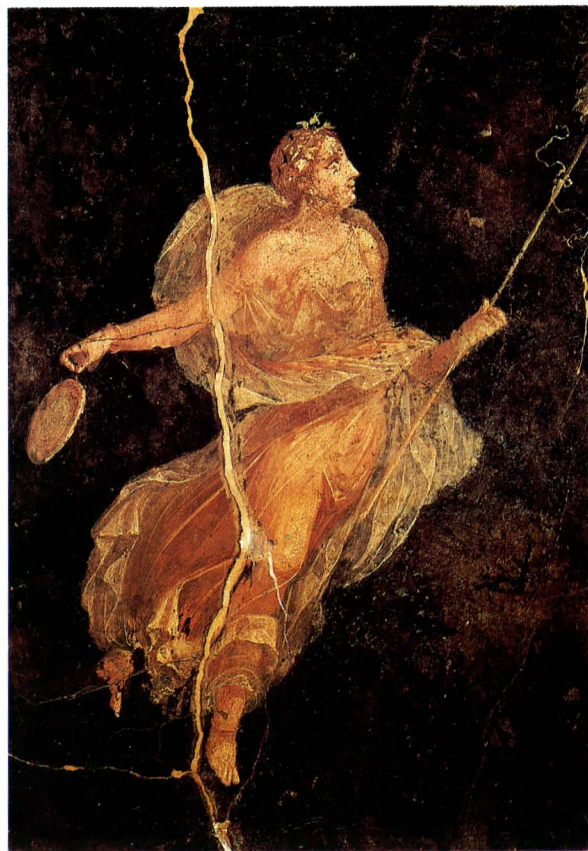
ГЛАВА I ЭПОХА ПОСОЛЬСТВ

«Цари великой династии Цинь давно искали случая направить послов в Китай, но парфяне, желая одни торговать китайскими шелками, препятствовали этому и не допускали прямых переговоров».

История династии Хань

В конце XIX века немецкий географ Фердинанд фон Рихтгофен назвал систему караванных маршрутов, связывающих Китай с Западом, «Шелковым путем». Название это возымело успех и стало общеупотребимым. Оно, ни много ни мало, охватило почти всю историю контактов Дальнего Востока с Европой, начиная с открытия римлянами шелковой ткани в I веке до н. э. Шелковый путь был каналом сбыта специй, бумаги и фарфора, равно как и средством обмена — интеллектуального, религиозного и технического.

«Я вижу шелковые одежды, если можно назвать одеждой ткани, которые не прикрывают ни тело, ни хотя бы стыд. Надев их, женщина клянется, хоть и нельзя ей верить, что одета. Вот что с огромными затратами везут из темных стран торговцы. Теперь уже все могут видеть то, что раньше наши дамы показывали только в своих комнатах любовникам».

Сенека
«О благодетелях»
I век

В I веке до н.э. римляне узнают от парфян о загадочной ткани с далекого Востока

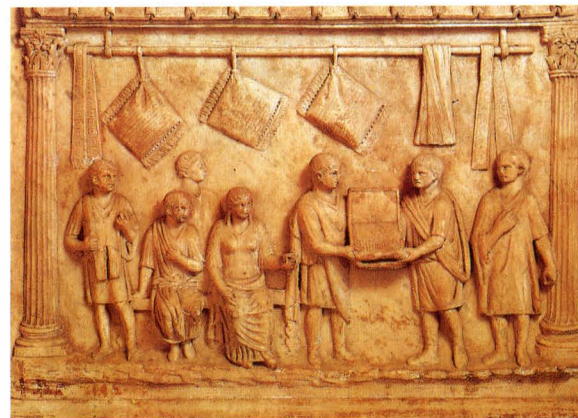
В Риме шелк называли «серскими» тканями. Возможно, через разных посредников пришло и его китайское имя, «сы», но родина материи оставалась для римлян загадкой. Считалось, что это расположенная на краю мира страна серов. Ее никак не связывали с Китаем, таинственными землями, известными как Тина, слово, без сомнения, восходящее к империи Цинь, основанной в 221 году до н.э.

В ту эпоху у Рима не было прямых контактов с Китаем, но после завоевания Сирии в 64 году до н.э. установились отношения с могущественной Парфянской империей, отправлявшей торговые караваны через Центральную Азию.

Таинственное происхождение шелка и его качества обеспечили ткани успех. Кроме того, это первый продукт обмена между Китаем и Западом, путь которого можно проследить с некоторой долей уверенности.

По всему месопотамскому бассейну находят множество монет с изображениями парфянских правителей. Слева Митридат I (171–138 до н.э.), один из первых императоров; справа Вологес III (148–192 н.э.), подвергавшийся постоянным нападениям римлян.

«По этой же причине [жаркий климат] на некоторых деревьях появляется шерсть. Из этой шерсти, согласно Неарху, выделывают искусно сотканые тонкие ткани; македоняне применяли их вместо подушек и для набивки сидел. В таком же роде и «серские» ткани из виссона, который вычесывают из коры известного сорта».

Страбон «География»
I век до н.э.

В погрязающем в роскоши Риме спрос на шелк крайне велик

Шелк являлся предметом роскоши, как пурпур или стекло. Вначале его использовали для украшения, потом в качестве покрывал на подушки, а затем из ткани начали шить одежды. Легкая прочная ткань, намного удобнее льна или шерсти, покорила и женщин, и мужчин.

Плиний (23–79) и Сенека (4–65) резко критикуют и даже презирают и шелк, вызвавший, по свидетельству некоторых, утечку капитала на его импорт, и период упадка, символом которого он стал. Многочисленные решения римского Сената, запрещающие носить шелковые одежды, оставались без внимания. Продукт этот был действительно дорогостоящим, и причина не только в технологии его изготовления, но и в транспортировке: опасности путешествия, наценки торговцев, налоги.

Как шелк попал из Китая на Запад

Задолго до того, как драгоценная ткань начала разорять римлян, ею восторгались сиюнну (хунну), кочующие в засушливых районах к северу от Китая. Именно их набеги и грабежи в районе Желтой реки заставили пер-

В ходе раскопок 1974 года в гробнице первого императора Цинь (правил в 221–210 годах до н.э.) была обнаружена терракотовая армия численностью около семи тысяч солдат, охраняющая захоронение.

вого императора династии Цинь, объединившего Китай в I веке до н. э., укрепить и расширить земляной вал, проходящий на севере страны, и сделать из него Великую стену.

На протяжении II века могущество хунну, сдерживаемое императорами Цинь, все больше усиливалось, и первые правители западной династии Хань уже не могли ему противостоять.

На смену бесплодным попыткам решения проблемы чисто военными методами пришла система мирных соглашений, скрепленных брачными союзами. С помощью таких договоров Китай «покупал» мир на границах. Несколько раз в году династия Хань предлагала хунну «подарки». Дань становилась все богаче и достигала десятков тысяч штук различных шелков и тюков шелковых оческов. Излишками хунну обменивались с кочевниками на западе, и именно эти ткани через последующие обмены дошли до Рима.

Чжан Цянь и начало китайской экспансии в Центральную Азию

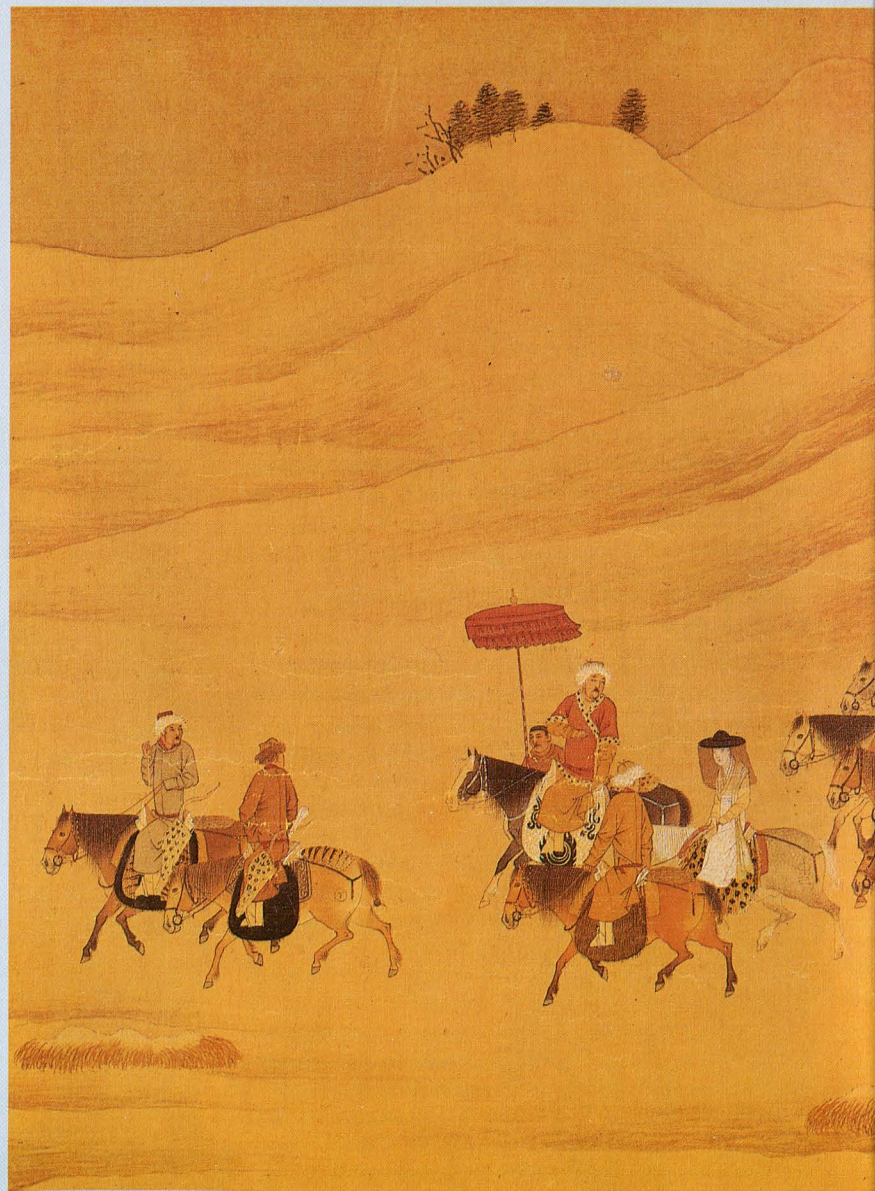
Угрозы хунну, несмотря на все попытки примирения, вынудили правителей Хань искать поддержки других народов Центральной Азии. Заключение союзов и лежало в корне экспансии Китая на запад, отсюда возникли и первые рассказы поставщиков шелка, путешествующих между Китаем и Западом.

Первая известная нам миссия – посольство Чжан Цяня. В 140 году до н.э. он отправляется на поиски кочевых поселений юэчжи, занимающих обширные территории до Бактрии.

Цель посольства – заручиться поддержкой юэчжей в борьбе против хунну – не достигнута, но сведения, полученные Чжан Цянем в ходе тринадцатилетнего путешествия, определили политику экспансии Китая в Центральную Азию и стратегию обменов с Западом и с Индией. По свидетельству разведчика, у юэчжей есть бамбук и полотно, прибывшие из царств к югу от Китая по мар-

Статуэтка варвара из раскрашенной терракоты, эпоха Тан.

Одним из элементов международной политики были браки китайских принцесс с вождями хунну или усуней. Здесь изображены проводы в Китай Кай Венци в конце II века н.э. В течение двенадцати лет, пока ее не выкупили, она была женой вождя хунну. Картину приписывают художнику Гу Децианю (X век).

Легендарный дракон (или лошадь-дракон) выходит из реки, у него на спине — Свиток, являющийся по сути первой картой Китая. Свиток, по преданию, предназначался для китайских императоров, он «раскрывал изгибы рек, морей, гор, холмов и озер, показывал границы земель и царств, описывал достижения Сынов Неба и Святых».

шруту, впоследствии получившему известность как Бирманский путь.

Второе поручение, доверенное Чжан Цяню, — отправиться к усуням, прославленным коневодам, кочующим в долине реки Или, опять же с целью заключения союза. Кроме того, Чжан Цянь отправил посланников в другие царства Центральной Азии и, возможно, даже в Индию или к парфиянам.

Путешествие также не увенчалось успехом. Усуни довольствовались тем, что предложили несколько десятков лошадей. И все же благодаря этим двум миссиям зарождается и начинает быстро развиваться дипломатический и коммерческий обмен.

В поисках «небесных лошадей» Ферганы

С установлением регулярных отношений с племенами и началом обмена посланниками император узнал, что в Фергане существуют лошади еще более удивительные, чем у усуней, но что жители прячут их от ханьцев. Возможно, это настоящие потомки «небесных лошадей», которые, согласно предсказанию, должны прийти с северо-запада. Необычные животные навевали воспоминания о выходящих из реки легендарных лошадей-драконах, рожденных

от союза драконов и кобылиц. Страстное желание завладеть лошадьми, которые смогли бы возносить его к небесам, стало навязчивой идеей для императора У-Ди династии Хань.

На покорение царства Давань в Фергане была отправлена военная экспедиция, потерпевшая, однако, поражение. Вслед за первым неудачным походом пришел успех. Несколько десятков лучших коней, а также три тысячи особей меньшей ценности были отобраны и отправлены в Китай. В соответствии с заключенным договором царство Давань должно было поставлять «небесных лошадей» каждый год.

На дорогах Центральной Азии: послы императора и подозрительные личности

С тех пор экспедиции стали регулярно направляться в Пар-

«К северу от города, на восточных границах царства, с давних пор перед храмом богов есть большое озеро драконов. Эти драконы, изменяя свой облик, соединяются с кобылицами. Их потомство — порода диких лошадей со свирепым нравом; но потомки этих лошадей-драконов становятся спокойными и послушными. Вот почему там рождается много отличных лошадей».

Бянь-Цзи «Синий Цзи. Записки о Западных землях»

фянскую империю, к Персидскому заливу и в Индию. Некоторые посольства состояли из нескольких сотен человек. Нередко посольства, ушедшие в самые отдаленные земли, возвращались только через восемь или девять лет.

Миссии становились все более значительными, но и более «разнородными». Рядом с полномочными послами часто оказывались личности весьма сомнительные. Дороги, нужно отметить, были усеяны различными препятствиями, и не было никакой уверенности, что вернешься невредимым или вернешься вообще. Нередко путешественников грабили в пути, или же сами посланники, вопреки приказам императора, присваивали дары и продавали их.

В результате двух военных экспедиций в Центральную Азию к 100 году до н.э. покоренные земли начали выплачивать дань, а отношения с ними стали сочетать дипломатию и коммерцию. Китайская экспансия выразилась в создании военных и сельскохозяйственных колоний,

«В ту эпоху несколько десятков чужеземных торговцев, путешествующих вместе, могли, движимые алчностью, выехать тайно ночью и совершить торговые сделки раньше других. Но как только им удавалось заработать десять ли, на них нападали разбойники, грабили и убивали всех до единого».

«Жизнеописание Сюань-Цзана»

ставших местом отдыха караванов и обеспечивавших защиту и снабжение продовольствием.

Дары для китайского императора, или как торговцы становились послами

Подобные дипломатические миссии, как правило, везли с собой золото или шелк. В ответ страны направляли послов со всевозможными дарами: «В императорском дворце хранилось множество диковинных вещей: светящийся жемчуг, каури, рога носорогов и перья королевского зимородка. «Лошади-карлики», лошади с полосами дракона, лошади с «рыбьими глазами» и лошади, «потеющие кровью», толпились у Яшмовых ворот. В задних парках выращивали стада больших слонов, львов, диких зверей и страусов. Диковины везли с четырех сторон света» («История династии Хань», I век). Подобные экзотические посольства часто сопровождали жонглеры и акробаты.

Обмены подарками открывали дорогу обменам торговым. Посольства из различных стран Центральной Азии состояли не только из официальных представителей и переводчиков, но и из купцов и разнос-

Иногда к китайскому двору послов сопровождали музыканты; увлечение экзотическими западными землями — Кушан, Кашгар, Бухара, Самарканд, Индия — особенно распространилось с III и IV вв.

чиков, желающих сбыть товар. Количество последних возрастает до такой степени, что в правление императора Чэн-Ди в I веке до н.э., в посольстве, прибывшем из царства Джибин (Кашмир), нет ни одного официального чиновника высокого ранга. Только простые торговцы и люди низкого происхождения, прибывшие для обмена товарами.

Как китайский посол, испугавшись моря, отказался от путешествия в Римскую империю

В начале нашей эры географические знания китайцев о западных землях простирались до Римской империи. Но речь идет о знаниях

Люди, прибывавшие в Китай как официальные представители, были вынуждены вести себя соответственно этикету и обычаям, даже если за посольством крылся простой коммерческий интерес; в знак покорности они привозили дары своих земель.

расплывчатых, основанных на рассказах послов и торговцев. В конце I века, в 97 году, генерал Бань Чао, воевавший в Центральной Азии и обеспечивавший покорность западных земель, поручил одному из своих лейтенантов, Гань Ину, идти в Дацинь — Большую Цинь, или Римскую империю. Для этого необходимо было пересечь земли парфян.

Гань Ин добрался до Тяочжи (Тиаске) в Персидском заливе. Далее он решил плыть морем, но парфяне, контролирующие основные передвижения между Дальним Востоком и Западом, не хотели, разумеется, чтобы между Китаем и Римом

завязались прямые связи, и уговорили посланника отказаться: «Море очень пространно, и для совершения обоюдного пути при хорошем ветре потребно три месяца, а при слабом — около двух лет; почему отправляющиеся в море запасаются хлебом на три года. В морском плавании усиливается тоска по родине, отчего некоторые умирают» («История династии Поздняя Хань», V век). Судя по всему, испутившись услышанного, Гань Ин отказался от путешествия и возвратился в Китай, так и не побывав в Римской империи.

А морской путь?

Корабли бороздят Индийский океан, пользуясь силой муссонов

Китайцы знали, что Римская империя ведет торговлю с Парфией и Индией через море. Но только в начале II века н.э. морской путь начинает развиваться и постепенно заменяет собой караванные маршруты. С I века до н.э. мореплаватели начали

«У кораблей по носу с каждого конца, чтобы не переворачиваться в узких каналах. Водоизмещение их около 30 000 амфор. Мореплаватели не следят во время плавания за небесными светилами, не ищут и Большой Медведицы. Они везут с собой птиц, время от времени выпускают их и следуют за их полетом к земле. Плавают они только четыре месяца в году. Особенно не выходят в море сто дней после летнего солнцестояния: это время плохой погоды в тех краях».

Плиний
«Естественная история»

пользоваться сезонными ветрами. Как говорится в «Перипле Эритрейского моря», анонимном произведении конца I или начала II века, открытие «муссонного пути» произошло благодаря ветру Гиппалу. Корабли, следовавшие по Красному морю в Индию, отплывали из Береники в начале лета, а возвращались в декабре.

Именно таким путем прибыл к китайскому двору в 166 году человек, представившийся послом императора Марка Аврелия Антония. Он добрался до Тонкинского залива через Ринан. Однако достоверных данных, что путешественник действительно прибыл из Римской империи, нет. Привезенные им дары скорее индийского происхождения: бивни слона, рога носорога, панцири черепахи. В действительности Индия и Персия как транзитные страны представляли собой серьезное препятствие для Китая и Римской империи.

Таинственный Китай и загадочный Рим

Известия римлян и китайцев друг о друге относились прежде всего к области загадочного и чудесного: странные, таинственные земли, «земля обетованная».

Римляне выяснили, что шелк растет на своеобразном «шерстяном дереве», что серы любят пить воду и живут по двухсот-трехсот лет. Китайцы же считали римлян вторым «я», называли их, как и себя, — Большая Цинь — и думали, что там тоже выращивают тутовые деревья и разводят шелковичных червей: «Люди этой страны высокого роста и с правильными чертами лица; они похожи на жителей Срединного царства, и поэтому страну называют Большая Цинь» («История династии Поздняя Хань»).

Они не представляли, что секрет изготовления шелка откроется лишь в V веке в царстве Хотан, сегодняшнем китайском Туркестане, и уже потом, в VI веке, придет в Константинополь, а в Сицилию только в XII веке.

«Жители одеваются в яркие ткани; их обычаи похожи на обычаи Чаньяня... Народ спокойный и покладистый; многие доживают до глубокой старости».

Царство Дацинь
(Римская империя)

«Каждое дерево нуждается в особой почве, и только тутовник может расти в любой земле, а значит, нет такого места в Империи, где нельзя было бы разводить шелковичных червей».

«Когда шелковичные черви достаточно поели листьев, важно угадать точный момент, когда они уходят в себя, чтобы выпустить нить».

«На другой день после рождения шелковичных червей им дают тутовые листья, высушенные на воздухе. Когда черви вырастут до одной двадцатой дюйма, они едят пять раз днем и ночью».

«Из хвойных ветвей делают «стеллажи» для коконов длиной шесть футов и шириной три фута».

«Из бамбука, разрезанного на пластины, плетут сетку и помещают ее на раму на высоте шести футов, закрепленную со всех сторон деревянными стойками. Под рамой на расстоянии четырех или шести футов ставят переносную печку, наполненную древесным углем».

Станислас Жулиен
«Перечень основных китайских приемов по культуре тутовых деревьев и разведению шелковичных червей»

«Когда шелковичные черви превращаются в куколки, нужно выбрать закрытые коконы, с глубокими бороздами на поверхности: они разделяются быстрее. Для этого следует опарить их паром, а затем раскрыть, поместив в посуду с теплой водой».

«Секрет прядения заключается в получении шелковой нити тонкой, ровной, однородной и тугой, не слишком сжатой, не слишком слабой, без узлов и утолщений».

«Шелковую нить можно делать вручную или с помощью машины. Первый метод предпочтительнее для изготовления атласа и тафты, второй — для газонных тканей».

«Окрашивают ткань чаще всего растительными красителями, например на основе индиго или марены».

С помощью ткацкого станка можно получить множество способов переплетения шелковых нитей. Нити основы, размещенные на станке перпендикулярно, переплетаются с нитями утка, которые протягивает челнок.

«Вокруг лежала бескрайняя равнина,
ни следа человека или лошади.

Ночью злые духи зажигали факелы,
многочисленные, как звезды; днем
ужасающие ветра поднимали песок
и просыпали, как потоки дождя. Среди
этих жестоких порывов ветра сердце
его оставалось чуждо страху».

Жизнеописание пилигрима Сюань-Цзана, VII век

ГЛАВА II ЭПОХА ПИЛИГРИМОВ

Монахи путеше-
ствовали с опа-
халом от мух в руке,
рукописями за спи-
ной и в сопровожде-
нии тигра. Они
вверяли себя Будде
путешествий по
имени Бао Шэн.

Со времен китайских завоеваний в Центральной Азии в правление династии Хань по Шелковому пути шел поток дипломатических миссий, прикрывающих иногда простые коммерческие интересы. Но кроме того через него проходила и религиозная пропаганда. Буддизм, зародившийся в Индии в V веке до н.э., распространяется по тем же каналам, что и торговля. Изначально это вера аскетов, путь к святости; чтобы вырваться из бесконечной круговерти переселения душ, необходимо следовать жестким правилам. Однако постепенно правила смягчаются, и буддизм превращается в «универсальную» религию, доступную простым людям, которая продолжает распространяться по свету, развозимая торговцами.

Как буддизм пришел в Китай: от легенды к реальности

Если верить легенде, буддизм появился в Китае в I веке н.э., когда Мин-Ди, правитель династии Хань, увидел сон. Ему приснился бог, излучающий золотое сияние, который летал по его комнате. Правитель опросил сановников и узнал, что в Индии живет мудрец по имени Будда, и, по рассказам, он умеет летать... Тогда император направил посла с заданием разузнать об учении этого человека. Посол доставил в Китай книги, статуи и монахов. По некоторым источникам, достаточно сомнительным, «сутры» — индийские тексты, передающие слова Будды, — были перевезе-

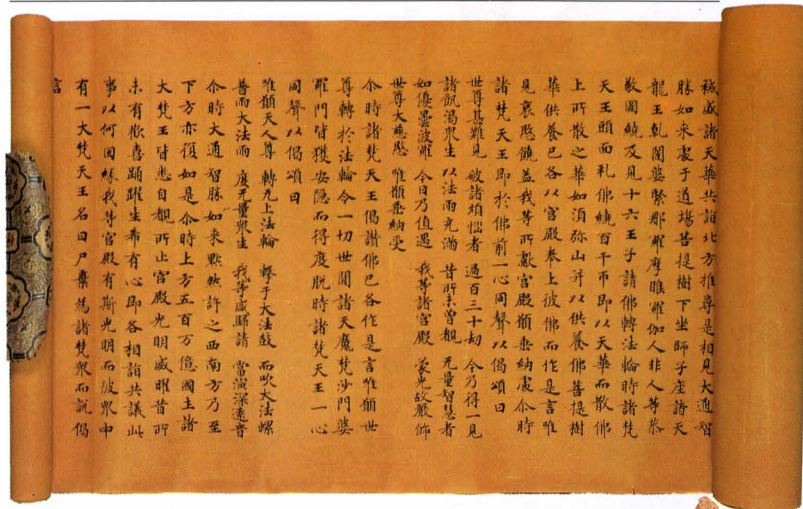
Изображения Будды Шакьямуни — как в эллинизированном стиле школы Гандхары (ниже), так и в чисто индийском, школы Матхуры — появились только в начале нашей эры.

ны на белой лошади. Хотя первые следы буддизма в Китае и правда датируются правлением императора Мин-Ди, в действительности ситуация сложнее. Чтобы религию, базирующуюся на правилах и традициях, чуждых даосизму или конфуцианству, приняли, она должна была прийти в благоприятный момент. Именно по этой причине буддизм начнет использовать лексику даосизма и предложит обряды, приемлемые для его последователей; в первую очередь на китайский переводятся тексты о морали и медитации. Буддизм выдвигается постепенно из целого клубка верований: в I веке до н.э. жертвы приносятся одновременно и Будде, и Хуань-Лао, Старiku Чжоу, даосскому божеству, возникшему в результате синтеза культов обожествленных философа Лао-Цзы и императора Чжоу, покровителя магов. Новая религия проникает в Китай как раз на волне такого слияния, о чем свидетельствует существование общин и обрядов жертвоприношений двум божествам в царстве Чу в 65 году н.э.

В результате введения буддизма тысячи последователей даосизма начинают утверждать, что сам Лао-Цзы отправился проповедовать в западные земли и обращать варваров в истинную веру. Некоторые даже утверждали, что он стал Буддой, и новая религия есть не что иное, как его учение.

Первыми китайскими буддистами становились купцы

Согласно той же легенде, посол императора Мин-Ди привез из Индии или Сериндии (современный Туркестан) не только буддистские тексты, но и первых переводчиков с санскрита. На самом деле более вероятно, что религии помогли закрепиться иностранцы, осевшие в Китае: торговцы, послы, военнопленные и беженцы, — и китайцы, вернувшиеся из Сериндии. Один из приезжих — купец Ань Сюань, описавший свою страну в правление Аршакидов (Ань — сокращенно от Аньси, парфянин). Он прибыл в восточную столицу, Лоян, в 181 году и под влиянием своего соотечественника Аня Шигао занялся буддистскими текстами. Первые переводы принадлежат недавним иммигрантам индоскифского, индийского или согдийского происхождения.

О первых путешествиях по Китаю, Сериндии и Индии не сохранилось никаких свидетельств, тем не менее возникший интерес к буддизму перерастает в жажду знаний, которую первые скудные собрания текстов и переводы не могут утолить.

В Китае появились буддистские тексты на пальмовых листьях. Каллиграфы выводили их на свитках желтой бумаги, часто в форме знамен, и собирали в «конверты» по десять штук.

Китайские пилигримы направляются в Индию, встречая по пути в оазисах торговые караваны

В основе великого паломничества, продлившегося до IX века, лежит желание ознакомиться с оригиналами буддистских текстов. В Индию ведет множество дорог, они проходят через Центральную Азию, реже — через Южный Китай и сегодняшнюю провинцию Сычуань; обратный путь, как правило, лежит через море.

Фа-Сянь — первый путешественник, чье подробное описание дошло до нас. Шестидесятилетний пилигрим решает отправиться в Индию и найти тексты о правилах жизни в монастырях. В 399 году в сопровождении четырех монахов он едет через оазисы, путем торговых караванов.

В отличие от пилигримов, как правило, путешествовавших небольшими группами и имевших при себе охранные грамоты, купцы объединялись в организованные караваны по несколько сотен человек. Здесь изображен привал арабских путешественников. Взято из «Универсальной космографии» Андре Тэвэ XVI века.

Проведя в Индии двенадцать лет, он садится на торговое судно, идущее на Цейлон, а затем в Китай. Многие монахи-пилигримы будут считать Фа-Сяня первопроходцем, проложившим путь в Индию. Его рассказ, хоть и отмеченный некоторой сухостью, будут читать, пересказывать, цитировать.

Знаменитый пилигрим Сюань-Цзан тайно покидает Китай вопреки приказам императора

В VI веке волна паломничества спадает, но в правление династии Тан вновь набирает силу, особенно в связи со знаменитым путешествием Сюань-Цзана. В отличие от Фа-Сяня, который не получил должного образования, Сюань-Цзан был определен в монастырь в возрасте двенадцати лет, провел серьезные исследования в области буддизма и был особенно сведущ в схоластической философии. Он решил отправиться в Индию за оригиналами текстов, подвергавшихся различным интерпретациям.

Пилигримы брали с собой дорожные жертвенники, подобные этим, из раскрашенного дерева. Справа изображался бодхисаттва Авалокитешвара (Гуаньинь), справа — Будда Шакьямуни, сидящий в позе лотоса и медитирующий.

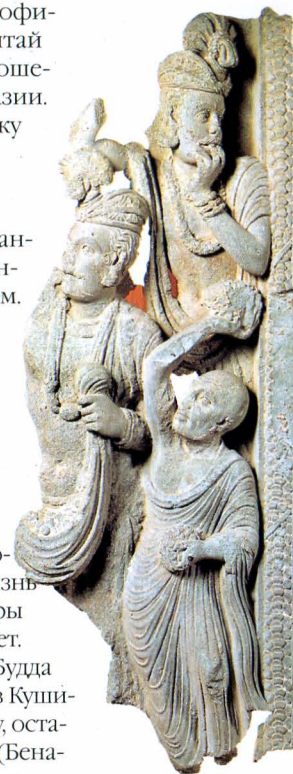
Вместе с другими монахами он запросил официальное разрешение, но получил отказ. Китай временно прекратил дипломатические отношения с западными царствами Центральной Азии. Тогда Сюань-Цзан решает ехать в одиночку и тайно. О его путешествии нам известно из жизнеописания монаха, составленного вскоре после его смерти, и из «Сиюй цзи», или «Записок о Западных землях», пересказанных одним из его учеников, Бянь-Цзи, по информации, собранной самим Сюань-Цзаном.

Сюань-Цзан возвращается из Индии через десять лет и привозит книги, статуэтки и реликвии

Мэтр Учения покидает Китай в 629 году. Во время всего путешествия он ведет записи о различных элементах буддизма: «ступах», статуях, реликвиях и объектах поклонения. Он посещает священные места и созерцает мощи Будды, разузнает легенды, окружающие жизнь Учителя. Многочисленные монастыри Гандхары превратились в руины, буддистов там почти нет. В Шравасте (современный Сахет-Махет), где Будда проповедовал, в Капилавасте, где он родился, в Кушинагаре, где он умер и перешел в нирвану, остались лишь развалины. В Варанаси (Бенаресе) буддистов в три раза меньше, чем индуистов — еретиков, по мнению Сюань-Цзана. От местности Гая (Бодх-Гая) монах делает точное и детализированное описание мест и упоминает Дерево Бодхи, где Будда стал Просветленным. Сюань-Цзан проводит затем пятнадцать месяцев в Наланде, в то время крупном научном центре, чья слава привлекает учеников издалека.

Затем Сюань-Цзан отправляется в Бенгалию и Ассам, где выходит на караванный маршрут, ведущий из Китая через

«Иногда он положил еще 200 поклонов, вдруг вся пещера наполнилась светом, и тень Учителя царственно нарисовалась на стене, как будто облака раздвинулись, и открылся вдруг удивительный вид золотой горы».

Жизнеописание Сюань-Цзана

Сычуань, более быстрый, но и более опасный путь в Индию. Затем монах движется на юг и посещает земли дравидов. Он пытается сесть на корабль, идущий на Цейлон, но вынужден отказаться от этой затеи из-за начавшихся военных действий. Тогда пилигрим идет запад, посещает Аджанту, поднимается к северу до Варукачи (современный Броч), заходит в древний порт Баригаза, бывший некогда центром греко-индийской торговли.

Выехав из Барукачи, Сюань-Цзан пускается в обратный путь. Он направляется к северу, пересекает Инд (потеряв там пятьдесят рукописей), переходит через Гиндукуш, идет в Гилгит, затем в Таш-куртан (весьма вероятно, это древняя Каменная башня, упомянутая во II веке в «Географии» Птолемея). Там, судя по всему, осуществлялась торговля между китайскими и западными караванами.

По возвращении в Китай Сюань-Цзан, привезший с собой статуэтки и реликвии, принят с большими почестями. Остаток жизни он проведет за переводами собранных им текстов шестисот семидесяти семи произведений.

И-Цзин же, решив добираться на север морем, садится на персидский корабль

Другой великий пилигрим, И-Цзин, вдохновленный примером Сюань-Цзана, через двадцать лет после его возвращения дает обет отправиться в Индию. В 671 году в Кантоне он садится на персидский корабль. Морской путь не нов, известно, что так вернулся из Индии Фа-Сянь, но до сих пор он почти не пользовался буддистскими монахами. Это скорее торговый маршрут между Персией, Индией, Индонезией и Китаем, а не путь паломников. В VIII веке рассказы о пилигримах становятся редки. Монахов достаточно много, и кто-то мог отправиться в Индию, но достоверных свидетельств об этом не сохранилось.

Все пути ведут в Центральную Азию

С IX века буддизм в Китае приходит в упадок. В 843–845 годах он запрещен указом императора У-Цзуна. Запрет действовал всего лишь пару лет,

Сюань-Цзан оставил краткое описание пещер Аджанты, рядом с Аурангабадом: «На восточных границах царства стоит большая гора со скалистыми цепями, двойными пиками и крутыми гребнями, вершины ее нагромождаются одна на другую. В прежние времена в этой мрачной лощине существовал монастырь. Высокие стены и глубокие залы занимали отверстия в скалах и опирались на пики; его постройки и двухъярусные башни выходили из пещер и смотрели в долину». Некоторые гроты были украшены настенными росписями с изображением тысячи будд».

но паломничества в Индию и поиски текстов на санскрите прекратились.

В начале правления династии Сун организовано официальное паломничество, в котором приняли участие не более ста пятидесяти монахов. Но в целом в ту эпоху связи Китая с Центральной Азией ослабевают; Китай находится в периоде спада: на юге возникает новая страна, Вьетнам, с севера и с запада угрожают могущественные царства. Тропы пилигримов заброшены. Однако влияние буддизма на философию Китая не исчезло, продолжает оказывать глубокое воздействие и конфуцианство, развившееся в XI и XII веках.

Маздеизм и манихейство, пришельцы из Персии

Великий запрет 843–845 годов ударил в равной мере и по другим чужеземным религиям, проникшим в Китай на несколько веков позже. Здесь речь идет о маздеизме, манихействе и несторианстве. Различия между тремя религиями китайцам не всегда понятны, в их глазах все это персидские учения.

Маздеизм, или зороастризм, зародился в Персии в правление Сасанидов, где был официальной религией вплоть до исламского завоевания. В Северном Китае он появился в VI веке и получил известность как «культ небесного бога огня».

Судя по всему, в VII веке в столицах Чанъани

Манихейство завезено к тюркам-уйгурам согдийцами, производившими основную часть караванной торговли. Археологические раскопки в Турфане в районе Синьцзян позволили раскрыть значимость этой синкретичной религии в правящих тюркских кланах.

Изображения распятия появились в христианской иконографии только в VI веке. Несторианство же, запрещенное в V веке, не переняло эту традицию и продолжало использовать крест без распятия. Это крест триумфа, а не символ любви и страданий Христа, «смертью победившего смерть».

и Лояне, а также в Дуньхуане и других оазисах Шелкового пути были основаны храмы. Но маздеизм остается религией чужеземцев, «варваров»: его концепции и обряды слишком далеки от китайского мировоззрения, и полной ассимиляции не происходит.

Еще одна религия иранского происхождения, манихейство, проникает в Китай к концу VII века. Несмотря на чуждый китайцам дуализм, учение Мани, известное под именем религии Света, имеет

некоторый успех благодаря введению элементов буддизма и даосизма.

Шакьямуни и Лао-Цзы называют предшественниками Мани; в столице в 731 году по приказу императора составлено «Наставление о вере Будды Света». Манихейство становится официальной религией турков-уйгуров в китайском Туркестане, однако в самом Китае, попав под удар в связи с запретом 843–845 годов, оно оставило лишь слабый след.

Несторианство проходит большой путь в Срединном царстве

Несторианство, в свою очередь, оказало более глубокое влияние. После Эфесского собора 431 года, где учение епископа Нестория, отделившего божественную природу Христа от человеческой, было объявлено еретическим, запрещенная вера широко распространилась в Персии, а затем в Индии и Китае. В XVII веке в Сиане, неподалеку от древней китайской столицы, найдена стела 781 года, позволившая датировать появление в стране несторианства. На стеле, посвященной «распространению лучезарной религии Большой Цинь в Срединной империи», на китайском языке сообщается, как некий Алобэнь прибыл в Чанъань в 635 году и привез с собой священные книги; император Тай-цзун принял его, а затем приказал распространить новое учение.

Тексты перевели на китайский язык, а затем в каждой префектуре основали монастыри.

Несторианская стела, найденная в 1623–1625 годах, сохранилась в «лесу стел» в Сиане.

Легенда о царстве пресвитера Иоанна родилась в XII веке и просуществовала очень долго благодаря письму этого таинственного индийского правителя. Согласно мифу, Иоанн — потомок магов, христианский царь, следы которого безуспешно искали по всей Центральной Азии, а затем и в Эфиопии. После смерти он возродился из пепла.

Таинственное царство пресвитера Иоанна

Несторианство, судя по всему, принесено согдийскими и тюркскими купцами. Тем не менее в 845 году иноземные религии запрещены, и закрыты все несторианские монастыри, в которых, вместе с маздейскими, насчитывалось более трех тысяч человек. Религия уже не возродится, но сохранится в степях Центральной Азии и позже распространится у монголов. Когда последние в XIII веке завоевали Китай, несторианство возродилось на севере страны. Некоторые родственники Великого хана, а также его советники и наставники — несториане. Благодаря распространению христианства родится знаменитая легенда о загадочном царстве священника Иоанна — христианского принца, ударившего по мусульманам с тыла, — землях, которые будут искать все средневековые западные путешественники.

В отличие от описанных трех религий ислам, попавший в Китай в середине VIII века, прочно там закрепился, пусть даже община его немногочисленна. Его занесли из Центральной Азии мусульманские завоеватели. Кроме того, ислам получил распространение в Южном Китае благодаря морской торговле со Средним Востоком.

В Северный Китай ислам проник вследствие молниеносного завоевания. Уже менее века спустя арабы стоят у аванпостов страны. Битва на реке Талас, неподалеку от Самарканды, отметила спад китайской экспансии.

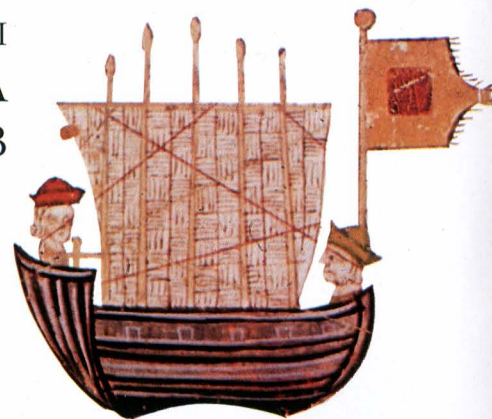

«Как купец я общался с купцами.
Особенно искал я иноземцев,
чтобы узнать новости из Багдада и найти
корабль, на котором я мог бы вернуться.
Столица царя Митраджа находится
на берегу моря, и там большой порт,
где каждый день становятся на якорь
корабли со всех концов света».

История Синдбада-морехода
«Тысяча и одна ночь»

ГЛАВА III ЭПОХА КУПЦОВ

Множество изображений караванов иллюстрируют копию арабской рукописи, «Макамат» ал-Харири (1054–1122), сделанную в 1237 году. В ней рассказывается о знаменитом путешественнике Абу-Саиде.

Союзным договором с двумя частями света, подобно заключенному в давние времена парфянами, арабы монополизировали всю морскую торговлю вплоть до эпохи монгольских завоеваний. Обширная империя степей, контролируемая монголами, посеявшими ужас в душах жителей запада, желает передела караванных путей. Тогда как путешествия арабов по Шелковому пути преимущественно связаны с торговлей, количество религиозных христианских миссий в два раза превышает численность купцов из западных стран.

Мусульманские географы оставляют нам ценные свидетельства о морских путях

Многочисленные данные о морском пути между Персидским заливом, Индийским океаном и Китайским морем дошли до нас благодаря арабским географам их сообщениям о путешествиях.

Самое древнее из сообщений — компиляция «Сведения о Китае и Индии», собранная в 851 году из многочисленных рассказов купцов, в частно-

Экспансия ислама и расширение сети обменов между Средиземноморьем, Индийским океаном и Дальним Востоком в IX веке способствуют развитию арабской географии. Первыми «поставщиками» информации стали купцы и моряки, плавающие на торговых судах. Рассказы описывают прежде всего экономическую сторону, но в них остается место и чудесам.

сти некоего Солимана. Абу Саид из Сирафа завершит компиляцию описанием Персидского залива. Как многие в ту эпоху, он не ездил в дальние страны сам, а собирал информацию путешественников. Текст вдохновит многих арабских географов, которые будут его цитировать, копировать, а иногда и заимствовать.

Утопающий в роскоши багдадский двор поощряет развитие морской торговли между Средним и Дальним Востоком

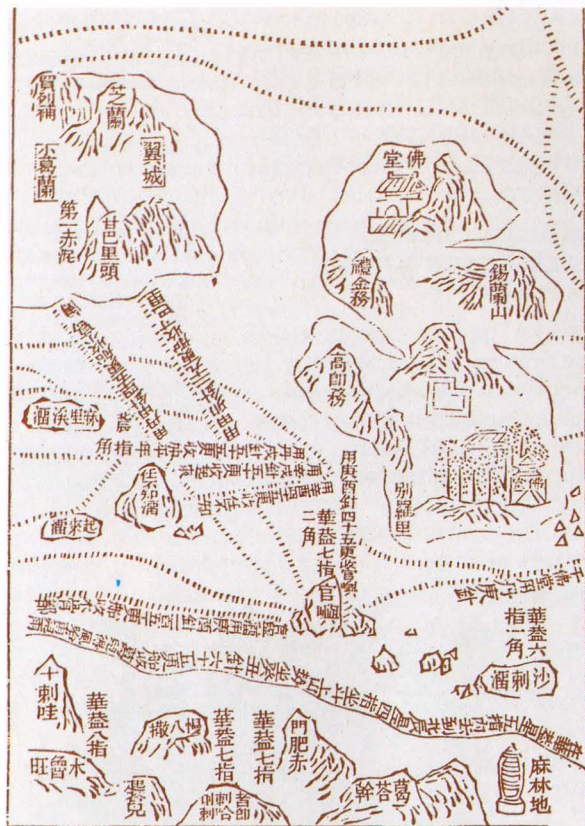
После основания Багдада в 762 году и с ростом государства Аббасидов морская торговля между Средним и Дальним Востоком оказалась в новых условиях. Теперь в столице находятся двор и семья калифа, уже не рассеянная по всей Сирии, как в свое время Омейяды. Багдад становится людным городом. Торговля с Азией поощряется пристрастием двора к роскоши. О значимости торговых потоков можно судить не только по свидетельствам о путеше-

ствиях,
но и по
количеству
арабских
купеческих
поселений в
самом Китае.

«Он был так измучен жарким солнцем и раскалившейся землей, [...] что свернул с дороги и пошел к деревьям, которые заметил в поле. У подножия большого орехового дерева он нашел родник с водой, очень чистой и холодной. Он сел у источника и достал из сумы несколько фиников и печенье... Прежде чем начать скромную трапезу, будучи добрым мусульманином, он омыл руки, лицо и ноги и совершил молитву».

«Тысяча и одна ночь»

Крупный китайский порт, собиравший арабских купцов, — Кантон

В соответствии с маршрутом, описанным в «Сведениях о Китае и Индии», суда выходят из Персидского залива в Индийский океан, направляются к Лаккадивским и Мальдивским островам, затем к Кулам-Малайя (современный Квилон) на юго-западе Индии, Цейлону и островам Никобар и Андаман. Арабские торговцы, как и буддистский пилигрим И-Цзин двумя веками ранее, рассказывают, что на этих островах люди ходят голыми и обменивают амбру и кокосовые орехи на железо. Оттуда корабли

Самая древняя до нас китайская сухопутная карта датируется XII веком. Здесь же изображена карта Мао Куня (1511–1601), опубликованная в 1628 году в «Убей Чжи» («Трактате о военных приготовлениях») его внуком Мао Юань, и в действительности составлена из нескольких карт. На ней виден остров Цейлон в верхнем правом углу, индийский берег в верхнем левом, Мальдивские острова в центре, и внизу — Африканское побережье.

следуют Малаккским проливом, поднимаются по берегам Чампы и прибывают в Кантон.

Путешествие через Персидский залив в Китай при попутном муссоне занимает восемь месяцев. Возвращение возможно не раньше, чем будут проданы товары и найден новый груз. К тому же необходимо ждать, пока не переменится муссон, чтобы опять идти с попутным ветром. Все это занимает более года. По информации купца Солимана, арабские купцы в Кантоне подчиняются главе-мусульманину, который, в свою очередь, отвечает за единоверцев перед китайскими властями.

Таможенные власти устанавливают жесткие правила, налоги доходят до тридцати процентов от стоимости товара

Абу Саид рассказывает нам об организации торговли в Кантоне. Под надзором китайских властей товары складываются до тех пор, пока в порт не войдут все корабли,

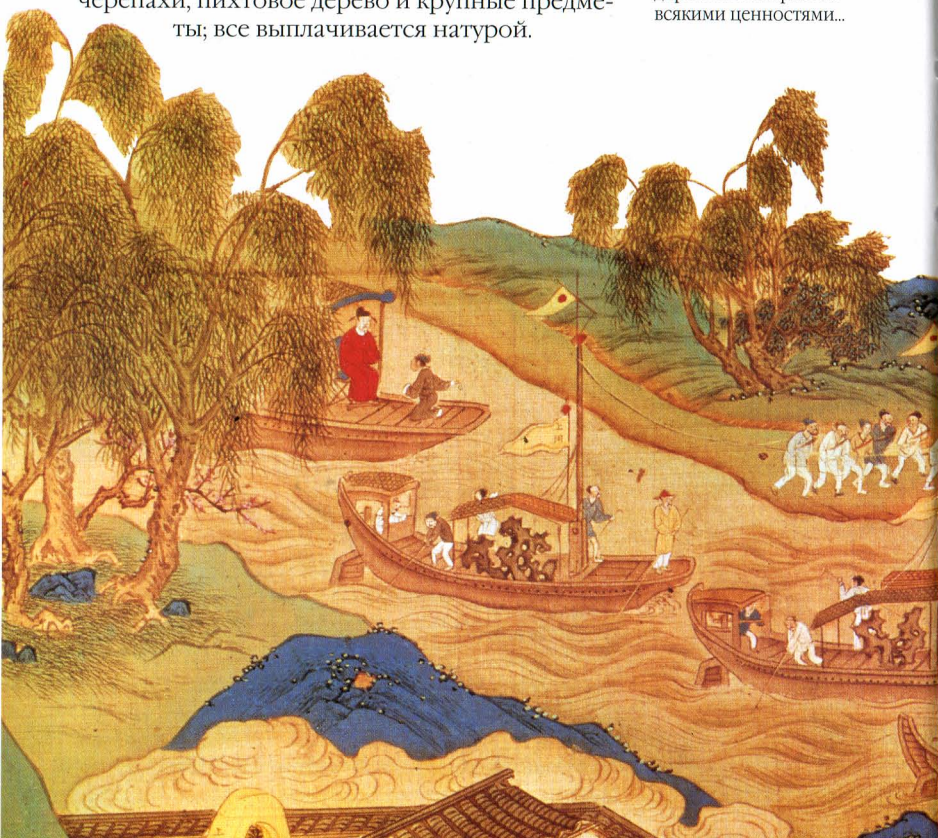
Арабские географы, самые известные из которых жили в Багдаде в IX–XII веках, перевели и адаптировали сочинения античной Греции, Персии и Индии. В XII веке еще живо восприятие Птолемея, что видно из планисферы магрибца Идриси, картографа короля Сицилии Рожера II. На копии 1844 года берега Африки, земли почти девственные, изображены в самом низу, рядом с китайскими берегами, и разделены всего лишь несколькими островами.

следующие с этим муссоном. Арест груза может длиться до шести месяцев. Пошлины, взимаемые китайцами, достигают тридцати процентов от стоимости товаров. Развитие морской торговли сопровождается развитием регламентации перевозок.

В XI–XII веках в Кантоне, Ханчжоу и Минчжоу, затем в Цюаньчжоу (Зайтоне) созданы комиссариаты морской торговли. В их обязанности входят сбор налогов и отслеживание монополии государства на некоторые товары. Налоги поднимаются до десяти процентов на жемчуг, камфару и мелкие предметы, до тридцати процентов на панцирь черепахи, пихтовое дерево и крупные предметы; все выплачивается натурой.

В том городе порт; приходят туда суда из Индии с разными дорогими товарами и всякими ценностями...

Китайские джонки тоже плывут к Индии и, может быть, даже в Персидский залив

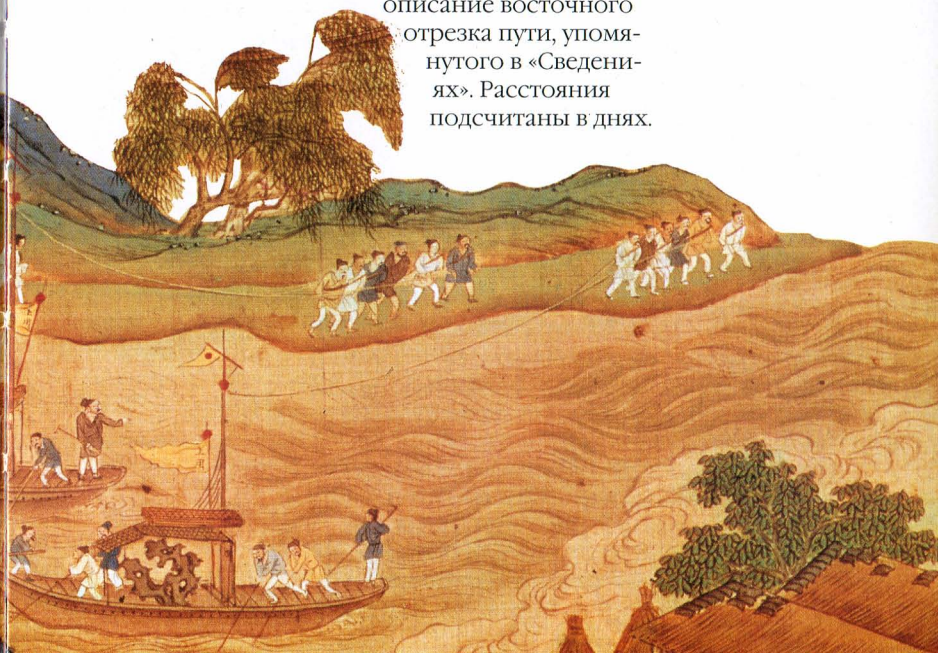
Морскую торговлю вели не только арабы. Известно, например, что после битвы на реке Талас (современный город Аулие-Ата) в 751 году, положившей конец и мусульманской экспансии на восток, и активному присутствию Китая в Центральной Азии, пленный китаец был отправлен домой в 762 году через Персидский залив на китайской джонке. «Сведения о Китае и Индии» также упоминают перевозку товаров китайскими кораблями между Сирафом и Кантоном. Эти суда не могли доплыть до города Бассора в глубине залива из-за своей большой осадки. Учитывая их большую емкость, они соответственно облагались более высокими налогами в Квилоне.

Наконец, известен маршрут из Кантона в Персидский залив, приведенный в конце VIII века китайским географом Цзя Данем. Он дополняет описание восточного отрезка пути, упомянутого в «Сведениях». Расстояния подсчитаны в днях.

...Каменьями и жемчугом. То пристань и для купцов Манги, и для всех по соседству. И приходит сюда, и вывозится отсюда множество товаров и камней. Смотришь и удивляешься».

Марко Поло

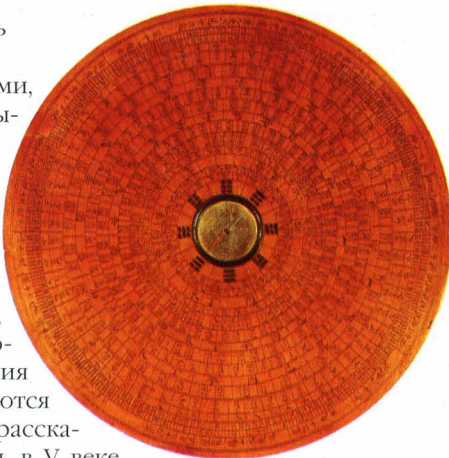
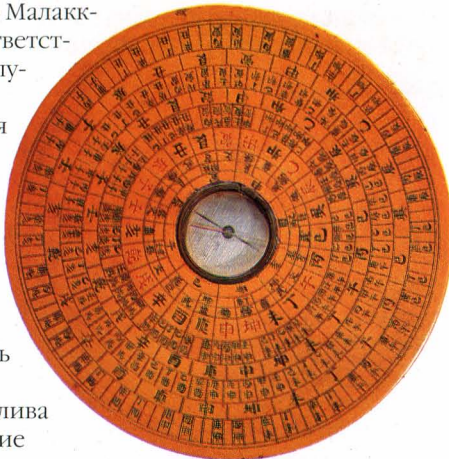

Общая длительность пути до Малаккского пролива в точности соответствует времени, которое заняло путешествие И-Цзина в конце VII века. В описании побережья Малабара и Квилона географ менее точен, что, без сомнения, свидетельствует о немногочисленности китайских кораблей, добравшихся до Персидского залива. Товары, вероятно, чаще обменивались в Квилоне, а оттуда перевозились на других судах. К тому же, от Маската до Ормузского пролива могли пройти только небольшие корабли.

«Ночью они определяют путь по звездам, днем — по солнцу. Если же солнце скрыто за тучами, то пользуются они иглой, указывающей на юг».

Развитие мореплавания, разумеется, сыграло свою роль в экспансии Китая. Первые упоминания компаса с намагниченной стрелкой относятся к правлению династии Хань, однако свидетельства непосредственного использования прибора в навигации встречаются только с XI века. До того, как рассказывает нам пилигрим Фа-Сянь в V веке, моряки не знали ни востока, ни запада, не держали курс с помощью солнца, луны или звезд; тогда они лишь шли по ветру, не пытаясь взять другое направление.

Долгое время оставалось неизвестным, кто изобрел компас — китайцы или арабы. Факт заключается в том, что первые письменные свидетельства арабов датируются XIII веком, тогда как многие китайские тексты говорят о частом использовании

«Кудесники натирают кончик иглы природным магнитом; тогда она начинает показывать на юг... Некоторые из таких иглол, когда их натирают, показывают на север».
Шень Гуа (1034–1091)

ком-
паса ки-
тайски-
ми моря-
ками уже
в XII веке.
Тогда он
назывался
«иглой, пока-
зывающей на
юг» и состоял из

намагниченной иглы, плавающей в сосуде с водой. Усовершенствование компаса позволит улучшить условия навигации.

«Чжифан Цзи», или воспоминания комиссара морской торговли в Цюаньчжоу

Ярким свидетельством торговой активности является «Описание народов варваров», «Чжифан Цзи», написанное в XII веке Чжао Рукуа, комиссаром морской торговли в Цюаньчжоу. Часть произведения состоит из кратких заметок о землях, с которыми Китай поддерживал отношения в правление династии Сун: Индокитай, Малайзия, Индия, Филиппины, Корея, Япония, побережье Оманского залива, — а также о самых отдаленных землях, контакты с которыми остаются гипотетическими: Египет, побережье Сомали, Занзибар.

Во второй части — описание продуктов и товаров, ввозимых в Китай: ароматные породы деревьев и смолы для благовоний и лекарств, наркотические средства и духи: алоэ из Камбоджи, Аннама или Палембанга, сандал с Явы, ладан из Омана и Дуфара (таможенные власти называют три сорта). Также импортируют специи: перец из Индии, гвоздику с Молуккских островов, кардамон из Камбоджи.

Астролябия, бывшая в ходу у арабов, появляется в китайских текстах только в XIII веке. Инструмент, «берущий звезды», служил для измерения высоты звезд над горизонтом. Он состоял из диска, одна из сторон которого была градуирована, а на второй изображена проекция сферы на плоскость. С помощью кольца, «паука», получали расположение точки на небе относительно наблюдателя.

«И расскажу вам, что перечные деревья сажают зимой и часто поливают; и они домашние. Перец вовсе не сушат в печи, как считается у нас».

Марко Поло

Часть груза предназначена ремесленникам: слоновая кость из Юго-Восточной Азии и Африки, рог носорога из Индокитая. Китай начал выращивать хлопок только в XIII веке. До этого хлопчатобумажные ткани прибывали из Индонезии и Юго-Восточной Азии, из Индии и из Персии.

Шелк все еще является важным предметом китайского экспорта, но на подьеме находится и керамика. Постепенно первое место в морской торговле занимает фарфор. Его прозрачность поражает арабов, посетивших Кантон в IX веке: «Глиняная посуда у них превосходного качества. Чашки тонкие, как стеклянные флаконы: через них виден блеск воды, хоть и сделаны они из глины».

«А с виду перец как змея. В этих странах его грузят навалом на корабли, как у нас пшеницу».

Марко Поло

Крестовые походы и обновление караванных маршрутов

Тогда как морские пути между Средним Востоком и Китаем продолжали равномерно развиваться, караванные тропы, избороздившие Евразию, до сих пор не знали такого оживления.

Крестовые походы стали одним из движущих элементов возобновления сухопутных маршрутов. Особенно способствуют оживлению итальянские купцы, из Венеции или Генуи, направляющие к Святой земле транспорт, продовольствие и людей. В портах Средиземного моря — на Корфу, в Салониках, на Негропонте — откры-

ты представительства торговых фирм. В 1204 году, после взятия Константинополя крестоносцами, хо-

зяевами города становятся венецианцы. Именно там семья Поло держала торговый дом, возглавляемый Марко Стар-

шим, дядей знаменитого путешественника.

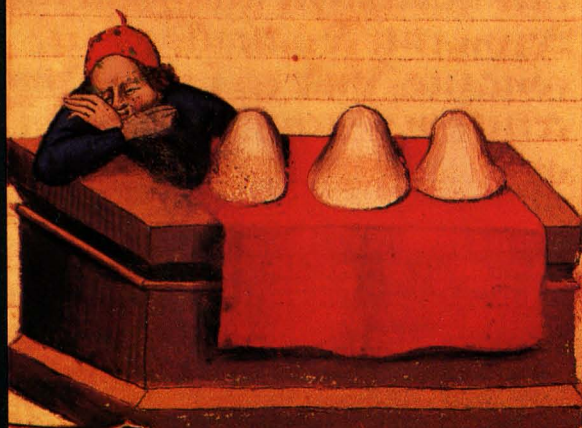

Крестовые походы открывают мир жителям Запада и меняют направление торговых потоков Средиземноморья. Закрепление христиан на Востоке открывает для западных купцов дорогу в Индию и Китай. Вверху: Людовик Святой отправляется в седьмой крестовый поход из Эгю-Морт в 1248 году.

clamant ad collum suum
tāgat splenem mirabilite

busiat postea unguatur caput et

Cerusa frā... sic in sedo
quidu... a flas plūb
sue gerse apell... de cerusa
fit autem... lamias plu

**Камфара, сахар,
корица**

Камфара, высоко ценившаяся в медицине и парфюмерии, привозилась из Китая и Индонезии. Камфарное дерево рубили и собирали вытекающую жидкость. Когда она кристаллизовалась, ее продавали блоками или листами.

По свидетельству Марко Поло, сахар в изобилии производился в районе Кинсая. Монголы принесли в Китай новые способы рафинирования, более качественные, чем индийские: «Ему вообще не дают отстояться и схватиться; его кипятят и просто снимают пену, а когда он остывает, становится как тесто и черным».

Китайская корица и имбирь были известны еще во II веке греческому врачу Галену. Первоначально их использовали в лекарствах, теперь же они становятся приправой.

**Ладан,
мускатный орех**

«Родится здесь [на берегах Аравии] много хорошего белого ладана. Он вытекает по каплям из одного небольшого дерева, похожего на ель. Жители каждый раз отрывают или надрезают кору дерева, и оттуда вытекают капли ладана; потом жидкость твердеет».

Марко Поло

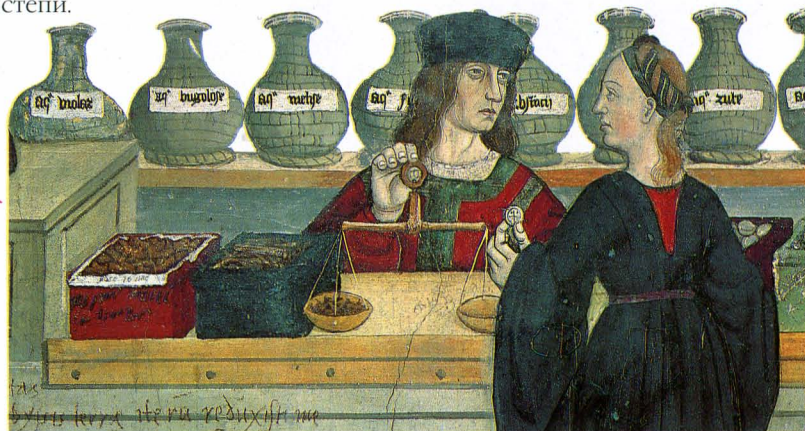
«Дерево, на котором растут мускатные орехи, той же формы, что персик или груша, только более длинное. Листья у него круглые. Фрукт похож на большой персик, а в середине орех, покрытый жесткой кожурой, но она не прилегает к ядру. Орех завернут в оболочку, или ароматный цветок под названием мацис».

*«Навигация и маршруты в восточную Индию»
Ян Хуген ван Линсхофен
(1596)*

Рождение делового человека в Средневековье

Две причины могли толкать купцов на поиски новых путей сбыта далеко на Востоке. Во-первых, вздорожание ценных товаров — китайских шелков или специй, — из-за наценок и налогов во время перевозки через мусульманские территории. Существует коммерческое неравновесие между дорогостоящим импортом и стоимостью предметов, вывозимых европейцами, главным образом шерстью и холстом. Риски путешествий заставляют торговцев объединяться и распределять капитал по разным предприятиям. Самая распространенная в Венеции система — союзы, в которые объединяются капиталист, вносящий основные фонды, и купец, предоставляющий остаток денег и непосредственно осуществляющий продажу. По возвращении прибыль делится пополам.

Во-вторых — объединение народов Азии под властью Империи монголов и установление относительного мира, упростившего поездки через степи.

«В Средние века торговля иногда начиналась со специй, и они тотчас же становились основным товаром; специи обеспечили богатство Венеции, они же принесли его и всем крупным портам западного Средиземноморья».

Х. Пирен, 1968 год

Чингисхан, а позже его сын Угэдэй собирают свои племена и занимают Туркестан, Персию и Афганистан, наводняют равнины Венгрии, сея ужас в душах жителей Запада. Позже, в правление Хубилая, границы империи расширяются до Южного Китая, завоевание которого завершится в 1279 году.

Венецианские купцы Маффео Поло и его брат Никколо отправляются в путь

Отплыв из Венеции в 1260 году «на одном из своих кораблей, нагруженных товарами разными и ценными», братья прибывают в Константинополь.

Там они, судя по всему, продают груз, накапливают «всяких драгоценностей большой ценности и красоты» и отправляются в Солдадию (Сундак). Затем цели путешествия неясны. Очевид-

«Они провели меня вдоль большой и широкой улицы, которая называется Большим каналом, и он действительно большой. По нему туда и сюда ходят галеры, и возле домов я видел суда водоизмещением в 400 бочек и больше. Думаю, что это самая прекрасная улица в мире... Дома там очень большие и высокие, построенные из хорошего камня и красиво расписанные, они стоят уже давно».

Филипп де Коммин

но, разочарованные пребыванием в Солдадии, купцы решают идти дальше. Куда? Зачем? Марко Поло в «Книге о разнообразии мира» не дает ответа и не описывает путешествие. Известно только, что они отправляются на лошадях, маленькой группой, а не с караваном, и, что, прибыв на Волгу, в ставку Берке, предлагают хану драгоценности в обмен на защиту и получают за них вдвое больше, чем рассчитывали выгадать от продажи.

Как братья узнают о Кублай-хане, «великом государе всех татар»

Через некоторое время братья решают вернуться с товарами в Константинополь, но начинается война, и дорога обрывается. Тогда они ищут другой путь и действительно идут в противоположном направлении, прямо на восток, и добираются до Бухары.

Из-за сражений между татарами, как называли тогда монголов, купцы проводят в городе три года. Именно тогда послы Хубилая, «государя всех татар», везут их в Каракорум, резиденцию

Кроме специй итальянцы ввозят шелк и хлопок, который венецианцы называют греческим именем «бомбисин», а генуэзцы — арабским «котон». На Запад приносят разные восточные ткани: дамаст из Дамаска, муслин из Мосула, балдахин из Багдада, газзовые ткани из Газы. Корабли везут и красители — бразильское дерево из Индии, кошениль, едкие квасцы.

Великого хана. О первоначальных коммерческих интересах Поло речи уже не идет.

Хубилай расспрашивает об их странах и о христианстве. Хан поручает братьям послание к апостолу (папе римскому) с просьбой прислать сотню мудрецов, чтобы те объяснили христианское учение. Вооруженные охранными грамотами и в сопровождении татарского князя, который заболит и отстанет в пути, Никколо и Маффео Поло прибывают в город Лаяс на Средиземном море и садятся на корабль, идущий в Акру. Это произошло в апреле 1269 года — единственная точная дата, — дорога из Каракорума заняла три года. Но по прибытии выясняется, что папа умер, и ответ Хубилаю может быть дан только преемником верховного понтифика. Тогда купцы возвращаются в Венецию с тем, чтобы дожидаться выборов нового папы. Никколо встречается со своим сыном, которому в то время исполняется пятнадцать лет.

«Иногда он написал им упомянутое письмо, великий государь с почтением попросил братьев привезти масла из лампы, что у гроба Господня в Иерусалиме».

Марко Поло

«С тех пор, как Господь Бог собственными руками сотворил Адама, нашего праотца, и Еву, и доныне не было такого христианина, сарацина, язычника, татарина или индийца, или иного какого человека из других народов, кто видел бы, разузнавал бы и знал столько о различных частях мира и о великих диковинах так же точно, как господин Марко Поло; никто другой не путешествовал столько и ни у кого другого не было столько возможностей видеть и знать».

Рустичелло Пизанский, 1298 год

ГЛАВА IV МАРКО ПОЛО

Вслед за легендой о Марко Поло возникают различные изображения венецианца. Здесь он нарисован в татарском костюме, с луком и саблей, и уже совершенно не похож на купца.

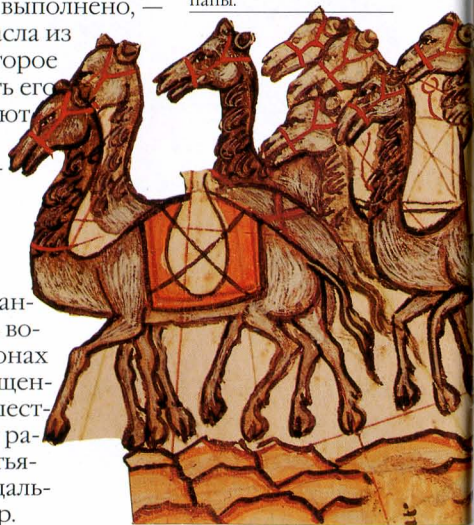
Никколо и Маффео Поло готовятся вернуться к Великому хану. На сей раз они берут с собой молодого Марко. Юноше предстоит настоящая одиссея, которая продлится двадцать пять лет, с 1271 по 1295 год, и благодаря которой появится знаменитая книга «О разнообразии мира», известная также под именем «Книги диковин».

Со времени возвращения в Венецию проходит два года, новый папа римский так и не избран, и братья решают ехать к хану. Они отправляются в Акру, оттуда, получив «письма и полномочия» от папского легата, объясняющие причины, по которым поручение не могло быть выполнено, — в Иерусалим, где берут «немного масла из лампы, что у гроба Господня», которое Хубилай просил привезти, «ибо мать его была христианкой», затем прибывают в Лаяс. В Лаясе они узнают, что тот самый легат избран папой под именем Григория X.

Тогда Поло возвращаются в Акру и получают от него наставления для хана. Вместо сотни мудрецов папа направляет монахов-доминиканцев, наделенных правом исполнять волю церкви в этих отдаленных регионах и даже посвящать в епископы и священники. По возвращении в Лаяс путешественникам сообщают, что сарацины разоряют Армению. Напуганные, братья-проповедники отказываются идти дальше и возвращаются в Сан-Жан-д'Акр.

Перед возвращением ко двору Хубилая братья Поло получают благословение папы.

«Мы, трое путешественников, отправились в путь, ехали зимой и летом, не глядя на опасности и трудности»

Путешествие раскрывается в нескольких строках:

«Они пересекали пустыни длиной в несколько дней пути и шли вперед, по греческому ветру (северо-восток) и трамонтане (север), пока не пришли к Великому хану». Венецианцы странствовали три с половиной года. Их маршруты точно не известны, ни туда, ни обратно; Марко Поло не описывает достаточно подробно места, где проходил, намного лучше описывает он земли, о которых только слышал.

Путешествие сухопутное. Насколько можно восстановить путь, начиная с упоминаний Марко местностей, они, без сомнений, пересекли Армению и страну татар Леванта.

Спускались ли они или нет до Курмоса (Ормуз), остается под вопросом. Более четко прослеживается их

Рисунок взят из «Каталонского атласа» Карла V, созданного в 1375 году, уже после возвращения Марко Поло. Атлас отражает распространенное в Средние века видение мира, населенного фантастическими существами.

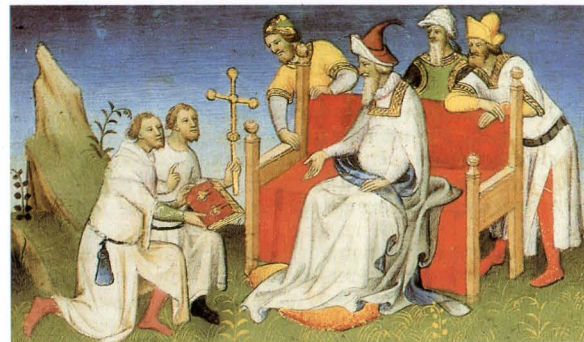

след в районе Сухого дерева, на юго-востоке Каспийского моря, потом в Балке (Балхе). Через Памир братья выходят в Кашгар, следуют по южной дороге через пустыню Такла-Макан, Яркенд, Хотан, Лоб, прибывают в местность Дуньхуан (которая тогда называлась Шачжоу, у Марко — Сасион) и, наконец, оказываются в северном Китае.

«Великий хан принял их с честью, с весельями да пиршествами. Спрашивал их и о здоровье, и о том, как они пожили»

Путешественники рассказывают Хубилаю о своих приключениях и о результатах поездки. Однако результаты, в конечном итоге, плачевны,

Отправившись в Китай, Марко Поло выбирает маршрут, отличный от пути, которым ехали его отец и дядя в свое первое путешествие. Возвращение пятнадцать лет спустя сделало Марко первым великим западным путешественником, проложившим морской путь.

«Стали братья перед ним на колени и, как умели, поклонились ему; а Великий хан поднял их тотчас же... Затем он спросил их, о чем они договорились с апостолом... Государь и все бароны слушали их в большой тишине, дивились на их долгие трудности и опасности».

так как ни один мудрец с ними не прибыл.

Венецианцы передали только «полномочия, письма и дары» папы, а также масло из лампы у гроба Христа. С этого момента отец и дядя Марко Поло исчезают из повествования. Занялись ли они вновь торговлей? Марко ничего не говорит об этом. Известно только, что они жили год все вместе

в Канпичионе (Ганьчжоу, в провинции Ганьсу).

Ганьчжоу являлся одним из караванных центров, где обменивались товары, как и в других городах провинции, например Дуньхуане или Лянчжоу.

«Молодой господин едет гонцом хорошо и толково»

Из «Книги о разнообразии мира» известно, что «как увидел Великий хан, что Марко — человек умный, захотел испытать его благоразумие, втайне надеясь, что Марко сможет узнать то, что он желал». Хубилай дает юноше несколько поручений. Ситуация может показаться необычной, тем не менее среди монгольских императоров распространена практика брать на службу чужеземцев, которые контролируют, инспектируют и надзирают за китайскими чиновниками. В частности, на юге Китая китайских управляющих часто возглавляли выходцы из других завоеванных северных стран, например джурчэты или кидани. В крупных городах встречаются люди самого разного происхождения и профессий: тибетцы, турки, иранцы, арабы и даже венгры, русские или армяне, чаще всего вывезенные из своих стран, как Ком, русский золотых и серебряных дел мастер, или Гийом Буше, ювелир из Парижа, или Лоррена из Меца, или Пакетта, жена русского ремесленника.

В качестве козыря у Марко — знание «многих языков и четырех азбук и письма». Без сомнений, это персидский, монгольский и, возможно, уйгурский и арабский языки. Судя по всему, как и монгольские императоры, китайский он не учит. В обязанности венецианца в первое время входят инспектирование и разведка. Его направляют прежде всего в Каражан (Дали, в провинции Юньнань), земли, завоеванные Хубилаем в 1253 году; правитель царства остался на троне под присмотром управляющего.

«Пришел Марко из посольства, явился к Великому хану и доложил ему обо всем, зачем ходил, а потом стал рассказывать о всех новостях и обо всем, что видел по той дороге; рассказывал с толком, умно. Дивился и Великий хан, и все, кто слушал его; молодец, — говорили они между собой, — востер не по летам; беспрерывно быть ему и мудрецом, и человеком важным».

**«Прожил Марко с Великим ханом
семнадцать лет и все это время хаживал
в посольствах»**

Марко Поло не всегда говорит о целях своих миссий. Великий хан отправляет его несколько раз в Канпичион и в Кинсаи (Ханчжоу) для контроля за сбором налогов, наконец в Индию. Затем Марко в течение трех лет занимает важный пост губернатора Янгуи (Янчжоу).

«В этой области водятся драгоценные камни балаши (рубины), красивые и дорогие камни; рождаются они в горных скалах. Добывают там балаши по королевскому приказу, для самого короля... а кто будет добывать для себя, поплачется за это головой».

Об остальной его деятельности почти ничего не известно. Сохранились только описания мест, которые он посещает. Но везде ли он был сам? Путь Марко прослеживается в Канбалу (Ханбалыке), городе Хана, современном Пекине, в древней китайской столице Кенжин-фу (Сиане), в Синда-фу (Чэнду, в современной провинции Сычуань), на Тибете и также в Юньнань. Приведенные же описания Мьянмы (Бирма), Бенгала, Тонкина и Аннам, возможно, не основываются на личных наблюдениях. Также молодой Поло упоминает современные провинции Шаньдун, Цзяньшуй и долину реки Янцзыцзян.

«Очень знатный и величавый город за свое великолепие, важность и красоту назван Кинсаи, Небесным городом»

Кинсаи, современный Ханчжоу, с 1132 года — последняя столица династии Сун: «Это самый большой город, какой есть в мире, и там столько удовольствий, что представляешь себя в раю».

Население огромное, полтора миллиона дворов (на самом деле около миллиона жителей, по китайским источникам).

Город стоит на воде, и там двенадцать тысяч мостов, поразивших нашего вене-

Марко Поло рассказывает, что стал важным лицом, приближенным к Великому хану, который «оказывал ему такие почести и держал так близко от себя, что другие бароны сильно завидовали».

цианца: «Мосты, построенные на главных каналах и по главной улице, имеют такие высокие своды и построены с таким искусством, что под ними может пройти судно без мачт; тем не менее по мосту можно проехать в экипаже или верхом». Ханчжоу в начале XI века, с приходом к власти династии Сун, стал крупным центром морской и речной торговли, благодаря расположению и на берегу моря, и на большом канале, связанном с Северным Китаем. Марко Поло описывает город с точки зрения торговца. Изобилие съестных припасов на рынке, лавки, где продают все что угодно: специи, перлы, драгоценности... «Много здесь богатых купцов, и шибко они торгуют; и никто об этом истинной правды не знает, так тут много купцов».

Марко упоминает и «кварталы удовольствий» со своими куртизанками, и кварталы медиков, астрологов и ремесленников. Но кроме того, он как чиновник интересуется администрацией города, организацией охраны, защиты от пожаров, общественной гигиеной, налогами, и в частности пошлинами на соль, сахар и на все товары, ввозимые или вывозимые, «за каждую вещь платят пошлину».

«Кинсаи в округе сто миль или примерно столько, потому улицы и каналы очень длинные и широкие. Рынки здесь проводят на четырехугольных площадях; а площади эти очень большие и просторные, и приходит туда множество людей».

«Есть два пути... Следуя за понаном, пересекаешь провинцию Катаи, за сирокко — провинцию Манги»

В описании Китая Марко Поло противопоставляет Север и Юг. Север — это Катай, по названию киданей, или катаев, основателей древнего царства Ляо (960–1129). Юг — это великая провинция Манги, также известная под именем Син; монголы заняли ее только через шестьдесят лет после завоевания Пекина. Подобное разделение мира напоминает разграничения в Античности между сармами и Тинией — в зависимости от того, с севера или с юга попадали в Китай. Путешественники не осознавали, что речь идет об одной стране. Только в начале XVII века эта двусмысленность полностью снимется.

«Ни в какой другой город в свете не свозится столько дорогих и роскошных вещей»

О Канбалу, зимней столице Великого хана, Марко рассказывает достаточно сухо. Прежде всего он описывает дворцы Хубилая и его внука, будущего наследника Темура, а также праздники, которые устраивает Великий хан на свой день рождения и в Новый год.

В описании Кинсаи Марко Поло больше задерживается на удовольствиях, чем на превратностях жизни. Все же он упоминает вскользь врачей и больницы, «которые древние цари приказали построить во всех углах города» и куда помещают больных.

«На каждой из трех площадей три дня в неделю собирается от сорока до пятидесяти тысяч людей, продающих товары и приносящих сюда всякого рода припасы, которых здесь всегда большое изобилие, как-то: дичи из коз, оленей, ланей, зайцев и кроликов, а также куропаток, фазанов, франколинов, перепелов, кур, каплунов, а уток и гусей столько, что и сказать нельзя, потому что в том озере их содержится такое количество, что за один венецианский серебряный грош можно получить пару гусей или две пары уток».

При этом отмечается, что купцы располагаются за пределами самого города: «В предметах пристают и живут и купцы, и все, кто приходит по делам; а приходит многое множество ради государя; и купцы, и другие люди приходят сюда по своим делам, потому что город торговый. Для всех готовы гостиницы».

Торговцы там многочисленны, и товары в изобилии. «Каждый день, знайте, приезжает в тот город более тысячи телег с шелком; ткуются тут сукна с золотом и шелковые материи. Это не чудо, потому что нет нигде вокруг льна, и по обычаю все одежды шьются из шелка. В некоторых местах есть хлопок и пенька, но их мало, а дешевого шелка в изобилии, и расходится он быстрее, чем лен или хлопок».

«Знайте, что в день своего рождения Великий хан облачается в самые знатные одежды, вытканные золотом, какие можно представить. И точно так же как и государь, одеваются двенадцать тысяч князей и рыцарей, названных верно-подданными государя, в одежды тех же цветов и того же фасона».

«Как Великий хан вместо монет тратит бумажки»

Несколько раз Марко Поло упоминает, что в том или ином городе в ходу бумажные деньги. Он посвящает им целую главу и расхваливает денежную «алхимию», с помощью которой листы из коры тутовых деревьев, скрепленные печатями Великого хана, стоят как золото или серебро. «Эти бумажки выпускаются с такой важностью и торжественностью, как будто бы они были из чистого золота или серебра; над каждым родом бумажек поставлено много чиновников, назначенных для того, чтобы подписывать свои имена и прикладывать свои печати. Когда все приготовлено как следует, тогда главный чиновник, назначенный государем, скрашивает киноварью вверенную ему печать и прикладывает ее к бумажке, так что форма ее отпечатывается на последней красным; после этого монета считается подлинной. Если бы кто подделал монету, он был бы подвергнут смертной казни до третьего поколения».

Марко Поло раскрывает, что, принуждая владельцев камней, перлов, золота и серебра обменивать в казне драгоценности на банковские билеты, великий государь «имеет богатства более, нежели кто на свете».

В Китае печать известна с VII века. Изображения «тысячи Будд» воспроизводились в больших количествах с помощью маленьких деревянных печатей, затем с помощью табличек наносили тексты. В XI веке Би Шэн изобрел способ книгопечатания подвижными литерами.

При этом венецианец не осознает всю важность того, что знаки печатаются, равно как и того, что благодаря печати, или точнее ксилографии, уже более трех веков воспроизводятся книги. Европе же еще два века придется ждать революции книгопечатания.

«Как от Канбалу в разные области идут многие дороги»

Второе, что привлекло особое внимание Марко Поло, это организация почты и сеть почтовых станций, «более десяти тысяч», которая позволяет доставлять сообщения, а также служит постоянным двором для путешественников, послов, инспекторов или торговцев: «На каждой станции большой, прекрасный дом, где гонцы пристают. Богатые постели с роскошными шелковыми одеялами в этих постоянных дворах; все, что нужно гонцу, там есть; и царю пристать тут хорошо. И еще скажу вам, на каждой станции по четыреста лошадей; так Великий хан учредил; лошади всегда тут наготове для гонцов, когда Великий хан куда-либо посылает их; они даже могут оставить там уставшую лошадь и взять новую...

Система почтовых станций поражала всех западных путешественников. В Китае она не нова, ее зарождение восходит к первому императору Цинь и к централизации государства в конце III века до н.э. Но в правление монголов сеть значительно разрослась и распространилась на всю территорию их империи, то есть на значительную часть Азии. В самом Китае, рассказывает Марко Поло, почтовой службой использовались более двухсот тысяч лошадей, а станций было более десяти тысяч.

И знайте еще, по всем главным областным дорогам через двадцать пять миль, а где через тридцать, есть такие станции, как я сказал; и они на главных дорогах, ведущих во все области».

«Хотя они собрали большое богатство в драгоценных камнях и золоте, желание увидеть свою страну не покидало их сердец»

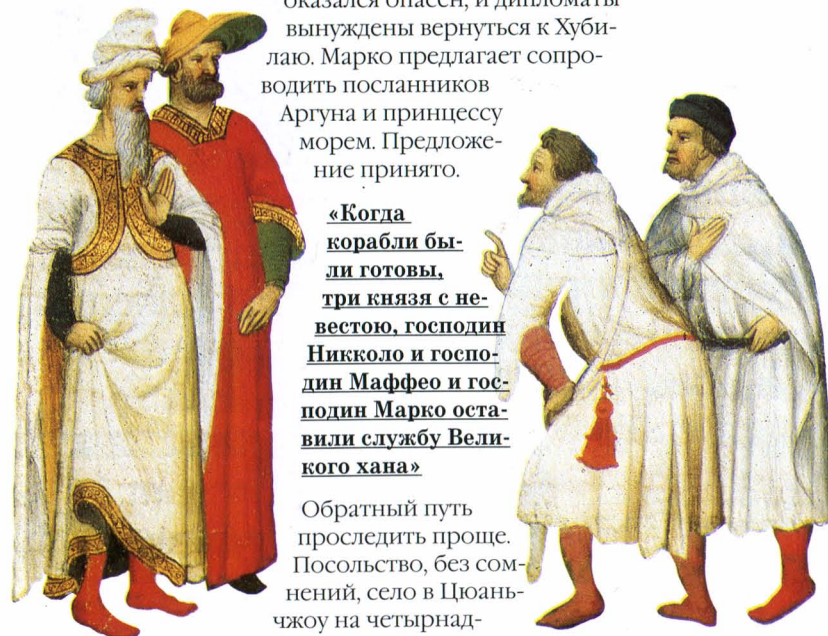
Все время пребывания в Китае трое купцов вынашивали желание вернуться в Венецию. Несколько раз они просили у Великого хана милости отпустить их домой, милости, в которой им было отказано. Все же случай помогает им удовлетворить свое желание. Вернувшись из посольства в Индию, Марко Поло узнает, что трое посланцев Аргуна, хана восточных татар, прибыли в Китай «за невестой из того же самого рода, что и царица Болгана, его жена, что померла». Обратило внимание по су-

ше, но начались сражения, путь оказался опасен, и дипломаты вынуждены вернуться к Хубилаю. Марко предлагает сопроводить посланников Аргуна и принцессу морем. Предложение принято.

«Когда корабли были готовы, три князя с невестой, господин Никколо и господин Маффео и господин Марко оставили службу Великого хана»

Обратный путь проследить проще. Посольство, без сомнений, село в Цюаньчжоу на четырнадцатый

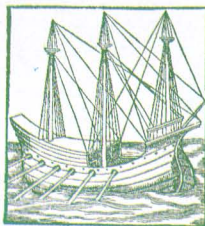
«Тогда мессир Никколо, видя в один день великого хана в хорошем настроении, воспользовался случаем просить на коленях от имени всех троих, чтобы их отпустили домой; он сильно взволновался и ответил: «Почему хотите вы уйти и умереть по дороге? Скажите мне. Если вам нужно золото, я вам дам больше, чем у вас будет дома. И так же с любой вещью, какую бы вы ни попросили». И он предложил им все почести, которые они могли бы пожелать».

цать кораблей, на каждом из которых «было по четыре мачты, и зачастую они ходили под двенадцатью парусами». Через три месяца пути суда прибывают на малую Яву (на самом деле Суматру) и плывут еще восемнадцать месяцев в страну Аргуна. В «Книге о разнообразии мира» Марко Поло рассказывает не только о землях, где они высаживались, но также о местах, куда, весьма вероятно, он никогда не ездил: Мадагаскаре, Занзибаре, Абиссинии, Адене. В рассказе он опирается на устные и письменные источники, а не на собственный опыт.

Действительный маршрут, скорее всего, проходит через Персидский залив и завершается в Ормузе. Там послы узнают, что хан Аргун умер. Принцессу выдают замуж за его сына. Прожив там девять месяцев, Марко отправляется с отцом и дя-

Марко Поло садится на корабль, вероятно в Зайтоне (Цюаньчжоу), большом коммерческом порту, ведущем торговлю с Индией, «одним из портов света, куда свозят великое множество товаров».

дей в Венецию, на этот раз сушей, через Турцию. Путь их прослеживается в Трапезунде на Черном море, где конфискуют часть товаров, которые Поло везут с собой. Оттуда на корабле купцы отправляются в Константинополь и в 1295 году прибывают в Венецию, проведя в дороге более трех лет.

«По его жизни можно понять и судить, что это благородный гражданин правого и превосходного духа»

С этого момента удивительная судьба Марко Поло уступает место легенде. Все, что о нем известно по возвращении в Венецию, происходит в основном из различных свидетельств семьи Поло: путешественнику уже сорок один год, он женится, у него рождаются трое детей. Нет оснований полагать, что он пользовался какой-либо славой среди сограждан-венецианцев.

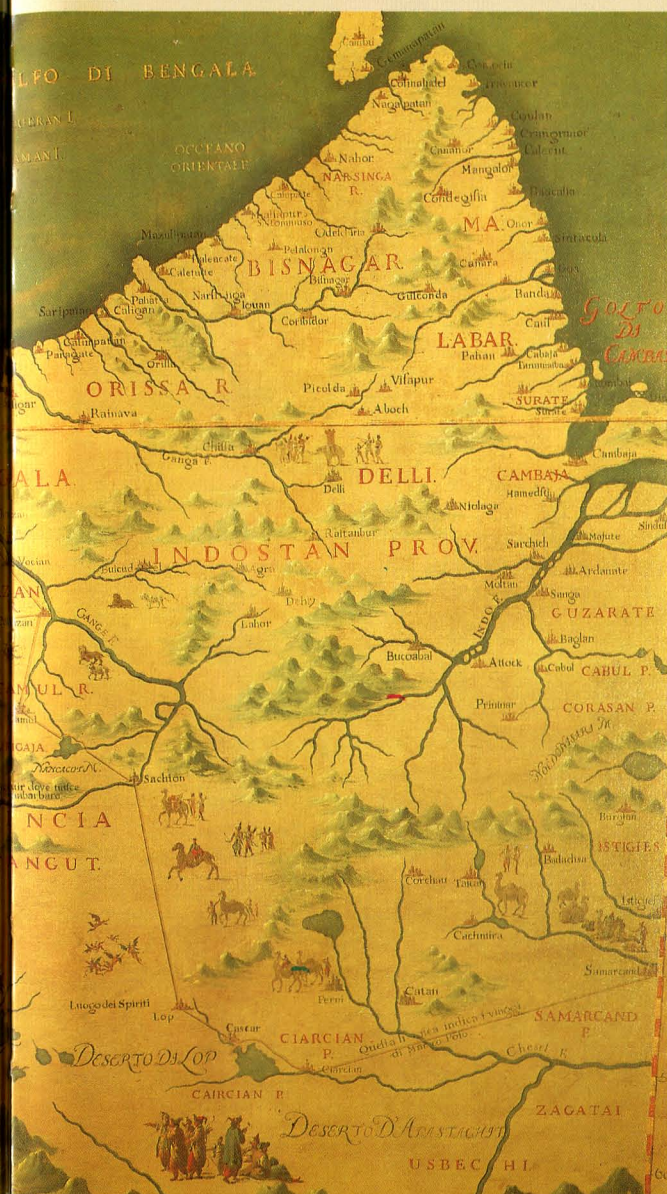
Вместе с отцом и дядями, а впоследствии один Марко погружается в купеческую деятельность, пытается вернуть имущество, потерянное в Трапезунде, и вкладывается в различные предприятия, в частности в торговлю специями. В Венеции он занимает почетное место, но относительно скромное, так как не входит в великий совет города. Вместе с семьей он покупает большой дом, который станет известен под именем Корте дель Милионе, или Ка' Поло. Марко умрет в Венеции в 1324 году.

Такие скудные данные ни в какое сравнение не идут с легендой, окружавшей жизнь венецианца. Наиболее ярко ее описал Джованни-Батиста Рамузио, первый историк великих путешествий Средневековья. В 1553 году в крупном труде «О навигациях и путешествиях» Рамузио приводит отредактированный рассказ Марко Поло. Начал мифу положил в начале XIV века Джакомо д'Акви, упомянувший в «Образе мира», что Марко прозвали «Миллион». Почему?

Некоторые полагают, что прозвище относилось «к человеку с миллионами» и намекало на богатства и драгоценности, которые Марко Поло видел и которые привез. Другие приписывают его «Кни-

По словам Рамузио, когда Поло вернулся в Венецию, никто не хотел их признавать, с трудом говорили они на родном языке. Купцы устроили тогда прием для всех своих родственников и появились на нем в роскошных одеждах. В конце банкета они распоролы подкладку и достали оттуда драгоценности и камни, восхитившие всех гостей.

Марко Поло во многом обязан своей славой венецианцу Дж.-Б. Рамузио (1485–1557). Рамузио много раз ездил послом во Францию и Швейцарию, но он известен намного больше благодаря своей работе 1553 года «О навигациях и путешествиях». Помимо прочих интересных рассказов об Африке, Азии и Америке, он приводит путешествие Марко Поло, путь которого прослеживается от Самарканда до Китая. На изображенной здесь карте указаны основные места, упомянутые Марко Поло (юг наверху). В Сасионе (Сучжоу в современной провинции Ганьсу), как отмечают картографы, в изобилии водится ревенень, высоко ценимый за свои медицинские качества; растение вывозилось на Запад по Шелковому пути.

ге о миллионе», еще одному названию книги венецианца, изобилующей фантастическими чудесами и преувеличениями. По свидетельству Джакомо д'Асти, перед смертью Марко попросили исправить преувеличения, однако он ответил, что не рассказал и половины увиденного. Возможно, наконец, что прозвище «Миллион» всего-навсего отражает название дворца, который купила семья Поло, — Корте дель Миллионе, принадлежавшего ранее семье Миллиони.

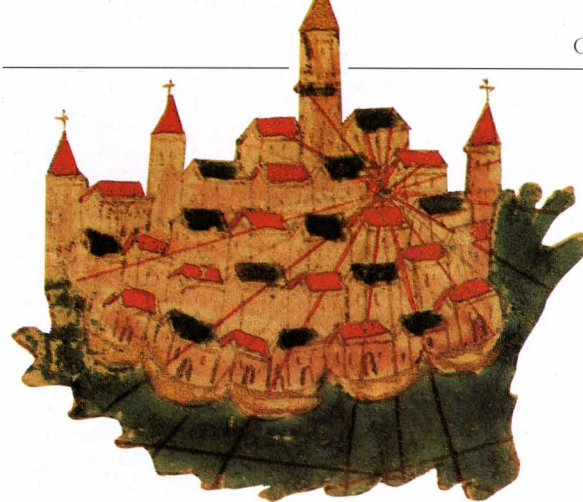
«Не желая прослыть бездельником, он подумал, что мог бы написать указанную книгу для удовольствия читателей»

В 1298 году в ходе морского боя между генуэзцами и венецианцами Марко Поло попадает в плен и отправлен в Геную. Точных данных, что он сидел в тюрьме, нет, возможно, его просто держали в заложниках.

Как бы то ни было, именно в Генуе он встречает Рустичелло Пизанского, плененного в 1284 году. Рустичелло — придворный писатель, автор

Соперничество между генуэзцами и венецианцами за монополию в торговле с Востоком в XIII–XIV веках не прекращалось. В 1298 году в битве у дalmатского берега острова Курцола Марко Поло командует одной из 32 галер. Сражение завершилось поражением Венеции.

«Венеция родилась из воздуха, ила и морской пены, как Венера, они почти тезки. Город рождался, развивался, вырос в наиболее враждебном для урбанизации месте и преподавал один из самых красивых уроков в истории человечества. Город истощенный, без сельских устоев, вдали от полей и виноградников, доминировал, эксплуатировал, отчасти заселил единственную известную Средневековую колониальную империю, распространил свое влияние на море, затем начал отсвечивать суше и стал одной из величайших европейских держав. Город, раздвинувший границы известного мира, приоткрывший жителям Запада Дальний Восток благодаря Марко Поло, Сахару и черную Африку благодаря Ка' да Мосто, обе Америки вслед за Себастьяном и Жаном Кабо».

Ф. Браунштейн,
Р. Делор

рыцарских романов на французском языке, два из которых дошли до нас. Он служил в Англии при короле Генрихе III, затем при Эдуарде I. Марко Поло диктует свои воспоминания Рустичелло, хотя сам практически не ведет записей.

«Здесь начинается книга, названная «О разнообразии мира»

Книга имеет большой успех. Предполагают, что изначально она написана на старофранцузском, но существуют и другие ее версии на латыни, на тосканском, на венецианском, а также множество переводов: всего известно сто сорок три рукописи. Названия, принадлежащие этому произведению, различны: «О разнообразии мира», «Книга чудес» или, опять же, «Миллион».

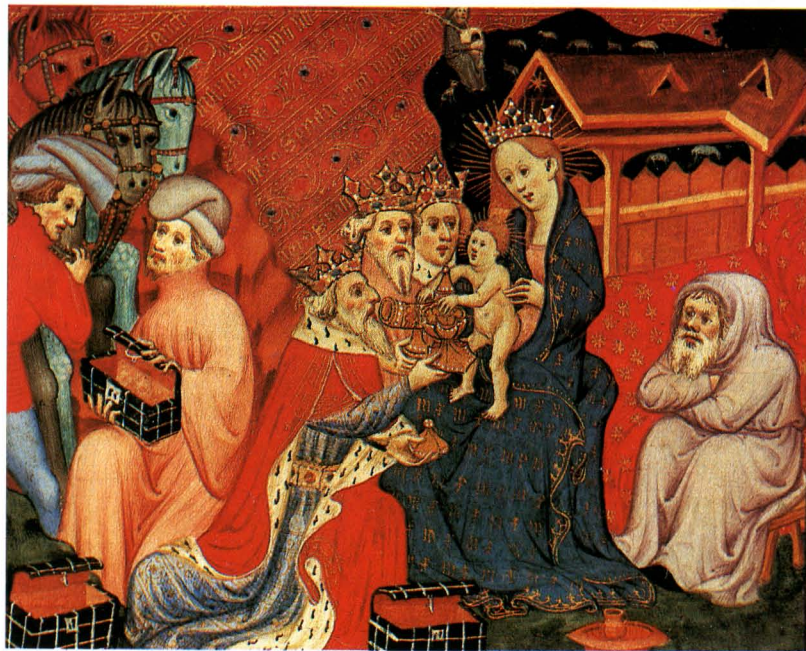
Рассказ Марко о приключениях — иногда этнографический репортаж, иногда собрание басен — занимает должное место среди книг о чудесах, переплетающих воображение и реальность; все их венчает «Книга чудес» Джона Мандевиля. Мандевиль — французский медик, выдающий себя за англичанина. В 1371 году он представит произведение, состоящее из обрывков и кусков, выдернутых из чужих рассказов о путешествии; сам он, судя по всему, в Азии, как утверждает, не был.

Тем не менее успех его книги значительно превзойдет «Разнообразие мира», до нас дошло не менее двухсот пятидесяти рукописей.

«Он записал сам только малую часть вещей, которые помнит до сего дня»

В своей книге Марко Поло, с помощью Рустичелло, предстает скорее как рассказчик, предлагающий опыт путешествия по Азии, а не как купец. Его вдохновляет традиция бестиариев и энциклопедических трудов, таких как «Образ мира», или легендарных романов, высоко ценившихся в Средневековье, например «Роман об Александре». Иногда Марко Поло или Рустичелло всего лишь повторяют уже известные описания. Таковы образы сказочных животных или фантастических людей, которые являлись частью средневекового мироощущения. Таковы большие змеи в стране Караджан, «такие огромные, что все люди

В Персии Марко Поло слышал легенды о трех волхвах, принесших Иисусу золото, благовония и мирру. В ответ младенец дал им шкатулку, которую нельзя было открывать. Волхвы все же открыли ее и увидели там всего лишь камень. Решив, что над ними посмеялись, они выбросили камень в колодец, из которого полился жаркий огонь. Говорят, в Персии молятся огню, привезенному оттуда.

должны им дивиться; видеть и смотреть на них отвратительно».

В описаниях Марко встречается дракон, известный, по бестиариям, но когтистыми лапами, туловищем, «огромным как бочка», огромными зубами и пастью «такой большой, что может проглотить человека за один раз», он также напоминает крокодила.

Бабуины, которых Марко Поло видел на острове Ангаман, уже давно фигурировали в перечне индийских чудес. Слелок ли это с популярного «Романа об Александре», основанного на греко-романских источниках, рассказывавшего эпопею об Александре со многими вымышленными деталями? Люди же с собачьими головами изображены и на тимпане базилики в Везелэ.

«Без сомнений, здесь есть и некоторые вещи, которых он не видел, но слышал от людей нелживых и верных»

Возникает впечатление, что Марко Поло постоянно балансирует между реальностью и мифом. Иногда он слепо следует традиции описания чудесного, но даже тогда привносит собственное видение, личное, новое. Например, единорог (носорог), по утверждению венецианца, «не похож на то, как у нас их описывают; не даст он девственнице поймать себя за грудь. Все не так, как мы верим». Или саламандра, которая, по его словам, не животное, а асбестовая лента: «Саламандра, знайте, не зверь, как говорят, а вот это что: сказать по правде, никакой зверь, никакое животное по природе своей не может жить в огне».

Описания промышленности и различной коммерческой деятельности стран, которые Марко посещает, многочисленны, но не очень точны. Он не упоминает каких-либо связей с другими европейскими купцами.

В первую очередь его внимание привлекает портовый и морской трафик. В частности, он останавливается на кораблях, перевозящих товары между Китаем и Индией.

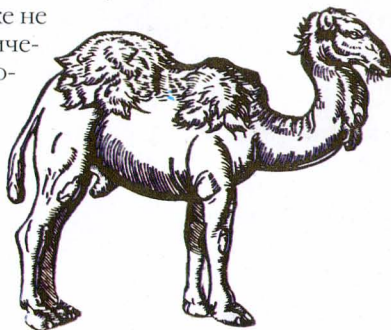
**«Никто столько не путешествовал
и не мог столько видеть и узнать»**

Марко Поло не единственный путешественник той эпохи, но европейцы в Азии XIII века чаще всего миссионеры, посланники папы или короля Франции. Или, чаще, первые торговцы, оставившие свой след. Как правило, купцы не писали рассказов о путешествиях. Двигались ли через Центральную Азию организованные караваны или же небольшие группы, снабженные рекомендациями, пользовались монгольской почтовой сетью? Пути европейских торговцев в средиземноморском бассейне известны хорошо, но туман за его пределами не развеется вплоть до XIV века.

Тем не менее точно известно, что итальянцы посещали Китай и жили там. Об этом свидетельствуют могильные камни в Янчжоу, датированные 1342–1344 годами. Кроме того, известен некий Андало де Савиньоне, генуэзский купец, обосновавшийся в Китае, в 1336 году посланный императором в Европу за лошадьми.

В роли купцов Никколо и Маффео Поло остаются пионерами. Однако второе их путешествие, к которому присоединяется Марко, уже не торговая экспедиция. Это дипломатическая и религиозная миссия: они — посланцы папы и в качестве таковых уже не первооткрыватели. Религиозные деятели, францисканцы или доминиканцы, опередили их и как эmissары церкви, и как посланцы короля Людовика Святого.

Они также оставили рассказы о своих миссиях, рассказы, как счи-

Торговая революция, преобразившая Европу в XI–XIII веках, проявилась в ускорении товарооборота, увеличении количества зон обмена и в развитии техники. Связи с Китаем интересовали генуэзцев не меньше, чем венецианцев. Марко Поло заставил забыть о существовании других походов в Китай.

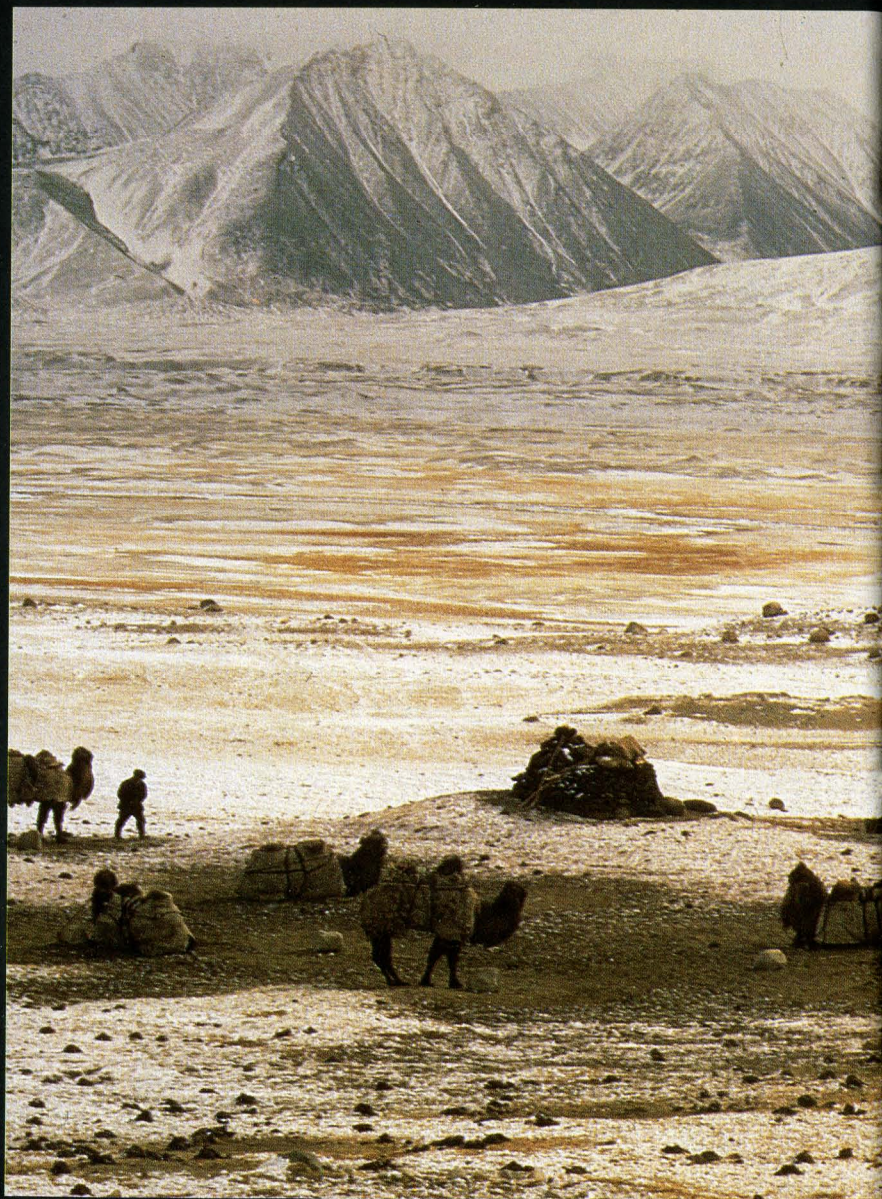
тают некоторые, не менее богатые информацией и даже новыми данными, но не получившие известности рассказов Марко Поло. Великий успех «Книги чудес» во многом обязан легенде, распространенной в начале XVI века Джованни-Батиста Рамузио, который, публикуя книгу в своем крупном собрании путешествий, хотел сделать из нее новую «Одиссею», а из Марко — второго Улисса.

Дважды в год памирские киргизы отправляют караван. Они проходят берегами Амударьи почти четыреста километров от Малого Памира до китайской границы, чтобы запастись солью, сахаром, чаем и предметами первой необходимости. До прихода к власти в Китае коммунистов в 1949 году караван спускался до Кашгара в Синьцзяне.

Бескрайняя пустыня

«Двенадцать дней здесь по той равнине, называется она Памиром; и во все двадцать дней пути нет ни жилья, ни травы; еду нужно нести с собою. Птиц тут нет оттого, что высоко и холодно. От великого холоду и огонь не так светел, и не того цвета, как в других местах, и пища не так хорошо варится».

Марко Поло

Духи гор

«Духи гор злы и жестоки, часто приносят они большие несчастья. В горы идут, только принеся жертву; тогда можно идти и вернуться, и ничего не случится, но если не обратиться к духам ни одной молитвы, поднимается ветер и град. Климат там холодный; нравы живые и вспыльчивые, а люди честные и прямодушные».

*«Жизнеописание
Сюань-Цзана»*

«Если Верховный Понтифик, глава всех христиан, хотел послать достойного уважения епископа, чтобы ответить на глупости, которые эти люди трижды писали франкам, он мог сказать им то, что хотел, а потом получить от них ответ письмом. Ибо они слушали все, что хотел сказать посол, и всегда спрашивали, не хочет ли он сказать больше».

Гийом Рубрук, 1254 год

ГЛАВА V ЭПОХА МИССИОНЕРОВ

Лионский собор в 1245 году позволил папе Иннокентию IV избавиться от своего ярого противника, императора Фридриха II, уже дважды отлученного от церкви. Однако главным вопросом собора оставалось противостояние набегам монголов.

В эпоху, когда Шелковый путь открывается для западных купцов, в XIII–XIV веках, он в равной степени открывается и для религиозных миссий. Как ранее буддизм, католицизм появился в Китае благодаря коммерческим обменам.

С середины XIII века посольства пытались обратить монголов в свою веру. Однако цель самых первых миссий заключалась в сближении римской католической церкви с восточной и в обращении азиатских язычников.

Римская церковь на дорогах Востока

В 1241 году смерть хана Угэдэя приостановила завоевание Европы монголами, чьи орды обрушились на территории до самого Дуная. Часть войск тогда вернулась на Восток.

«Когда направлялись мы, по поручению апостольского Престола к татарам и иным народам Востока, [...] мы прежде избрали путешествие к татарам. Именно мы опасались, что от них вскоре будет грозить опасность Церкви Божьей. И хотя мы опасались, что татары или другие народы могут нас убить или подвергнуть вечному пленению, или голоду, жажде, холоду, зною, чрезмерным поношениям и трудам и, так сказать, мучить сверх сил (все это, за исключением смерти или вечного пленения, и случилось с нами многократно в гораздо большей степени, чем мы могли представить себе раньше), однако мы не щадили себя самих, чтобы иметь возможность исполнить волю Божию согласно поручению Господина Папы и чтобы принести чем-нибудь пользу христианам».

Джованни дель Плано Карпини

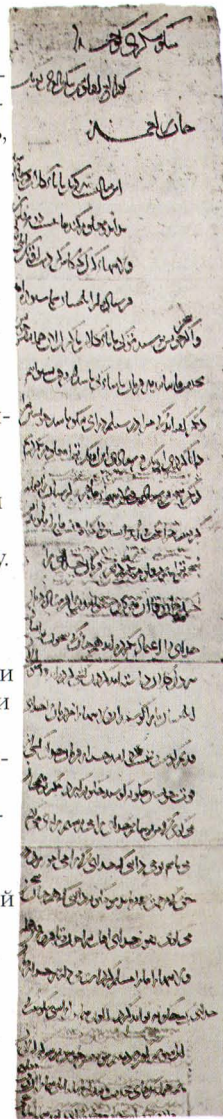
Ужас, наводимый ордами, превратил монголов в душах христиан в народ Гога из земли Магог, о котором пророчествовал пророк Иезекииль: «...коней и всадников, всех в полном вооружении, большое полчище. ...И поднимешься, как буря, пойдешь, как туча, чтобы покрыть землю...» Понемногу все же паника уступает место попыткам установить контакт. В 1245 году папа Иннокентий IV решает направить к монголам две миссии, чтобы попробовать заключить мир и обратить их в свою веру.

Одно посольство поручено францисканцу Джованни дель Плано Карпини, второе — доминиканцам Асцелину Кременскому и Андре Лонжюмо. Последние удовлетворились тем, что передали папские послания монгольским авангардам, не пытаясь попасть в глубь страны. Не желая, по монгольскому обычаю, преклонить оба колена перед ханом Бачу, Асцелин едва избежал смерти. В своем ответе Бачу удивлен подобным оскорблением и требует, чтобы папа лично явился к Великому хану.

Посланник Иннокентия IV исследует татарскую империю

Джованни дель Плано Карпини в возрасте около шестидесяти лет выезжает из Лиона в апреле 1245 года вместе со своим собратом; от Бреслау их сопровождает еще один священник, который должен служить переводчиком. Путешествуя по монгольской территории, францисканец пользуется системой почтовых станций, позволяющей от пяти до семи раз в день менять коней. Прибыв в Каракорум в июле 1246 года, он присутствует на коронации Гююка, добивается аудиенции и получает ответ на письмо папы. Однако результатов он добился не больших, чем доминиканцы. Гююк, Великий Хан отказывается от подчинения Церкви. Плано Карпини пускается в обратный путь в ноябре тем же маршрутом и через год прибывает в Лион.

Письмо хана Гююка папе Иннокентию IV (1246 год).

Все же за время путешествия посланнику удалось собрать крайне важную информацию. Записанная доминиканцем «История монголов» — не рассказ о путешествии, а рапорт разведчика о собранных данных. Наряду с фантастическими легендами, изложенными с нередкой в то время легковёрностью, Плано Карпини дает точное антропологическое описание монголов. Прежде всего он касается проблемы войны и указывает средства сопротивления. По его мнению, обращение в веру эффективнее сражений. Но призыв в защиту христианства не будет услышан.

Гийом Рубрук несет монголам Благою весть

Вслед за Плано Карпини последовали миссии, направленные Людовиком Святым, с той же целью — сближение с монголами. Прежде всего это посольство Андре Лонжюмо.

Вернувшись с Востока,

он в сопровождении двух доминиканцев вновь пускается в дорогу

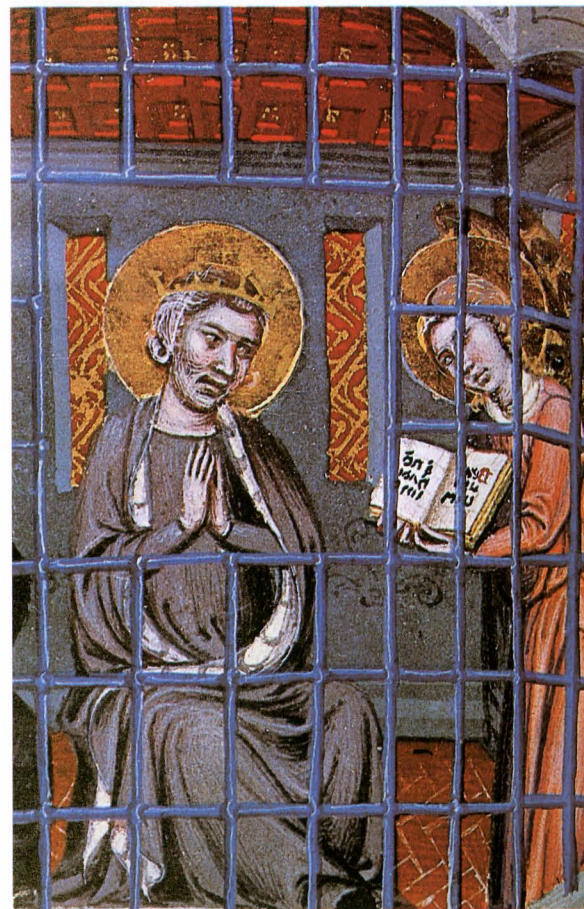
в 1249 году из Нико-

сии, где находится Людовик Святой. Но Великий хан Гуюк умер, а регент уже не в Каракоруме,

а на озере Балхаш. Ответ оскорбителен. Королю Франции приказано присягнуть в верности и платить дань. Людовик Святой решает направить нового эмиссара, фламандского францисканца Гийома Рубрука, приближенного ко двору, который мечтает нести монголам Благою весть.

«Писано в Екклезиасте о Мудреце: «Он отправится в землю чужих народов, испытает во всем хорошее и дурное». Это дело свершил я, господин Король мой, но о если бы как мудрец, а не как глупец, ибо многие творят то, что творит мудрец, но не мудро, а более глупо; боюсь, что я принадлежу к их числу. Все же, каким бы образом я ни свершил это, но раз вы сказали мне, когда я удалялся от вас, чтобы я описал вам все, что увижу среди татар, и даже внушили, чтобы я не боялся писать вам длинных посланий, я делаю то, что вы препоручили, правда, делаю со страхом и почтением, так как у меня не хватает соответствующих слов, которые я должен был бы написать вашему столь славному величеству».

Гийом Рубрук

Брат Гийом, в монашеском одеянии и босой, садится на корабль в Константинополе в мае 1253 года и отплывает в Солдаию в Крыму. Он везет рекомендательное письмо Сартаку, сыну Батые. Лагерь хана Золотой Орды, начавшего монгольское завоевание запада, располагались тогда на Волге. Сартак, как говорили, был обращен в христианскую веру и крещен. Судя по всему, он все же был несторианином. Письмо, переведенное армянскими секретарями Сартака, приоб-

«Святой король силу своих слов, как вы узнаете позже, чтобы я твердо поверил в христианский закон, данный нам Господом. Он говорил, что мы не должны поклоняться вещам, что мы никогда не должны идти против словами или делами, даже когда смерть и страдания завладеют нами».

*Жуанвилль «История
Людовика Святого»
(1309)*

ретает иной смысл. Теперь в нем только общие слова о признании христианства, а не предложение военного союза против мусульман.

Сартак не хочет принимать решения, не посоветовавшись с отцом, Батыем, к которому он и посылает брата Гийома; сам же Батый направляет францисканца в Каракорум, к Великому хану Мунке, преемнику Гуюка.

Гийом едет почти тем же маршрутом, что и Платон Карпини, и прибывает в Каракорум в декабре 1253 года. Тем временем письмо Людовика Святого потерялось, и монголы недоумевают, в чем цель Гийома. Он может быть только послом, дипломатом, тем не менее держится как миссионер и хочет всего лишь остаться у монголов, «чтобы нести слово Божье». Эта милость ему оказана, но не надолго. Францисканца направляют обратно с письмом от Мунке, в котором хан требует Людовика Святого покориться, а кроме того направить официальных послов. По прибытии в Сан-Жан-д'Акр Гийом остановлен главой церкви города. Именно в Акре он пишет обстоятельный отчет Людовику Святому о своем «Путешествии по монгольской империи», так как дозволения встретиться с королем лично у него нет.

**Рассказ Рубрука
очень интересен, хоть и менее известен, чем
книга Марко Поло**

Подробный рассказ Гийома Рубрука, не имевший успеха Марко Поло, изобилует точными здравыми наблюдениями, это настоящий этнологический труд, не имеющий ничего общего с «книгой чудес». К тому же это первое произведение, признав-

«...Закон Божий состоит в том, что мы внушили вам понять. И когда вы услышите и уверуете, то, если захотите нас послушаться, отправьте к нам ваших послов; и таким образом мы удостоверимся, пожелаете ли вы иметь с нами мир или войну. Когда силою вечного Бога весь мир от восхода солнца и до захода объединится в радости и в мире, тогда ясно будет, что мы хотим сделать».

*Грамота хана Мунке
королю Людовику
Святому, со слов
Гийома Рубрука*

На миниатюре изображены францисканские монахи, собирающие травы в Азии. Гийом Рубрук поражен, насколько хорошо китайские врачи знают целебные травы. Особенно ценился ревень, перевозимый сарацинами на запад с большими издержками. Рубрук сам заболел в Китае и был вылечен корнем этого растения, измельченным в порошок и растворенным в воде. Но, сообщает он нам, это чуть не убило его.

шее Китай (Катаи) и страну Серов единым целым.

В людях, которых он встречает, Гийома интересует все: обычаи, условия жизни, праздники, религиозные обряды. Он беспокоится о европейских эмигрантах, например о немецких рабах, депортированных в Талас, затем в Джунгарию для добычи железной руды; он связывается с главой ювелиров Гийомом Буше из Парижа, чей приемный сын служит переводчиком, он встречается с женщиной из Меца, Пакеттой, служавшей у одной «христианской госпожи», а также с неким Базилем, сыном англичанина, но родившимся в Венгрии.

Желание проповедовать христианство приводит францисканца к столкновению с несторианами, которые, не зная языка, ведут службу на сирийском, а сами — продажные, ростовщики, пьяницы, двоеженцы, втершиеся в доверие к Великому хану. Действительно, Булгай, советник хана и наставник его старшего сына, несторианин.

Гийом сердится, что вопреки его воле его постоянно смешивают с несторианскими священниками, и он страдает от соперничества армянского монаха Сергия, лжеца, как понял францисканец.

Миссии мало кого обращают...

При дворе Великого хана ни одна религия не заступает на другую. Мунке сам сказал Гийому Рубруку: «Как Бог дал руке различные пальцы, так он дал людям различные веры». Монголы адаптировали действующие религии к местным условиям: несколько ханов на юге России и в Персии принимают ислам, тогда как Великий хан Хубилай в Китае станет буддистом.

Известны и другие религиозные миссии, кроме Гийома Рубрука, не считая второго путешествия семьи Поло и купцов и посланников папы. Одновременно с францисканцем к Великому хану прибывают еще два путешественника. Один из них — перс Джуваини, сын хана Аргуна, губернатора Хорасана и Ирака. Он оказывается в Каракоруме чуть раньше Рубрука, в 1252–1253 годах, и начинает писать «Историю завоевания мира». Чуть позже новый король Армении Этум I, вступив на трон в 1254 году, отправляется к монголам в надежде выгнать что-то от поездки; возвращается он в 1255 году. По дороге к хану его путь пересекается с Гийомом Рубруком, но дипломаты не встречаются.

...И все же Джованни Монтекорвино, епископ Пекина, крестит несколько тысяч монголов

Принимая каждого миссионера, монголы выражали желание видеть у себя и другие религиозные посольства. Папа Николай IV решает направить нового эмиссара, францисканца Джованни Монтекорвино, с письмами, призывающими монголов принять христианство. В отличие от своих предшественников Монтекорвино не вернется из Китая. Он поселится в этой стране и станет основателем настоящей христианской общины. Будущий епископ выезжает в 1298 году.

По прибытии в Табриз выясняется, что караванный маршрут закрыт из-за сражений между монго-

Направляя Джованни Монтекорвино, папа надеялся привлечь на свою сторону императора Хубилая. Тщетно. Монгольские ханы уже обратились к буддизму. Тем не менее новый архиепископ и прибывшие для церемонии посвящения викарные епископы объединяют в лоне католической церкви около 20 000 аланов, вывезенных с Кавказа, армян и русских.

лами, и Монтекорвино направляется к Персидскому заливу. Он плывет в Индию, где проводит тринадцать месяцев, затем продолжает путь в Китай и прибывает в Ханбалык в 1293 году, перед самой смертью Хубилая. О деятельности Монтекорвино нам известно из писем, отправленных им в 1305 и 1306 годах. Он объединяет христиан, живущих в районе излучины Желтой реки, затем, в Ханбалыке, несмотря на агрессию несториан, основывает церковь, проповедует и крестит несколько тысяч монголов.

В первом письме епископ настойчиво просит помощи. Но из направленных к нему миссионеров до пункта назначения дошел только один. Тем не менее в 1307 году благодаря успеху миссии папа решает разом послать шесть новых епископов для посвящения Джованни Монтекорвино в сан архиепископа Ханбалыка. Только трое из них прибыли в Китай в 1313 году. Тем временем Монтекорвино принимает в лоно церкви не только монголов, но и купцов и народы различного происхождения, вывезенных в Китай: аланов, русских, армян и т. д. Прибывшие епископы не будут четко распределены по городам, тем не менее известно, что епископат создан в Зайтоне (Цюаньчжоу).

Францисканец Одорико ди Порденоне покидает Падую в 1318 году и едет в Ханбалык, где проведет три года. Хотя рассказ о его путешествии и не так интересен, как отчет Гийома Рубрука, в нем появляются новые наблюдения: мода на длинные ногти и «маленькие ножки», о которой Марко Поло ничего не говорит. К тому же Одорико — первый европеец, описавший город Лхаса на Тибете. Книга следует традиции описания чудес, и ее затмит произведение Джона Мандевилля, который переписывает рассказ Одорико настолько близко к тексту, что оригинальное изложение начинают считать подделкой.

Однако епископская эпопея в Китае длится недолго

Когда в 1330 году Джованни Монтекорвино умирает, смена ему назначена далеко не сразу. Уже сам хан требовал преемника епископу. Впечатленный этим, папа только в 1339 году направляет четырех официальных легатов во главе с Джованни Мариньола. Посольство приходит в Китай только в 1342 году и везет среди прочих подарков большого коня. Черный конь с задними белыми ногами очень ценился Великим ханом. Правитель монголов приказывает нарисовать его и пересказать в его честь оду. По преданиям, император У-Ди династии Хань послал войска, чтобы добыть на западе коней; благодаря величию и мудрости императора была доставлена небесная лошадь, и поход не стоил жизни ни одному солдату. Но все же Джованни Мариньола всего лишь посол, а не миссионер, и через три или четыре года пребывания в Ханбалыке он возвращается в Европу через Индию. Послы с целью евангелизации и основания постоянных миссий перестали направляться не только в Китай, но также и в Персию и вообще в Азию. А ведь попытки объединить христианские церкви выражались в многочисленности послов.

«В Ханбалыке, у младших братьев есть собор с резиденцией, достойной архиепископа, стоит он совсем рядом с дворцом. Также в городе есть и другие церкви и колокола; и духовенство получает продовольствие с императорского стола с большим почетом».

Джованни Мариньоли

Вдруг, в XIV веке, отношения Китая с христианским миром прекращаются

Веком позже все оживление, развернувшееся с середины XIII века благодаря деятельности миссионеров и купцов, избороздивших Европу и Азию караванными маршрутами, застывает. Причины различны. Первая, без сомнений, это опустошившая Европу эпидемия чумы 1348 года. Вторая — ослабление мощи монголов в Персии и, что важнее, в Китае. Народы отделяются, восстанавливаются прежние границы. В Китае с середины XIV века одно за другим следуют восстания, которые порождают новую династию Мин. Династия основана в 1368 году, и Китай полностью отвоеван в 1387 году.

Существует распространенное мнение, что с приходом к власти Мин китайские границы закрыты из-за политической ксенофобии. Это не так. Посольства и торговые караваны все еще идут туда. Но сохранившиеся свидетельства принадлежат персам, а не европейцам. Известен «Дневник путешествия» Гийас-ад-Дина, посла Шахруха в 1419–1423 годах, или «Трактат о Китае» купца Саида Али-Акбера Хитан, судя по всему неоднократно посещавшего Китай около 1500 года. Но при том что караванные пути заброшены, мореплавание продолжает интенсивно развиваться.

«...По суровости неба, а быть может, и по людскому жестокосердию между мартом и июлем — частью от силы чумного недуга, частью потому, что вследствие страха, обуявшего здоровых, уход за больными был дурной и их нужды не удовлетворялись, — в стенах города Флоренции умерло, как полагают, около ста тысяч человек, тогда как до этой смертности, вероятно, и не предполагали, что в городе было столько жителей. Сколько больших дворцов, прекрасных домов и роскошных помещений, когда-то полных челяди, господ и дам, опустели до последнего служителя включительно!»

*Боккаччо «Декамерон»
(около 1350–1353)*

«Итак, Катай, по моему мнению, то же царство, что и Китай; а великий государь, о котором говорит Поло, не кто иной, как правитель Китая; и следовательно, Китай известен татарам и персам, хотя бы и под другим именем».

Маттео Риччи, начало XVII века

ГЛАВА VI ЭПОХА МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ

Развитие навигации и географии в XV веке совершенно преобразуют знания о мире. Благодаря инфанту Португалии Генриху, прозванному «Мореплавателем» (1394–1460), открыт прямой морской путь из Европы в Индию вокруг Африки.

Христофор Колумб в поисках Китая

В XV веке португальцы, в свою очередь, начинают исследовать мир. В 1419 году они высаживаются на Мадере, в 1427 году — на Азорских островах, а в 1487 году достигают мыса Доброй Надежды. Все они ищут Китай. Именно тогда Христофор Колумб открыл Америку. Вдохновленный книгой Марко Поло и рассказами путешественников XIII–XIV веков, в 1492 году он высаживается на острове Куба, будучи убежден, что ступил на землю Китая.

Венцом эпохи великих открытий XV века, преобразившей не только знания о мире, но и сам мир, стала серия экспедиций, все еще мало известных на Западе.

Первые великие морские экспедиции XV века отправляют императоры династии Мин

Обогнув Африку и высадившись на юге Индии в начале XVI века, португальцы узнают, что «белые люди» высаживались здесь восьмьюдесятью годами ранее. Речь идет о морских экспедициях начала XV века императора Китая новой династии Мин в Аравию и к африканским берегам.

В 1405–1433 годах по приказу Юнле, третьего императора династии Мин, и его преемников организованы еще семь экспедиций. Может сложиться впечатление, что здесь нет ничего необычного, раз китайские корабли уже несколько веков господствовали в морях между Китаем, Индией и Аравией.

Однако значимость задействованных флотов и официальный характер мероприятия возводит их в ранг первых крупных морских экспедиций. Более то-

«Несомненно, — говорит адмирал, — что если эта земля, материк, то я нахожусь перед Санто и Кисаем (Зайтоном и Кинсаем), в ста лигах, быть может, немного ближе, быть может, немного дальше, от того и другого города, и это подтверждается состоянием моря, которое стало иным, чем было оно до сих пор, и вчера, когда я пошел на северо-запад, я обнаружил, что становится холоднее».

Х. Колумб «Дневник первого путешествия»

«Народы Китая, Явы, Цейлона, Мальдив, Йемена и Фарса прибывают в Каликут из разных

го, становится ясно, насколько Китай тогда опережает Европу в сфере навигации.

Китай вырывается вперед прежде всего благодаря техническому прогрессу в сфере кораблестроения. Помощники навигатора: карты, бус-

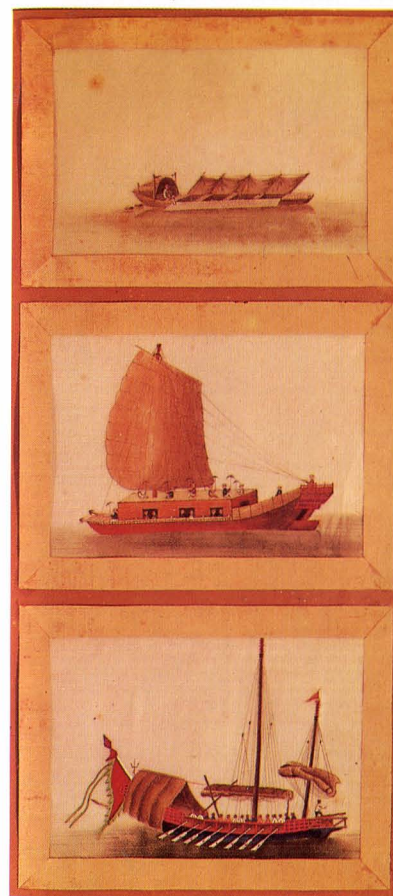
мест. Этот порт один из самых крупных во мире».

Ибн Батута XIV век

соль, компас, приборы, определяющие положение, и т. д. — в начале XV века не такая уж редкость. Но если европейцы все еще пользуются либо слишком длинными однопарусными галерами, либо кораблями более быстрыми, но хрупкими, китайские джонки, предназначенные для плавания в открытом море, поражают чужеземных путешественников, таких как Марко Поло. Часто они достигают шестьдесят метров в длину и тридцати в ширину и насчитывают более 50 кают.

62 корабля для экспедиций Чжэн Хэ построены на судостроительных верфях Нанкина. Их называли «кораблями-сокровищами».

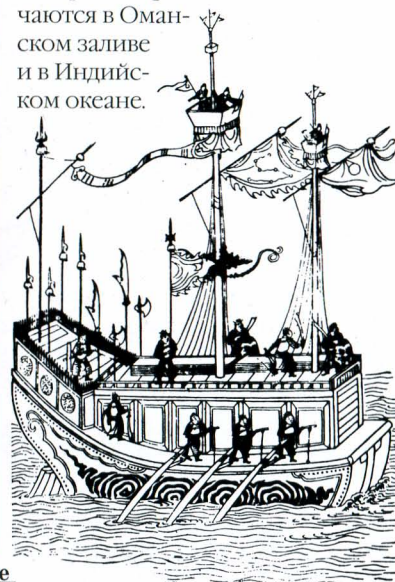

Глава придворных евнухов Чжэн Хе на китайских джонках опережает португальцев в Юго-Восточной Азии и Индийском океане

Именно на таких кораблях мусульманин Чжэн Хэ организует семь экспедиций на Средний Восток. Цель их — одновременно и дипломатическая, и коммерческая, и военная. Каждая экспедиция длится около двух лет, и в ней участвуют несколько тысяч человек на десятках, даже сотнях судов.

На таких джонках от трех до шести мачт, оснащенных обшитыми дранкой парусами, и они снабжены рулем. Такие суда надежнее хрупких кораблей, которые встречаются в Оманском заливе и в Индийском океане.

«Четыре паруса ставятся не прямо, а наклонно и располагаются так, что все их можно закрепить в одном направлении, чтобы ловить ветер и удерживать его. Задний парус, на который падает больше ветра и давления, передает его следующему таким образом, что все пользуются силой ветра...

Такая наклонная оснастка, позволяющая всем парусам держать порыв ветра, не вызывает стеснения от ровного расположения парусов и высоких мачт».

Ван Чжэн
«О диковинах Юга»
III век

«В порт моего королевства Мангоо (Ямагава) прибыл португальский корабль. Но прибыли они во время войны, и не мог я оказать им подобающие почести, как они того заслуживали. Напротив, гости столкнулись с чужеземными бандитами, которые пришли, чтобы грабить, и не посмотрели, что здесь португальцы, напали на одного по имени Альфонсо Вас и убили его, и я очень огорчен. Ваша милость окажет мне большую честь, написав, как я сам писал вам каждый год. И когда вы направите суда португальцев с письмами или депешами от вашей милости, я приму их со всеми почестями, которых заслуживают их дела».

*Письмо Симадзу
Такахиса, даймё Сацу-
мы, вице-королю Гоа
1561 год*

В первой экспедиции 1405–1407 годов участвовало триста семнадцать кораблей и двадцать восемь тысяч человек. Флот, настоящая армада, огибаёт сначала берега Чампы (Вьетнама), затем достигает Явы, Суматры, Цейлона и приходит в Каликут. На каждой остановке местным правителям дают подарки и предлагают платить дань Китаю; тех, кто отказывается, заставляют силой. Ещё две экспедиции повторили описанный маршрут, но уже четвертая разделилась: часть кораблей доходит до Ормуза, вторая отправляется в Бенгальский залив. Пятая, шестая и седьмая экспедиции доходят до Адена и африканского побережья Сомали (Могадишо, Брова) и до территории современной Кении (Малинди).

Благодаря этим экспедициям престиж Китая в Юго-Восточной Азии и Индийском океане значительно возрос. Развивается дипломатический и коммерческий обмен, и рост не прекращается, хотя Китай и теряет инициативу к середине XV века. Другие страны пользуются ситуацией, и в первую очередь Португалия.

Трагическая смерть первого португальского посла в Китай

Португальцы «открывают» Китай в 1513 году. В XVI веке, после путешествий Васко да Гамы в Индию в 1497–1499 и 1502–1503 годах,

«В прошлом году не-которые наши португальцы отправились в Китай, а те [китайцы] не дали им сойти на землю, говоря, что против обычаев страны пускать к себе чужеземцев. Но наши продали товары с большой прибылью».

Письмо Андреаса Корсалиса Медичи 6 января 1515 года

португальцы вытеснить арабов из Индийского океана, обосновались в Индии — в Кошине, а затем в Гоа, где на трон сел вице-король. На Дальнем Востоке возникают новые военно-торговые центры: в 1511 году — Малакка, позже — Макао и Япония. Первого португальца, высадившегося в Китае, звали Хорхе Альварес, и он не продвинулся дальше островка Туньмень неподалеку от Кантона. С этого момента последовали и другие посольства.

Однако проникновение в Китай происходит достаточно умеренными темпами. Трагически завершилось посольство Томе Пиреса. Аптекарь, прекрасный мореплаватель, высаживается в Туньмени в 1517 году и более трех лет ждет разрешения посетить Пекин. Когда же наконец разрешение получено, император умирает, и посол вынужден вернуться в Кантон и ждать распоряжений нового правителя. Плохо переведенные верительные грамоты, неуважение к этикету и плохая репутация португальцев со времен завоевания Малакки — достаточно веский повод не церемониться с послом. Томе Пирес арестован, закован в цепи и посажен в тюрьму. Он умирает в 1524 году, возможно из-за плохого обращения, а многие из его спутников казнены. Сложности, с которыми португальцы

«Тогда она нам рассказала, что ее отец, Томе Пирес, был послан королевством Португалия к королю Китая, но из-за восстания, поднятого в Кантоне португальским капитаном, китайцы не поверили ему, приняли за шпиона и заключили в тюрьму, а с ним еще двух человек. Потом по распоряжению суда пятирех пленников допрашивали и нанесли столько ударов плеткой, что те умерли на месте».

«Странствие» Фернан Мендес Пинто

«Странствие» пирата Фернана Мендеса Пинто, друга святого Франциска Ксаверия

Одно из самых выдающихся, но и самых невероятных приключений португальцев описано в «Странствии» Фернана Мендеса Пинто.

Лиссабонский слуга, Пинто, бежит и в 1537 году садится на корабль, идущий в Индию. Он становится корсаром, пойман и продан как раб, затем выкуплен. Португалец поступает на службу капитана Малакки и выполняет различные поручения. Он высаживается в Китае, где его арестовывают, приговаривают к насильственным работам и вывозят к Великой стене. Освободившись, он возвращается на судно и терпит крушение у японских берегов; его след затем находят в Малакке, в Бирме, в Таиланде и в Японии.

Он встречается с Франциском Ксаверием и становится его другом и кредитором. В 1554 году, после смерти святого, португалец решает стать иезуитом, но в 1556 году порывает с орденом и возвращается в Лиссабон, где умирает в 1585 году.

В рассказе Пинто много несоответствий и выдумок. В частности, он заявляет, что был рабом тринадцать раз, а продавали его шестнадцать раз. Поэтому автора быстро оспорили, и он все еще является предметом раздора среди историков. Весьма вероятно, что разрыв Пинто с иезуитами внес между ними некоторое напряжение, так как основными его хулителями остаются именно иезуиты. Несмотря на преувеличения, «Странствие» являет-

Святой Франциск Ксаверий (1506–1552), один из основателей ордена иезуитов, отправляется миссионером в Индию в 1542 году. В 1549 году он высаживается в Японии, где его деятельность приносит некоторые плоды. Тем не менее Ксаверий хочет отправиться в Китай и двумя годами позже прибывает на островок недалеко от Кантона, где умирает, так и не реализовав свои намерения.

ся незаменимым свидетельством активности португальцев на Дальнем Востоке.

К менее надуманной географии

Открытия португальцев начиная с XVI века улучшили географические знания об Азии. До тех пор информацию черпали из «Географии» Птолемея и из рассказа Марко Поло. Так построены «Каталонский атлас» Карла V 1375 года или карта мира Фра Мауро 1460 года. Прежде всего они состоят из маршрутов, набросанных по информации малайских лоцманов, разрешающих португальцам плавать в этой

На средневековых картах восток часто помещался сверху, в направлении Иерусалима. Арабские же карты смотрят на юг, как карта мира Фра Мауро. Только с XVI века благодаря использованию компаса преобладает ориентация на север.

зоне. Но знания географов о Китае все еще скудны.

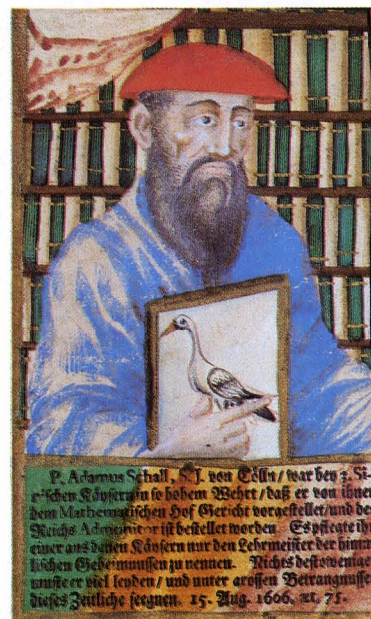
Китай считается огромным островом, наподобие Японии, до которого можно добраться морем, и он никак не связан с Катаем Марко Поло — то же самое различие между Серами и Тиной, унаследованное от Античности.

Когда в конце XVI века иезуиты обосновались в Пекине, Маттео Риччи взялся разгадать эту загадку, используя китайские источники и современные методы измерений. Он выдвигает гипотезу, что Катай Марко Поло и Китай — нечто иное, как одна и та же страна.

Как брат Бенто Гоэш подтверждает, что Катай и Китай одна и та же страна

Иезуит, родившийся в 1563 году на Азорских островах, направлен в 1602 году из Гоа своими собратьями для подтверждения рассказов купцов-мусульман, утверждающих, что они проникли в Катай и нашли там христиан. С середины XIV века сухопутная доро-

Маттео Риччи (1552–1610) — первый иезуитский миссионер, которому удалось надолго обосноваться в Китае — с 1583 года он живет сначала в Макао, затем в Нанкине и наконец в Пекине. Благодаря знанию математики, астрономии и географии иезуиты поддерживают самые хорошие отношения с китайскими императорами. Внизу: последователи Риччи, Адам Шаль (1591–1666), здесь в образе натуралиста, и Фердинанд Вербиест (1623–1688), здесь в образе астронома.

га в Китай казалась закрытой, но маршрут известен: через Лахор, Кашмир, Ладак и Кашгар Гоэш должен был добраться до Китая.

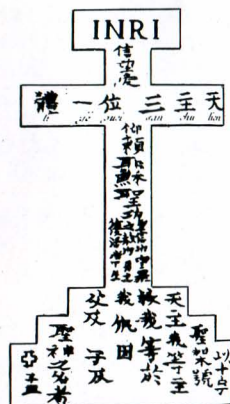
Для путешествия он переодевается армянским торговцем и принимает имя Банды Абдулла, «служитель Бога».

В Лахоре иезуит присоединяется к каравану из пятисот человек с лошадьми, верблюдами, повозками, который раз в год отправляется в Кашгар. Предприятие опасно. Кроме трудностей, связанных с пересечением Гиндукуша, путникам угрожают разбойники. Простояв восемь месяцев в Кабуле, караван продолжает путь; часть купцов покидает его, вместо них присоединяются новые. Караван повторно подвергается нападению разбойников. Бенто Гоэш, преодолев множество препятствий, все же пересекает Памир и прибывает в Яркенд, затем в Кашгар. Там ему приходится ждать, пока не соберется новый караван. Караван отправляется только раз в год, чтобы наверняка войти в Китай. Необходимо запастись высоко ценным нефритом и попасть под покровительство официального посла, который может пропустить только семьдесят два человека и которому нужно хорошо заплатить за пропуск. В ожиданиях проходит год. Наконец разрешение получено. Гоэш идет с севера через пустыню Такла-Макан и попадает в

P. Matthaeus Riccius, S. J. von Macerata aus Weisshand / der erste Sineser-Apostel / ware bey diesen Völkern / auch denen Weiß- und Gelehrtesten ein Wunder / und Regel der Wissenschaften / sonderbar aber wegen vorreflicher Sternseher-Kunst in höchstem Weiß. Verchiede mit dem Kuhn der Heiligen in Peekin. 11. Maii 1610. et. 58.

«Спор об обычаях» в начале XVIII века положил конец пребыванию иезуитов в Китае, начавшемуся веком ранее приездом Маттео Риччи. Иезуиты, принявшие одежды и некоторые исповедания конфуцианцев,

прокляты папой Климентом XI. В результате миссионеры изгнаны, а христиане преследуются. Но, без сомнения, существует более глубокая причина поражения христианства, недавно раскрытая Жаком Жерне. Исследователь ставит вопрос: «Могло ли христианство получить поддержку в ментальной и социально-политической культуре, фундаментально отличной от той, в которой христианство зародилось, и от которой, хотя бы того или нет, неотделимо?»

Карашар. Там он встречает купцов-мусульман, возвращающихся из Китая, которые рассказывают, что видели в Пекине Маттео Риччи.

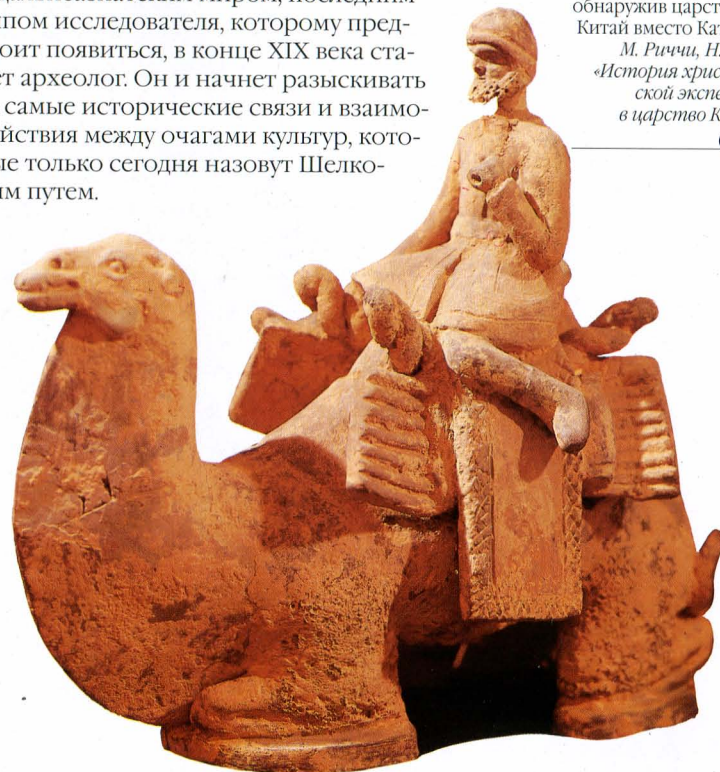
Но иезуит умер в пути, так и не увидев Пекин

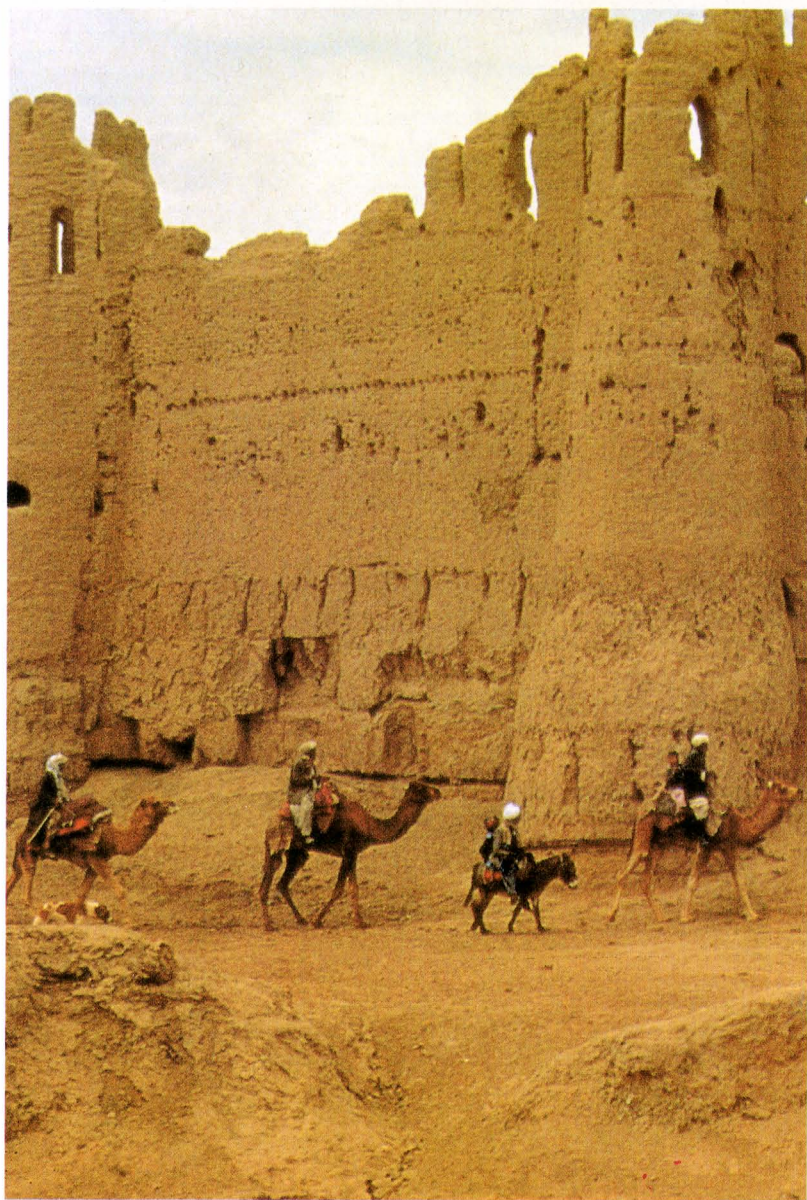
Именно тогда Бенто Гоэш начинает понимать, что Китай и есть Китай. Увы, наш путешественник не добрался до Пекина. Он заболел и умер в Сучжоу (Цзюцян в провинции Ганьсу) в начале 1607 года, так и не проникнув в сердце страны.

Все же наконец разгаданное тождество Китая и Китая положило конец поискам «неизведанных земель» Дальнего Востока. Несмотря на непонимание, сохранившееся между европейским и дальнеазиатским миром, последним типом исследователя, которому предстоит появиться, в конце XIX века станет археолог. Он и начнет разыскивать те самые исторические связи и взаимодействия между очагами культур, которые только сегодня назовут Шелковым путем.

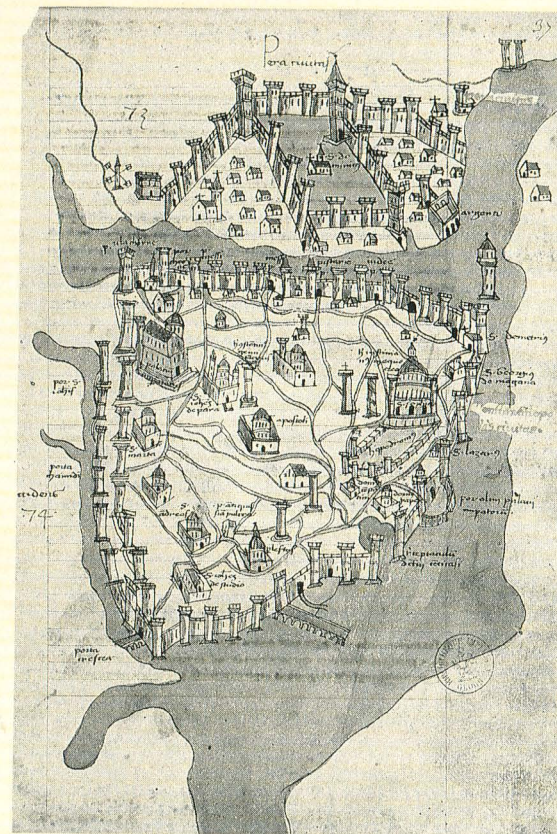
«Бенто Гоэш уже готов был выехать из Сиалиса (Карашара), когда из Китая вернулись купцы, отправившиеся туда год назад. Как требовал обычай, они ходили по царству Китай под ложным предлогом мнимого посольства. И с того самого момента как расположились они в Пекине, в гостинице для чужеземцев, рассказывали они точные новости об отце Маттео и его спутниках Бенуа, который был поражен, обнаружив царство Китай вместо Китая».

М. Риччи, Н. Триго
«История христианской экспедиции в царство Kumai»
(1615)

СВИДЕТЕЛЬСТВА И ДОКУМЕНТЫ

В пути

«Наблюдательность, информированность, образованность соперничают, пытаясь сделать рассказ путешественника привилегированным литературным жанром тех, кто объезжает мир, чтобы научиться познавать его, и не устает вести записи, следя за его развитием».

Жан Фавье

Отъезд в Татарию

Прибыв в Киев, мы имели совещание о нашем путешествии с тысячником и другими знатными лицами, бывшими там же. Они нам ответили, что если мы поведем в Татарию тех лошадей, которые у нас были, то они все могут умереть, так как лежали глубокие снега, и они не умели добывать копытами траву под снегом, подобно лошадям татар, а найти им для еды что-нибудь другое нельзя, потому что у татар нет ни соломы, ни сена, ни корму. Поэтому мы после совещания решили оставить их там с двумя слугами, которые должны были охранять их. Вследствие этого нам надлежало дать подарки тысячнику, чтобы заслу-

жить его милость для получения себе подвод и провожатых. Прежде чем попасть в Киев, мы смертельно заболели в Данилове; тем не менее все же мы приказали, несмотря на сильную стужу, везти себя на повозке по снегу, чтобы дело христианства не могло испытать препятствие. Итак, устроив все эти дела в Киеве, на второй день после праздника Очищения Нашей Владычицы (4 февраля 1246 года) мы на лошадях тысячника и с провожатыми поспешно направились из Киева к иным варварским народам.

Джованни дель Плано Карпини
«История монголов»
Эдисон Франсискен, 1961 год

Как везти багаж

Тогда предоставили нам на выбор, хотим ли мы иметь для перевозки своего имущества телеги, запряженные двумя быками, или вьючных лошадей. Константинопольские купцы посоветовали мне взять телеги и даже купить в собственность крытые повозки, в которых русские перевозят свои меха, и положить туда имущество, которое мне не нужно было доставать ежедневно, ибо если бы я взял лошадей, то мне приходилось бы во всякой гостинице снимать имущество и перекладывать на других лошадей. Кроме того, они посоветовали мне ехать тихим шагом верхом, рядом с быками. Я послушался тогда их совета, однако на свою беду, так как был в пути до Сартаха два месяца, а если бы я поехал на лошадях, то мог бы совершить этот путь в один месяц.

По совету купцов я привез с собою из Константинополя в качестве подарков главным начальникам плодов, мускатного вина и вкусных сухарей, дабы путь мне был более доступен, так как у них ни на кого не взирают милостивым оком, если он приходит с пустыми руками!

Все это, не найдя начальников города, я сложил на одной повозке, так как мне говорили, что эти вещи будут весьма приятны для Сартаха, если я смогу довести их до него.

Итак, мы направились в путь около 1 июня с четырьмя нашими крытыми повозками и полученными от них двумя другими, на которых везли тюфяки, чтобы спать ночью; сверх того они дали нам пять верховых лошадей, ибо нас было пять лиц: я и товарищ мой, брат Варфоломей из Кремены, везший подарки Госсель, человек Божий Тургеманн и отрок Николай, которого я купил в Константинополе на вашу благостыню. Они дали нам также двух людей, которые правили повозками и караулили быков и лошадей.

Гийом Рубрук
«Путешествие в империю
Монголов»
Пайо, 1985 год

Как заботятся о путниках в дороге

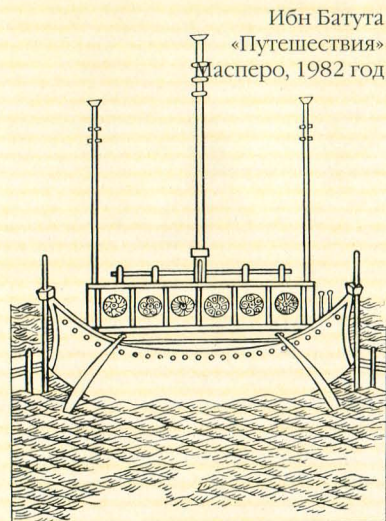
Ибн Батута (1304–1369) — один из самых выдающихся путешественников Средневековья. Прежде чем поведать о своих приключениях, он тридцать лет странствует по миру — и морем, и сушей. Хотя он и не ездил по Китаю, путешественник рассказывает об обычаях этой страны.

Китай — самое безопасное и лучшее место в мире для путешественника. Путник один может совершить переход в девять месяцев и ничего не бояться, даже если он нагружен сокровищами. На каждой станции есть гостиница, за которой присматривает специальный офицер с отрядом пеших и конных солдат.

Каждый вечер после захода солнца, как опустится ночь, офицер приходит в гостиницу со своим секретарем; тот записывает имена всех чужеземцев, кто проводит там ночь, запечатывает список, а затем запирает двери гостиницы. Утром он возвращается с секретарем, вызывает каждого по имени и пишет подробную записку. С путниками он направляет до следующей станции человека, который должен вернуться с письмом от офицера этой второй станции, подтверждающим, что все прибыли; без такого письма указанный человек несет ответственность. И так делают на всех станциях этой страны от Син-ассина до Ханбалыка. В этих гостиницах путник находит все, что ему нужно из провизии: есть утки и гуси; а бараны редки в Китае.

Вернемся к нашему путешествию и скажем, что первым нашим городом в Китае был Зейтун. Хотя «зейтун» по-арабски означает оливки, оливок, как и в Индии, там нет; только таково его имя. Это огромный город, в котором производят камку и атлас, которые называются по его имени «зейтуния», и ценятся они выше хансийских и ханбалыкских тканей. Гавань Зейтуна одна из самых больших в мире, правильнее сказать, самая большая. Я видел в ней около ста крупных джонок,

а уж маленьким и счету не было. Это обширный морской залив, вдающийся в сушу, где он соединяется с Большой Рекой. Здесь, как в любом городе Китая, у каждого жителя сад, поле, а в середине дом, как у нас в городе Сиглимас. Потому китайские города так велики.

О хрупкости индийских судов

У жителей этого города множество судов, но суда плохие, и немало их погибает, потому что сколочены они не железными гвоздями, как у нас; сделаны они из твердого дерева, которое бьется как горшок; если вколотить в него гвоздь, оно бьется; потому в досках проворачивают дырки как можно осторожнее, а потом крепят маленькими стержнями. Потом их сшивают веревками из коры индийских орехов, а они большие, и веревки из них как конский волос.

Кору эту они бьют до тех пор, пока она не сделается тонкою, как конский волос, и тогда вьют из нее веревки наподобие шелка и ими сшивают суда; веревки эти прочны и от соленой воды не портятся, но не выдерживают бурь, железо держится лучше. Они еще ходят ловить рыбу, и много их гибнет. У судов одна мачта, один парус и одно весло; они без покрывки. Нагрузят суда и сверху товары прикроют кожей, а на это поставят лошадей, которых везут на продажу в Индию. Железа для выделки гвоздей у них нет, болты делают из дерева и из них собирают суда, а потом сшивают веревками. Нет у них и железного якоря, якорь делают по их же обычаю, и не выдерживает он и маленькой бури. Плавать на таких судах опасно: бури в Индийском море часты, и много их гибнет.

Марко Поло
«Описание мира»
Клинксик, 1955 год

Как путешествуют купцы

Делают на корабле четыре кормы; там комнаты и каюты для купцов. Во многих каютах места и удобства, каждая с замками и ключами, и владельцы их запирают. Они везут с собой своих сожителей и жен. Часто бывает, что человек сидит у себя в каюте, а никто на корабле не знает, что он здесь, пока не встретятся они, как придут на место.

Здесь же живут и дети моряков; они выращивают овощи, бобы и имбирь в деревянных кадках. Капитан корабля напминает крупного эмира. Если он сходит на берег, его

сопровождают лучники и воины-эфиопы с копьями и мечами, с трубами и барабанами. Когда он добирается до дома, где останавливается на ночлег, они скрещивают копыя у его дверей и не уходят, пока он не выйдет. Среди китайцев есть такие, кто держит множество кораблей, и на них отправляют в другие страны посредников. Во всем мире нет людей богаче китайцев.

Ибн Батута
«Путешествия»
Ф. Масперо, 1982 год

Путешествие Кансина на Восток

В VIII веке знаменитый китайский монах Цзянь-Чжэнь (по-японски Кансин, 688–763) плывет в Японию, где ему удастся высидеть только с шестого раза. Там он поселяется и начинает проповедовать буддизм. Список вещей, которые он вез с собой в 743 году во время второй попытки попасть в Японию, впечатляет.

Съестные припасы

Рис на время плавания. Личи. Рис, красный и зеленый, 100 тань. Горох, 30 тань. Плавленное масло (из молока коровы), 180 кинь. Мука из пшеницы, 50 тань. Печенье из Гу (Центральная Азия): сухие рисовые лепешки, два воза. Сухие лепешки из бродившего риса, один воз. Тонкие лепешки из сухого риса (галеты), 10 000. Ше-ту из Фань (Тибет), один воз?

Культовые предметы

Миски о-дзэу, покрытые эмалью, тридцать.
 Образы Будд, с пятью разными головами, рисованные Кин-Цяном.
 Рисунок Будды, украшенного драгоценностями.
 Образ Будды, расписанный золотом.
 Ширма с шестью панелями, расписанными образами Будды и Бодхисаттв.

Священные книги

«Гандавяха сутра», выполненная золотыми буквами.
 «Маха-Праджнапарамита сутра», выполненная золотыми буквами.
 «Махасаннипата сутра», выполненная золотыми буквами.
 Различные трактаты и комментарии о сутрах и кастрах, всего сто.

Монашеские принадлежности

Ширма, на которой нарисованы детали публичных церемоний на каждый месяц.
 Ширма, на которой изображены движения различных небесных тел.
 Балдахин для бодхимандалы.
 Четырнадцать знамен, украшенных камнями.
 Восемь зонтов от солнца, украшенных нефритовыми кольцами.
 Пятьдесят коробов, инкрустированных перламутром для буддистских сутр.
 Двадцать кувшинов из меди.
 24 покрывала из шерсти, расписанных цветами.
 Тысяча касайа.
 Тысяча пар курток с короткими рукавами.
 Тысяча циновок для сидения.
 Четыре больших медных крышки.
 Сорок тарелок для овощей.

Двадцать больших мисок из меди.
 Двадцать мисок из меди средних размеров.
 44 маленькие миски из меди.
 80 квадратных циновок из меди.
 Двести маленьких циновок из меди.
 Шестнадцать циновок из белого тростника.
 Шесть циновок из тростника пяти цветов.

Благовония и лекарства

Двадцать кусков мускуса.
 Дерево алоэ.
 Благовония из панциря черепахи.
 Благовония из нарда.
 Камфара из Лон-нао, по меньшей мере 600 фунтов (кинъ).
 Благовония из тань-тан.
 Парфяньские благовония.
 Дерево алоэ чан.
 Благовония лин-лин.
 Дерево цын-моу.
 Благовония юн-лу.

Пи-по.
 Хо-ли-ло.
 Перец Гу.
 А-вей (асса-фетида), почти 500 фунтов (кинъ).
 Каменный мед.
 Сахар.
 Мед, 10 фунтов (ху = тань).
 80 коробок сахарного тростника.

Деньги

10 000 связок голубых монет.
 10 000 связок монет чен-лу.
 5000 связок монет с пурпурной каймой.

Одежды

2000 головных уборов из шелка.
 Тридцать пар ботинок из пеньковых волокон.
 Тридцать пар шапок с завязками.

Среди севших на корабль: Сян-Иэнь, китайский монах, Тао-Ин, китайский монах, То-Цын, китайский монах, Исеи, японский монах, Фусэ, японский монах, Сеу-Ео,

китайский монах, и другие, всего семнадцать человек.

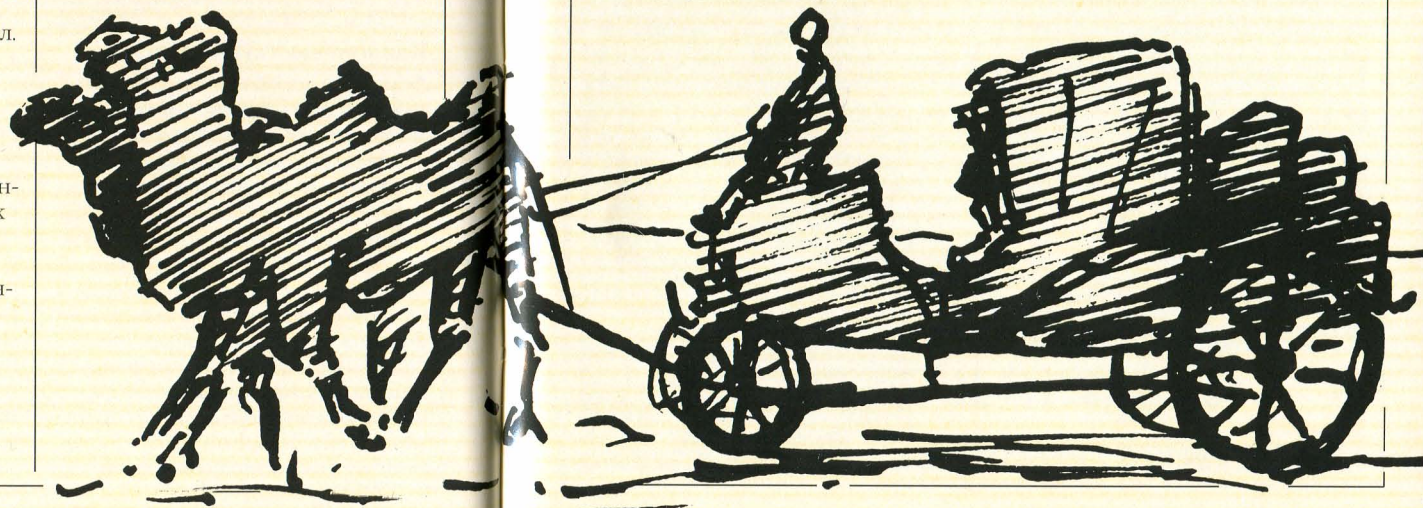
Еще с ними были мастера по драгоценным камням, художники, скульпторы, резчики по дереву и металлу, литейщики, писцы, вышивальщики, литераторы, каллиграфы и различные ремесленники общим числом 185 человек.

Дженкаи

«Сообщение о путешествии по Востоку Великого Мэтра Кансина»
 Бюллетень Французской школы Дальнего Востока,
 1928–1929 годы

**О том, что необходимо
 торговцам, решившим
 отправиться в Китай**

Франческо Бальдуччи Пеголотти, клерк флорентийского торгового дома, около 1340 года составил учебник «Практика торговли», содержащий предельно точную

информацию об организации поездок в Китай. Он описывает маршруты, переходы, длительность путешествия и условия транспортировки.

Прежде всего следует отпустить бороду и не бриться. Затем в Тане будет правильным нанять проводника-переводчика. Здесь не стоит экономить и брать плохого, потому что расходы на хорошего проводника несравнимы с тем, сколько вы сэкономите, имея его подле себя. Кроме указанного проводника, хорошо нанять по меньшей мере двух хороших слуг, мужчин, говорящих на куманийском (вероятно, тюркский диалект). Если купец желает везти с собой служанку, он может это сделать; если не желает, это не обязательно; просто если он ее везет, путешествие будет намного удобнее. Как бы то ни было, если он решает взять служанку, лучше, если она, как и мужчины, владеет куманийским.

Для путешествия из Таны в Гитаркан следует везти провизию на двадцать пять дней — муку и сушеную рыбу, что касается мяса, вы в достатке найдете его везде по пути.

И на всех переходах из одного края в другой, по количеству дней путешествия, указанных выше, следует также запастись мукой и сушеной рыбой; другое продовольствие вы найдете в достаточном количестве, особенно мясо.

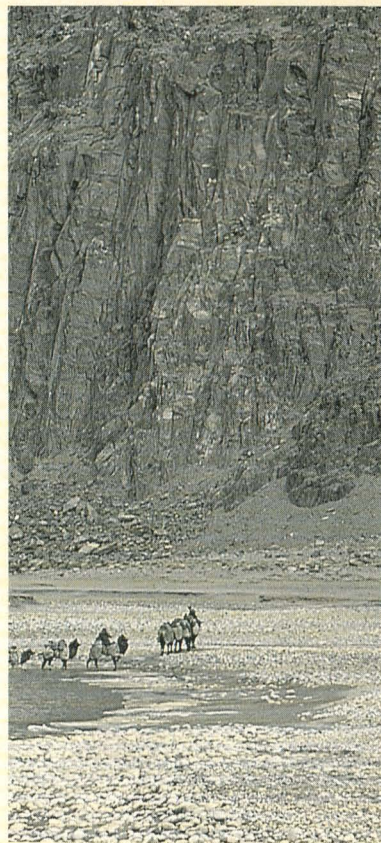
Путь из Таны в Катай, по словам купцов, которые им ходили, совершенно безопасен и днем, и ночью. Если же купец умрет по дороге, все его вещи достаются правителю провинции, где он умер, и воины правителя забирают их. То же, если он умрет в Катае. Но если он едет с братом, или другом, или близким спутником, назвавшимся братом, воины правителя вернут имущество умершего, сохранившееся до тех пор.

Франческо Бальдуччи Пеголотти
«Практика торговли», XIV век
Перевод с английского
Марианны Бонно

На покорение Памира

*Ролан и Сабрина
Мишо — фотографы.
В 1972 году им посчаст-
ливилось в течение
месяца сопровождать
киргизский караван.*

Один погонщик на трех верблюдах, одна лошадь на погонщика — таков принцип организации каравана. Верблюды Рахмана Кула, как говорят, бактрийские. Их собраты населяют полупустынные районы Китая, Синцзяна, Монголии и Тибета. Это могучие крепкие животные ростом около двух метров, а вес может достигать пятисот килограммов. Передвигаются они медленным, но уверенным шагом, иногда покачивая передним горбом. Два огромных горба — резерв верблюда. В них хранится до ста килограммов жира. Горбы, упругие или мягкие, — термометр животного. Когда верблюды устали или больны, горбы оседают и прижимаются, даже почти совсем исчезают. Верблюд — самое дорогое животное: один верблюд стоит восемь яков, девять лошадей или сорок пять баранов. Он перевозит до двухсот восьмидесяти килограммов товаров и дает, кроме того, молоко, мясо и шерсть.

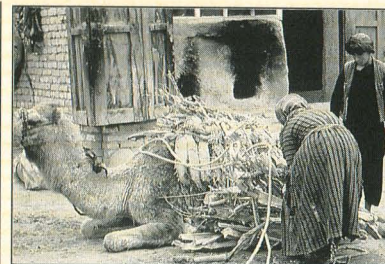
Густой слой шерсти, различающийся у каждого животного по тонкости и бархатистости, — настоящая грива, пряди шерсти на лбу и на ногах, — показывает, насколько верблюды приспособлены к сильным холодам и высоким плато Центральной Азии. Шерсть эта красивая и ценная, «настолько ценная, что я должен охранять верблюдов ночью, чтобы вахи не пришли красть шерсть», — делится с нами погонщик.

Выйдя из Сархада, мы идем долиной реки Вахандары. Вначале шириной она пятьсот метров, потом быстро сужается и превращается в ущелье. Мы едем по замерзшей реке.

С инстинктивной уверенностью киргизы определяют самое удобное место для перехода, а чтобы было не так скользко, посыпают путь пеплом или песком. Выстроившись в цепочку, люди, верблюды и лошади аккуратно идут по этой тропе. Несколько раз Абдул Вакиль наклоняется и принимает к реке; слушает внимательно, как доктор, считающий удары сердца. Он проходит вперед маленькими шажками по краю расщелин, обнажающих бурлящую воду. Мы продвигаемся по льду толщиной более метра. Несмотря на толщину, время от времени слышится треск, и крупные трещины прорезывают гладь нетронутого льда. Стены ледового ущелья здесь так высоки, что солнце видно только в зените.

В полдень мы покидаем русло реки, ставшее слишком узким, и начинаем подниматься по склону. Аи Баш открывает мешок с песком и посыпает полосу льда, настолько скользкую, что верблюды не смогли бы там и шагу ступить. Склон крутой. Животные упираются, и погонщики их поощряют. Караван останавливается каждые пятьдесят метров, чтобы перевести дух. Внезапно последний верблюд падает на край пропасти, но инстинкт заставляет его держаться буквально на нескольких метрах: с риском для жизни погонщики разгружают его, чтобы он смог подняться.

По мере того как опускаются сумерки, горы, кажется, растут, а все вокруг сжимается. Говорят, «они так высоки, что даже птицы могут добраться до вершины только пешком». Люди и животные упираются в склон горы.

«Один верблюд стоит восемь яков, девять коней или сорок пять баранов».

Наконец мы достигли вершины. Сразу же на фоне свинцового неба вырисовывается черный силуэт «детей облаков», плотный, но выгнутый к земле.

Когда я останавливаюсь на миг, чтобы передохнуть, тишина, абсолютная тишина опьяняет меня. Мы проводим ночь в пещере, наводненной крысами. В долине таких пещер много: напротив внешней стены лежат охапки хвороста или несколько срезанных ветвей для будущих посетителей, знаки поддержки, молчаливой взаимовыручки странников Памира. Огонь здесь жизненно важен: до появления спичек самым ценным предметом караванщика был чакмак (кусочек кремня), и стоил он нескольких лошадей.

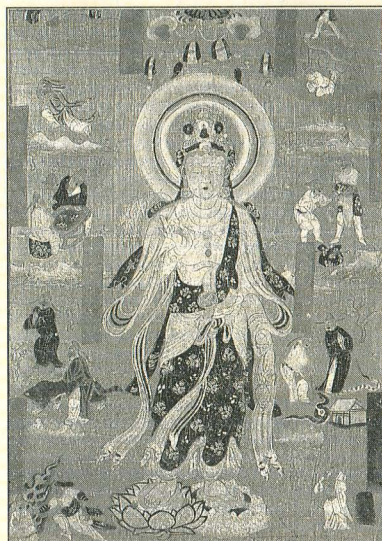
По тропе нового холма, на который мы поднимаемся после полудня, с трудом может пройти лошадь, и лежит путь по краю головокружительной пропасти. Я боюсь, но страх отходит на второй план, так сильно приходится бороться, чтобы пройти этот участок.

Ролан и Сабрина Мишо,
«Караваны Татарии»
Эдисон дю Шее, 1977 год

Опасности

«Отправиться в страну шелка — все равно что добровольно призвать все беды. Сколько препятствий нужно преодолеть — хищные звери, разбойники без страха и упрека, злые духи? ...Разве не рассказывали, что голоса, призраки, земные сирены пустыни заманивали путников, и те безвозвратно терялись в песках?»

Л. Бульнуа

Умереть от жажды

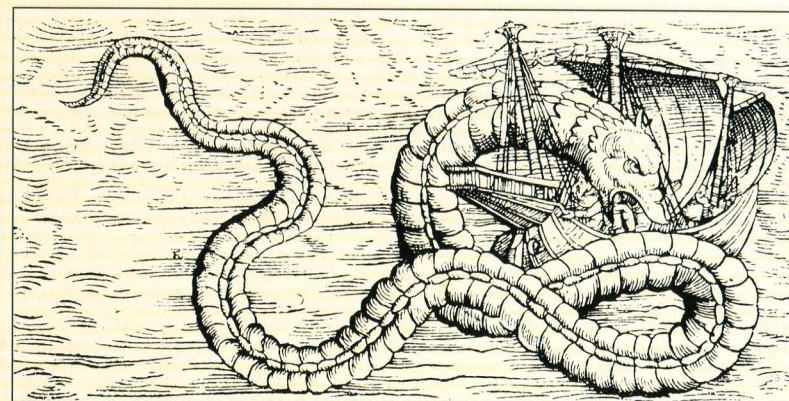
Недалеко от четвертой башни он ступил в пустыню Мо цзя ян, которая длится восемьдесят ли и которую древние называли Ша хэ, или Рекой песка. Там нет ни птиц, ни четвероногих, ни воды, ни пастбищ. Чтобы не заблудиться, он учился наблюдать направление тени и читал с усердием буддистскую сутру о Запредельной премудрости (Праджня-парамита).

[...] Пройдя сотню ли, он сбился с пути. Напрасно искал он Источник диких коней, чтобы набрать там воды. Захотев пить, он поднял бурдюк; но тот был очень тяжел, выскользнул из рук, и все содержимое выплеснулось на землю. Так он в один момент потерял запас воды, которого могло бы хватить на тысячу ли. К тому же дорога сильно ухнула в сторону, и он уже не знал, куда идти. Тогда он решил вернуться с восточной стороны к четвертой сигнальной башне.

Пройдя десяток ли, он сказал себе: «Вначале я поклялся, если дойду до Индии, не сделать ни шага в сторону Китая. Зачем же я теперь пришел сюда? Лучше я умру, идя на Запад, чем вернусь на Восток, чтобы сохранить жизнь!»

После этого он потянул поводья своей лошади и, молясь о благосклонности Гуаньинь, направился на северо-запад. Вокруг лежала бескрайняя равнина, ни следа человека или лошади. Ночью злые духи зажигали факелы, многочисленные, как звезды; днем ужасающие ветра поднимали песок и просыпали как потоки дождя.

Среди этих жестоких порывов ветра сердце его оставалось чуждо страху; но он страдал от отсутствия

воды, и его так мучила жажда, что не оставалось силы сделать даже шаг. Четыре ночи и пять дней ни одна капля воды не увлажняла ни его горло, ни рот. Всепоглощающий жар сжигал его нутро, и он чуть не падал. Не в силах двигаться вперед, он лег на песок, и хотя был предельно изможден, призвал Гуаньинь.

Он молился с неиссякаемым жаром до середины пятой ночи, как вдруг сладкий ветерок овевал все его члены и наполнил их такой силой и бодростью, как будто путник искупался в освежающей воде. Тогда глазам его вернулось зрение, и даже у его лошади нашлись силы подняться. Вернувшись к жизни, он смог немного поспать. Но когда заснул, увидел великий дух, высотой несколько чжанов, держащий пику и знамя, и дух закричал ужасным голосом: «Почему ты спишь, вместо того чтобы уверенно идти вперед?».

Внезапно проснувшись, Мэтр Учения пустился в путь. Он проделал десяток ли, как вдруг его лошадь изменила направле-

ние, и он не мог ни остановить ее, ни повернуть. Через несколько ли он увидел несколько арпанов зеленых пастбищ, спустился с лошади и пустил ее щипать траву в свое удовольствие. Покинув это пастбище, он хотел продолжить путь; но увидел неподалеку источник с водой чистой и светлой, как зеркало. Он спустился на землю и пил долгими глотками. Благодаря двойной поддержке и к лошади, и к путешественнику вернулись силы и жизнь.

Уили и Ян-Цзон

«Жизнеописание Сюань-Цзана»

1853 год

Встреча с грабителями

Господин, с почтением посетив священные памятники, выехал из царства А ю тоу, прошел по течению Ганга, и он и еще восемьдесят человек сели на корабль и поплыли на восток, в царство А е му ки (Аямукха).

Через сотню ли он увидел деревья ашока, укрывающие оба берега

реки очень густыми ветвями. Деревья эти укрывали с каждой стороны десяток пиратских кораблей. Разбойники показались неожиданно и, сильно гребя, шли навстречу кораблю посреди реки. Многие пассажиры, охваченные страхом, бросились в реку. Пираты быстро окружили барку и подвели к берегу. Там они заставили пассажиров снять одежду и обшарили ее в надежде найти ценности. А поклонялись эти разбойники богине Дурга. Каждую осень они искали человека хорошего телосложения и красивого лицом; убив его, приносили его плоть и кровь в жертву этому божеству, чтобы им ниспослали счастье. Осмотрев Мэтра Учения, чья благородная осанка и лицо указывали на человека выдающегося и отвечали их жестоким намерениям, пираты весело переглянулись: «Мы, — говорили они, — боялись пропустить время жертвоприношения, которого требует наша богиня, потому что не могли найти жертву, достойную ее; но вот монах с хорошей фигурой и благородным лицом. Убьем его и получим счастье».

«Если бы это презренное и ничтожное тело, — ответил им Сюань-Цзан, — могло достойно соответствовать цели вашего жертвоприношения, я не был бы жаден. Но так как я пришел из дальних стран, чтобы поклониться образу Бодхи и пику Вотур, найти священные книги и понять Учение, и моя цель еще не достигнута, боюсь, добрые люди, как бы, забрав у меня жизнь, вы не навлекли на свою голову огромных несчастий».

Все на корабле умоляли пиратов, даже предлагали умереть вместо монаха; но те упорно отказывались. Между тем главарь пиратов послал людей за водой в чашу леса ашоки и приказал соорудить жертвенник из земли, замешенной с грязью; затем он приказал двум сообщникам обнажить сабли, нести Сюань-Цзана к жертвеннику и немедленно принести в жертву. Но на лице Мэтра Учения не было ни следа страха или эмоций. Пиратов это тронуло и поразило. Сюань-Цзан, видя, что ему не удастся избежать гибели, попросил разбойников немного повременить и не вести его насильно. «Позвольте мне, — сказал он им, — войти в Нирвану с душой спокойной и радостной».

Тогда Мэтр подумал с любовью об Майтрейе и обратил все свои мысли к Небу запредельной мудрости, выражая жаркое желание родиться там, отдавая своему Бодхисаттве уважение и почести, обладать йогой-шастрой, услышать объяснения Благой дхармы (Саддхарма) и войти в Нирвану; затем вновь спуститься на землю и возродиться, чтобы обучить и обратить этих людей, убедить принять запредельную мудрость и отказаться от их бесславной профессии; и, наконец, сеять везде Учение и видеть мир и счастье всех созданий. Затем он поклонился Буддам десяти сторон света, сел в позу медитации и сосредоточил свои мысли на Учителе, не давая проникнуть в них постороннему.

Вдруг душа его воспрянула, и ему показалось, что он поднялся на горы Сумеру и, преодолев три неба,

увидел на Небе запредельной премудрости преподобного Учителя, сидящего на сияющем троне, а вокруг него множество дэва. В этот момент он ощущал радость телом и душой, не зная, что находится рядом с алтарем, не думая о пиратах, жаждущих его крови. Спутники покинули его с криками и слезами, как вдруг со всех сторон поднялся яростный ветер, выворотил деревья, поднял в воздух вихри песка, погнал волны на реке и потопил корабли. Пиратов охватил ужас, и они спрашивали спутников Сюань-Цзана: «Откуда этот монах и как его зовут?»

«Это, — отвечали им, — знаменитый монах, прибывший из Китая в поисках Учения; если вы убьете его, вы призовете кару без числа. Разве не видите уже в ветре и волнах ужасные знаки гнева небесных духов? Остановитесь же».

Разбойники, охваченные ужасом, распростерлись на земле и все вместе стали увещавать главаря отказаться от убийства.

В этот момент один из пиратов коснулся руки Сюань-Цзана, тот открыл глаза и сказал им: «Мой час пришел?» «Господин, — ответили разбойники, — мы не отваживаемся причинить вам вред; наоборот, мы хотим показать вам наше глубокое раскаяние».

Мэтр Учения, приняв их извинения и знаки почета, научил их, что убийства, кражи и нечестивые жертвоприношения повлекут за собой в будущей жизни вечные страдания.

«Как осмеливаетесь вы, — сказал он им, — для насыщения этого ничтожного тела, которое исчезнет в момент как молния и утренняя

заря, обрекать себя на пытки на нескончаемое число веков?»

Пираты распростерлись на земле и принесли ему нижайшие извинения. «Мы были, — сказали они, — поражены слепотой и безумием, и мы совершали гнусные преступления. Если бы мы не встретили достопочтенного учителя, добродетель которого тронула небеса, как услышали эти наставления? С этого дня мы клянемся отказаться от нашего бесславного занятия и хотим, чтобы учитель стал свидетелем нашего обращения».

Произнес эти слова, они начали один за другим поднимать оружие убийства и бросать их в реку; затем они возвратили каждому пассажиру его одежды и вещи. После этого они произнесли с почтением Пять обетов.

Тотчас же ветер и волны унялись. Пираты, охваченные радостью, попрощались с Мэтром Учения и покинули его.

Там же

Кораблекрушение

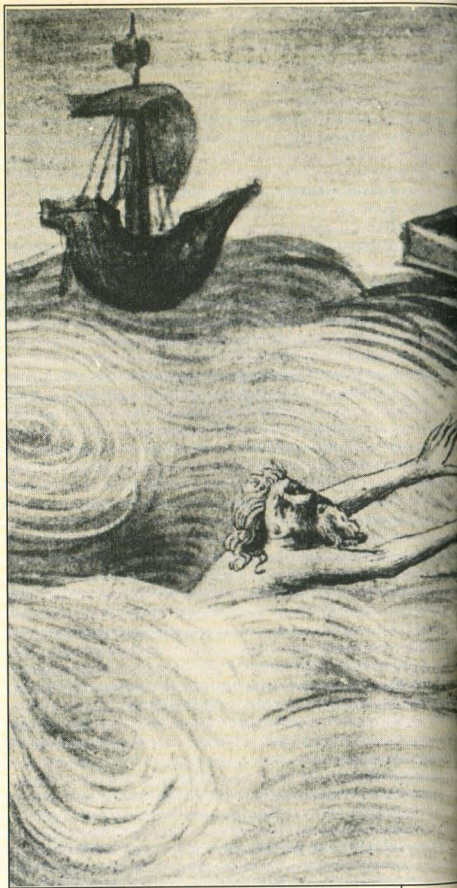
И вот, когда уже видны были рудники Коншинкау, расположенные на сорок первом градусе с двумя третями, на нас налетел огромной силы южный ветер, который китайцы называют тайфуном, сопровождаемый таким ливнем и потерей видимости, что он казался чем-то сверхъестественным; а так как суда были у нас гребные и не слишком больших размеров, с невысоким бортом и хрупкие, да и матросов не хватало, мы оказались в столь отчаянном положении, что, почти потеряв надежду на спасение, предпочли быть

снесенными на берег, полагая меньшим злом разбиться о скалы, чем утонуть в море.

Мы продолжали свой путь, тщетно пытаясь осуществить это наше отчаянное намерение, избранное нами как наименьшее зло и наименее мучительный конец, когда ветер на исходе дня неожиданно перескочил с зюйда на норд-норд-ост. Волны при этом оказались взбитыми на такую высоту, что ужасно было на них смотреть. Охваченные страхом, мы стали выбрасывать за борт лишний груз, но при этом дошли до такого безумия, что сбросили в воду провиант и ящики с серебром. Напоследок мы срубили и обе мачты, потому что к этому времени в судах уже объявилась течь, и так мы продрейфовали до наступления сумерек.

Когда была без малого полночь, вдруг с паноуры Антонио де Фарии раздался громкий крик: «Господи Боже, смилуйся над нами!» — отчего мы решили, что она гибнет. Мы на нашем судне крикнули им, но ответа не последовало, и мы решили, что их поглотили волны. Мы оцепенели от ужаса, и добрый час никто не мог выговорить разумного слова.

В этом тягостном молчании мы провели остаток ночи. За час до рассвета у нас образовалась течь под кильсоном, и уровень воды мгновенно повысился на восемь пядей, теперь спастись уже не было ни малейшей возможности, судно шло ко дну, и мы решили, что Господу нашему угодно положить конец нашей жизни и нашим мучениям.

Когда совершенно рассвело и все море открылось перед нами, судна Антонио де Фарии нигде не оказалось. Это повергло нас в такое отчаяние, что никто уже не был в состоянии здраво рассуждать или действовать. Так мы пребывали без малого до десяти часов. Страх и горе наши были столь велики, что у меня не хватает слов их описать.

Кораблекрушение у берегов Явы, миниатюра из «Книги чудес».

Но вот полузатопленная паноура наша ударились о дно, волны подхватили ее и понесли на скалистый мыс, где под их напором она разлетелась в щепы. Цепляясь друг за друга с громкими криками: «Господи Боже, смилуйся над нами!» — мы спаслись, но из двадцати пяти португальцев уцелело лишь четырнадцать, одиннадцать утонуло вме-

сте с восемнадцатью христианскими мосо и семью китайскими матросами. А случилось это несчастное событие в понедельник августа пятого дня 1542 года, за что Господу нашему вечная хвала.

Фернан Мендес Пинто
«Странствие»
Кальман-Леви, 1968 год

Демоны и диковины

В дальних краях путешественники сталкивались с новыми мирами, чудовищными народами, наполовину людьми, наполовину зверями, фантастическими животными, удивительными обычаями.

В битву с чудовищами-собаками

Когда они возвращались через пустыни, то пришли в некую землю, в которой, как нам при нашем приходе ко двору императора, говорили за верное русские клирики и другие, долго бывшие среди них, татары нашли каких-то чудовищ, имевших женский облик. И, когда через много толмачей они спросили их, где находятся мужчины той страны, чудовища-женщины ответили, что в той земле все женщины, которые только рождались, имеют человеческий облик, мужчины же имеют облик собачий. И пока они затягивали пребывание в вышеуказанной земле, на другой стороне реки собрались воедино собаки, и так как была лютейшая зима, то все собаки-мужчины бросились в воду, а после этого на твердой земле стали кататься в пыли, и таким образом пыль, смешанная с водой, стала замерзать на них. И, после частого повторения этого, на них образовался густой лед; затем они в сильном натиске сошлись для боя с татарами. А те часто метали в них стрелы, но стрелы отскакивали назад, как если бы они метали их в камни; также и другое оружие татар никоим образом не могло повредить им. Собаки же, сделав набег на них, ранили укусами многих и убили и таким образом выгнали их из своих пределов. И отсюда до сих пор еще есть у них пословица: «Твой отец или брат был убит собаками»; женщин же их, которых они взяли в плен, татары отвели в свою страну, и они были там до своей смерти.

Другие чудовища-собаки

Подвинувшись оттуда, они пришли к Самоедам; а эти люди, как говорят, живут только охотами; одежды и палатки их также сделаны из шкур зверей. Подвинувшись оттуда далее, они пришли к некой земле над Океаном (Северным Ледовитым), где нашли неких чудовищ, которые, как нам говорили за верное, имели во всем человеческий облик, но концы ног у них были, как у ног быков, и голова у них была человеческая, а лицо — как у собаки; два слова говорили они на человеческий лад, а при третьем лаяли, как собака, и таким образом в промежутке разговора они вставляли лай, но все же возвращались к своей мысли, и таким образом можно было понять, что они говорили. Отсюда вернулись они в Команию, и до сих пор некоторые из них пребывают там.

Циклопеды

Победив кергис (черкесов), они пошли к югу против арменов; но когда они переходили через пустыни, то, как нам говорили за верное, нашли также некоторых чудовищ, имеющих человеческий облик, но у них была только одна полная рука, то есть как до локтя, так и после локтя, и то на середине груди, и одна нога, и двое стреляли из одного лука; они бегали так сильно, что лошади не могли их догнать, ибо они бегали, скача на одной ноге, а когда утомлялись от такой ходьбы, то ходили на руке и ноге, так сказать, вертясь кругом; Исидор (Севильский) назвал их Циклопедями. А когда они утомлялись таким образом, они бежали по прежнему способу. Все же некоторых из них татары убили, и, как нам говорили

русские клирики при дворе, пребывающие вместе с вышеуказанным Императором (ханом), многие из них приходили в посольстве вестниками ко двору вышеуказанного императора, чтобы иметь возможность заключить мир с ним. Двинувшись отсюда, они пришли в Армению, которую победили войной (1235–1236), а также Георгии; и другая часть явилась по их приказу, и каждый год они платили им в качестве дани по сорок тысяч иперперов; это же они делают и досель.

Джованни дель Плано Карпини
«История монголов»
Эдисон франсискен, 1961 год

Люди с собачьими головами

Покинув два острова, о которых говорилось ранее, и пройдя более ста сорока лиг к Понану, находится остров Ангаман. Это довольно большой и богатый остров. Короля тут нет. Живут тут идолопоклонники, и они словно дикие звери, у которых ни закона, ни порядка, ни домов нет, ничего. Следует упомянуть в нашей книге об этих людях: знайте по истинной правде, у всех здешних жителей и головы, и зубы, и глаза собачьи; у всех них головы как у большой медянской собаки. Много тут прਿਆстей. Злые тут люди: иноземцев, коль поймают, поедают, даже не варят. У них множество всяких специй. Едят они рис, и сорго, и молоко, и всякое нечистое мясо. Есть у них еще орехи фараона, райские яблоки и множество других плодов, и домашних, и диких. А здешние плоды не такие, как у нас.

Остров находится в таком глубоком море и окружен такими быст-

рыми течениями, что суда не в состоянии ни пристать к берегу, ни следовать дальше своей дорогой: море относит их в бухту, из которой никогда уже не могут выйти. Вот в чем причина этого: море сильно прокладывает себе путь в глубь земли, вырывая с корнями деревья и относя их в бухту. Число деревьев, постоянно относимых в бухту и никогда не выходящих из нее опять, поистине поразительно велико. И поэтому суда, входящие в бухту, так сплетаются с этими деревьями, что не могут сдвинуться с места и остаются здесь навсегда.

Рассказали об этих разных народах, потому хорошо о них рассказать в нашей книге. Отправимся теперь с острова и опишем теперь другие и расскажем об острове Сейлане.

Марко Поло
«Описание мира»
Клинксик, 1955 год

Знаменитые рыбы Индийского океана

В этом море есть зверь, который всплывает на поверхность, а к спине у него пристали трава и ракушки; моряки цепляются за него якорями, приняв за остров: когда они понимают свою ошибку, упиливают от него на всех парусах. Оказывается, что это животное разворачивает один из своих плавников, который у нее на спине, и он как парус корабля. Иногда оно достает голову [из воды], и она огромная. Иногда оно выдувает изо рта воду, а столб воды как огромный минарет. Пока море спокойно, подплывают рыбы, животное их закидывает на спину своим хвостом, потом открывает рот, и можно

видеть, как рыбы исчезают внутри туловища, как в колодце. Корабли в этом море его боятся, а еще ночью те, кто на кораблях, бьют в симандры, как у христиан, из страха, чтобы оно не наткнулось на корабль и не потопило его.

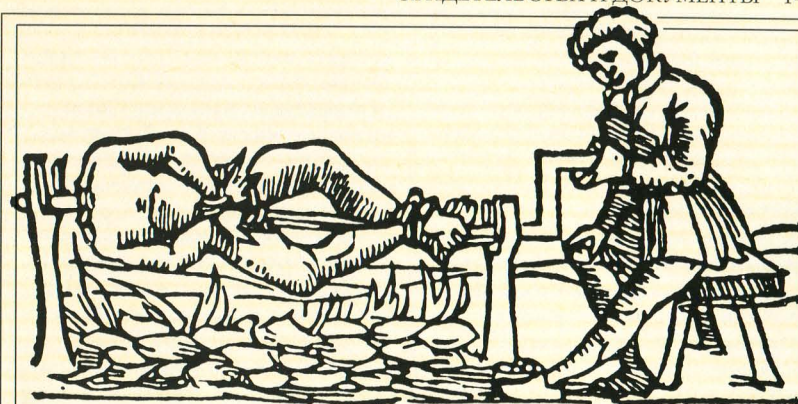
Еще в том море есть зверь, которого мы поймали как рыбу, в длину он может быть до двадцати локтей: мы разрезали ему живот и достали другое животное того же вида; мы разрезали живот второго и нашли в нем похожего на него: все это было живое, и билось, и походило одно на другое. К этому большому животному, которое называют Валь [прикрепляется], несмотря на его огромный размер, рыба, которую называют лахк, длиной она не больше локтя. Когда животное свирепствует и пугает рыб в море, эта [маленькая] рыбка, которой [Бог] дал власть над ним, [забирается] в его жабры и не вылезает оттуда, покуда не убьет его. Она также прикрепляется к кораблям; поэтому большое животное к ним не приближается, чтобы не встретить рыбку.

«Сведения о Китае и Индии»
Ле Бель Летр, Париж, 1948 год

Удивительные жители острова Дондиин

Каннибализм принадлежал к ряду чудес, поражающих путешественников XIV века, как и Одорика из Порденона. Жители Андамских островов, которые здесь названы Дондиин, были известны своей дикостью.

От этого острова поплыл я на юг к большому острову по названию

«Ибо отец там ест сына, а сын своего отца, и муж жену, и жена мужа».

Дондиин. На том острове живут самые необычные люди и самые плохие в мире. Они питаются сырым мясом, и всякие другие нечистые у них обычаи и жестокости. Ибо отец там ест сына, а сын своего отца, и муж жену, и жена мужа; и если отец или мать кого-нибудь из них боится, тогда сын идет к астроному, который у них священник, говорит ему: «Господин, идите к нашему богу и спросите его и узнайте, оправится ли мой отец или моя мать от этой болезни». Тогда идут вместе этот священник и этот сын к идолу, который сделан из золота или серебра, приносят ему жертву, а потом спрашивают, умрет больной от болезни или нет. Дьявол отвечает через уста идола на вопрос. Если он отвечает, что отец не умрет, сын заботится о нем, пока тот не вылечится, а если идол ответит, что тот должен умереть, тогда священники идут к больному и кладут ему на рот яблоко и олово и убивают его. Когда отец мертв, приходит сын и разрезает его

на куски, а потом посылает всем друзьям и наследникам в стране, и едят его с великой радостью, и устраивают большой праздник, и поют и танцуют с большой пышностью. Все друзья и родственники умершего, которые его ели, стыда большого не испытывают и живут в сраме.

Поэтому многие их осуждают и говорят, что это против всякого разумения в мире. Потому собаки и волки не едят себе подобных, даже если им дать их мясо. Как могут это делать разумные существа? Они отвечают: мы делаем это, чтобы мертвых не съели черви, потому что эти черви изгрызут их плоть и их душу, и будут умершие от этого очень страдать. На острове еще много чудес, которым никто не поверит, пока не увидит. Потому во всем мире можно найти много чудесного. Но то, что я пишу, я видел своими глазами. Об этом острове спрашивал у многих, но все согласны, что в этом острове XXIII острова разных, и на всех

живут люди, и там ЛIII коронованных царя.

Одорик из Порденона
«Путешествия по Азии»
Париж, 1891 год

Ноев ковчег

В Великой Армении, скажу вам еще, на высокой горе Ноев ковчег.

Гора очень большая и высокая, похожа на куб, на котором, как говорят, стоит Ноев ковчег. Поэтому она зовется горою Ноева ковчега; в два дня не обойти ее кругом. На вершине постоянно снег, поэтому никто не может взойти туда; снег никогда не стаивает вполне; новый выпадает на прежний и так увеличивается. Ковчег можно видеть издали, потому гора очень высокая, на которой он стоит, а

снег лежит почти круглый год; в некоторых местах как будто большое черное пятно видно совсем издали посреди этого снега, а близко ничего не видно. В этой Армении множество больших и высоких гор, и есть гора, которую называют Бари или Олимп, и кажется, что она доходит до неба. И есть кто говорит, что многие спаслись от вод Великого потопа на ней. Здесь Ноев ковчег называют кораблем мира. Говорят о нем мало, как будто вовсе его там нет, если только приезжие не спросят: тогда о нем говорят и рассказывают, что это черное пятно — корабль мира. А ниже, к равнине, где снег стаивает, гора плодородна, тут обилие трав; скот сгоняют сюда издали, и никогда нет там недостатка в корме; от таяния тут много грязи.

А теперь скажу, на границах Армении к югу лежат земли Мосул, Мус и Меридин, о которых мы будем говорить дальше, и другие, о которых слишком длинно рассказывать. На юго-востоке Великой Армении есть город и государство, которые называются Мосул. Народ там христианский — яковиты и несториане, о которых расскажу далее. К северу — грузины, и о них будет говорено еще далее. На грузинской границе есть источник масла, и много его; до сотни судов можно зараз нагрузить тем маслом. Для еды оно не годится, а можно жечь или мазать им верблюдов, у которых чесотка и короста. Издали приходят за тем маслом и во всех странах его только и жгут. Оставим Великую Армению и расскажем о грузинской земле.

Марко Поло
«Описание мира»
Клинксик, 1955 год

Горизонт мечты

«Индийский океан, экзотика средневекового Запада, места мечты и довольства».

Первый сон средневекового Запада об Индии — это о мире богатств. В бедных владениях западного христианства — чистая латынь голодает, — сказал Алан де Лиль, — кажется, что Индийский океан изобилует богатствами, является источником роскоши. Во сне видятся прежде всего острова, бесчисленные «острова удачи», счастливые и изобилующие, жемчужина Индийского океана, моря, усеянного островами. «В том Индийском море, — говорит Марко Поло, — двенадцать

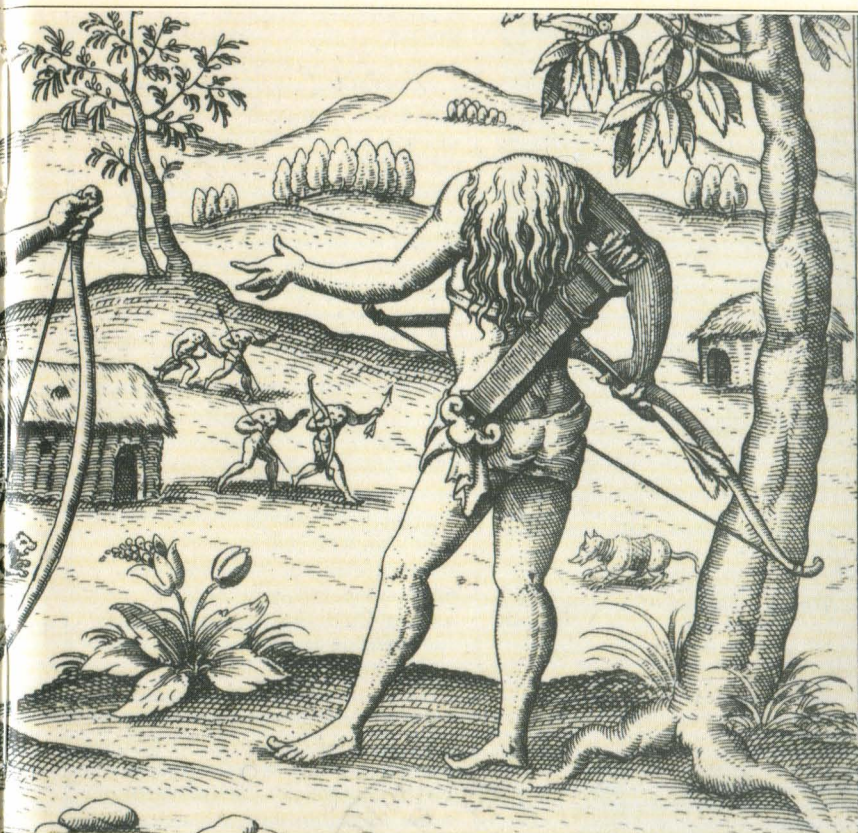
тысяч и семьсот островов... Нет в мире человека, который бы сосчитал все острова Индии... Это лучшее, цвет Индии». Христианский символизм окружает острова мистическим ореолом, ореолом святых, хранящих в неприкосновенности сокровища добродетели, о которых тщетно со всех сторон бьются волны искушения. Острова — источник роскоши: драгоценных металлов, драгоценных камней, ценных пород деревьев, специй. Изобилие столь обширно, что с мая по июль, по словам Марко Поло, в царстве Куилон — к юго-западу от Малабарского берега в Индии — собирают урожай перца: «его грузят навалом на корабли, как у нас пшеницу». Область Маабар богата таким «множеством» перлов, которые вылавливают в море, что царь ходит совсем голый, покрытый с головы до ног одним жемчугом: «сто четыре крупных и красивых жемчужины» только у него на шее. Некоторые острова целиком из чистого золота или чистого серебра, как Криз и Аргир... Из всех этих островов «лучший», то есть самый большой и богатый, — Тапробан, он же Цейлон. Горизонт кажется полуреальным, полуфантастическим, отчасти воображаемым, он связан со структурой, даже с торговлей средневекового Запада, импортера ценных заморских вещей, наделенных особым значением.

Со сном о богатстве связан сон об изобилии фантастического. Земли Индийского океана населены диковинными людьми и животными, это мир чудовищ двух разновидностей. Как сказал по этому поводу Гонорий Аутустодуненс: «Там есть чудовища, одних можно отнести к людям, других — к животным».

Через них Запад уходит от заурядной реальности своей фауны, прибегает к неистощимому творческому воображению природы и Бога. Люди со ступнями, обращенными назад, лающие люди с собачьими головами, люди, живущие намного дольше, чем отведено простому человеку, и чей волос в старости чернеет, а не белеет, одноноги, которые укрываются в тени своей поднятой ноги, циклопы, люди без головы с глазами на плечах и двумя дырами на животе вместо носа и рта, люди, которые живут только запахом одной разновидности фрукта и умирают, если не могут больше вдыхать его. Сюрреалистическая антропология, сравнимая с антропологией Макса Эрнста... Рядом с чудовищными людьми кишат фантастические животные. Они составлены из частей и кусков, как «леворокот» с туловищем осла, задними ногами оленя, животом и ляжками льва, копытами лошади, большим раздвоенным рогом, ртом до ушей, а голос у него почти человеческий. А если у некоторых человеческое лицо, как у мантигоры, то еще три ряда зубов, туловище льва, хвост скорпиона, голубые глаза, кровавый окрас, голос шипит, как у змеи, движется животное быстрее летящей птицы, к тому же людоед. Сон об изобилии и экстравагантности, наложении волнующих смесей, выдуманных бедным и ограниченным миром. Чудовища часто являются помехой между человеком и предполагаемым, виденным во снах, желаемым богатством: индийские драконы охраняют сокровища, золото и серебро и не позволяют человеку подойти к ним.

Сон разрастается при виде другого мира, где одни табу разрушаются или заменяются другими, где за странностью кроется ощущение освобождения, свободы. Перед ограничениями жесткой морали Церкви разворачивается волнующий мир соблазнов — там обилие продуктов, там в ходу копрофагия и каннибализм, там невинность тела, там человек свободен от стыдливых одежд, возвращается к нудизму, свободе секса, там человек, сво-

бодный от нищей моногамии и семейных барьеров, предается полигамии, инцесту, эротизму.

Еще по ту сторону лежит сон о неизвестном и бесконечном и космический кошмар. Здесь Индийский океан — *mare infinitum* (безбрежное море), ворота в мир бурь, в *terra senza gente* (безлюдную землю) Данте. Но здесь западное воображение сталкивается с границами мира, мира закрытого, воздвигнувшего стену. С одной сторо-

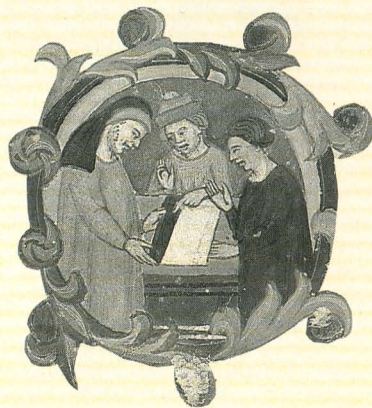
ны, за стенами прячется Антихрист, проклятые расы конца света, Гог и Магог, и сон выходит на простор апокалиптического самоуничтожения. С другой — Запад видит собственное отражение, мир наоборот; желанный антимир, фантастический и мифический архетип антиподов возвращает сон в себя.

«Другое Средневековье»
Жак Ле Гофф, Галимар
1979 год

О золоте и специях

«Рождение делового человека — это зарождение и развитие одного или нескольких типов людей. Достижения науки и обществознания позволяют задать вопрос: есть ли в конце Средневековья деловой человек? Разве не существует столько же людей, сколько и дел, и раз- ве их типов не столько, сколько и климатов или рынков?»

Жан Фавье

Венецианский купец

В самых общих чертах венецианский купец — это сын купца, которого с детства учили торговле. Его заставляют учить грамматику и счет, другими словами бухгалтерию, затем сажают на корабль, например в качестве арбалетчика, чтобы он узнал море, его опасности, грубую жизнь моряка. В то же время ему поручают ряд товаров, которые он грузит на корабль, охраняет и продает и учится таким образом получать некоторую прибыль. Затем его посылают к родственнику или корреспонденту в отдаленный город, откуда он иногда возвращается с продуктами для своей семьи или для фирмы. Наконец, он сам становится корреспондентом в семейном деле и в нескольких других в Александрии, где занимаются хлопком и специями, в Кандии, где торгуют вином и рабами, в Константинополе, где можно успешно проводить банковские операции. Сколотив состояние и став наследником своего отца, он возвращается в Венецию и начинает новое существование. Если он не женат, он торопится создать семью и посвящает часть времени образованию детей. Его культура достаточно прагматична, основана на цифрах и опыте, на знании зарубежных стран и их обычаев; кроме родного языка он часто знает французский и язык основных клиентов — каталанский, немецкий или греческий; латынь — язык клерков и нотариусов — весьма полезна, но в его библиотеке до XV века редки юридические или художественные произведения классической Античности. Независимо от того, богат ли он, рациональный светский купец не перестает интересоваться торговлей, вступать в союзы, отдавать распоряжения своим корреспондентам; кроме того он вкладывает свой

капитал в земельную собственность — собирает собственную пшеницу, ест собственные фрукты, — а также в государственную ренту, в недвижимость; «дворец», в котором он живет, устроен в соответствии со вкусами времени: забота о поддержании в этом городе крупной торговли иногда сочетается с тонким чувством прекрасного; меценат из купеческих аристократов является одной из составляющих необычайного художественного цветения города, чьей гармонией мы любуемся до сих пор.

Получив больше свободного времени и живя отныне в центре венецианского мира, купец, если он принадлежит к влиятельной семье, обязательно участвует в общественной жизни; он выполняет функции подеста, посла, капитана, входит в Совет и может, если он настойчив, стать командующим флота, прокуратором Сан-Марко, даже дожем. Как доказывают многочисленные примеры и генеалогия самых древних венецианских семейств, торговая деятельность и общественные обязанности связаны напрямую: Венеция не только торговый город, она еще и Государство купцов, Государство на службе купцов. Далекая от непостоянства политики, достойная восхищения организация защищает интересы общей собственности, обеспечивая доходы частных лиц. Так, например, Государство сооружает, вооружает, защищает галеры, организует конвои, устанавливает количество кораблей, назначает капитанов, определяет тип перевозимых товаров; очень жесткий график прибытия и отплытия судов делает возможной двойную ротацию кораблей и капитанов в год, в условиях безопасности, которая ценится более гарантий.

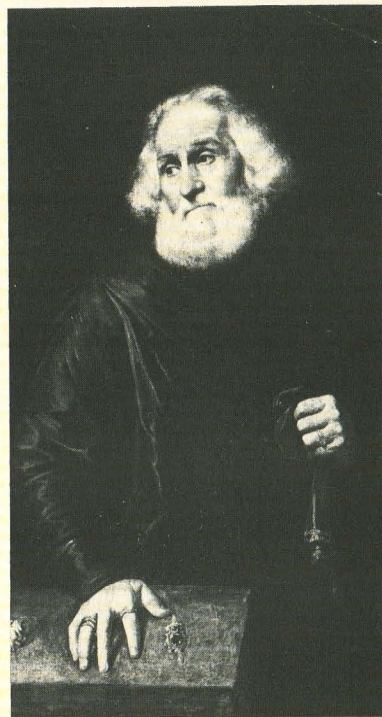
«Венеция — Государство купцов».

Государство поощряет зарубежные, например александрийские, объединения купцов, поддерживающих низкие цены закупок, а требование, чтобы все закупленные венецианцами товары перевозились венецианскими кораблями и разгружались в Венеции, конечно же, возникло из-за того, что бюджет Государства покоится на налогах от торговли; но купцы, заседающие в Советах, знают, что таможенные пошлины идут на совершенствование системы навигации, а следовательно, на повышение частной прибыли.

Филипп Браунштейн
и Робер Делор
«Венеция: исторический
портрет города»
Эдизьон дю Сёй, 1971 год

Купец или посол?

Купец, несомненно, и по образованию, и по культуре, не ведет ли себя Марко Поло в действительности как официальный посланник папы?

Купец-первопроходец

Венецианцы не верили своим глазам, ни ушам, пока перед ними не предстали в 1295 году два старика и сорокалетний мужчина и не назвались тремя храбрецами, отправившимися двадцать четыре года назад в Китай. Их считали умершими, а родственники разделили наследство. Тогда путешественники, как рассказывают, прибегли к хитрости: они организовали для своих родственников и друзей прием, в конце которого, когда слуг отпустили, самый молодой театральным жестом начал отпарывать подкладку одежд, в которых приехал, и показал драгоценности, перлы и алмазы, которые могли прийти только с далекого Востока. Довод столь же соблазнительный, сколь и убедительный, так как сопровождался подарками, достойными самого дожа, если верить описи, составленной позднее, в 1351 году. Сомнения отпали: «вернувшиеся» были, конечно, Никколо, Маффео и Марко Поло, пусть даже трудности длительного пребывания в Китае изменили внешность путешественников, особенно самого молодого, уехавшего в возрасте пятнадцати лет. Рамузио в XVI веке писал, что Марко был похож на монгола и одеждой, и языком, и привычками.

Три года спустя Марко доказал, что действительно вернулся, служив городу в войне против генуэзцев. Захваченный при морском поражении у Аяччо, он был переправлен в Геную в месте с пизанцем, писателем и романистом Рустичелло, которому рассказал о своих приключениях в Азии, передав ему некоторые заметки. В них содержались конкретные цифры, поддаю-

щиеся проверке, с тех пор их и проверяют историки-синологи, сравнивая с китайскими документами.

Рустичелло пересказал все на французском, с предисловием, удостоверяющим точность. [...]

Книга Марко Поло, описывающая по большей части изучение рынков, использовалась всеми руководствами для купцов, достигшими пика в XIV веке с «Практикой торговли» Пеголотти. Более половины «Описания мира» занимают указания расстояний между городами в днях пути и милях, практические советы путешественникам, перечни предметов торговли, показатели мер и весов, цены, способы оплаты, деньги в обращении и бумажные деньги.

Но произведение этим не ограничивается. Не существует четкого маршрута, и поэтому сложно распознать порядок перемещений Марко в Китае. Иногда автор перескакивает с пятого на десятое, в книге много отступлений. Книга — это «репортаж», охвативший почти все, хотя Марко провел жесткий отбор описаний. В том, что касается Китая, его заметки почти всегда точны и подтверждаются соответствием с документами страны, особенно это относится к детализированному живому описанию города Ханчжоу (Хин-цай, из которого Поло сделал Кинсай). Преувеличения, излишняя доверчивость в отношении невероятных мифов и даже некоторые ошибки не дают права сомневаться в правдивости венецианца. Человек перед лицом смерти редко лжет, если он в здравом уме. Как говорят, монах Джакопо Чекви, исповедовавший Марко перед смер-

тью (тот самый, который составил его завещание в 1323 году), задал вопрос, «потому что в его книге много странностей, которым невозможно поверить»; Марко заявил, что не рассказал и «половины того, что видел». Странность — не это ли удел исследователя и открывателя?

Известны и личные беседы Марко Поло, о которых не упоминается в книге. Например, путешественник общался со знаменитым врачом и астрономом Падуанского университета, Пьетро д'Абано, чьим должником был сам Данте. Тот в тексте под названием

Conciliator differentium pbiloso-phorum et medicorum, составленном до 1310 года, утверждает, что Марко ему «сообщил, сказал, уведомил (*tulit, dixit, nuntiavit*) о вещах, которые видел (*vidit*), и даже сделал набросок (*prinxit figuram*) небесного созвездия». Со стороны Пьетро д'Абано, настоящего ученого, который не побоялся противопоставить опыт авторитету Аристотеля, здесь содержится не просто похвала, а своего рода ручательство за Марко Поло и присвоение ему в терминах того времени (*orbis maior circuitor et diligens indagator*) степени самого великого путешественника мира и прилежного открывателя.

Мишель Моля
«Исследователи XIII–XV веков»
Латте, 1984 год

Марко Поло — купец?

Можем ли мы принять традиционные тезисы, совсем недавно представлявшие Марко Поло прежде всего купцом; и не видеть в нем, из-за стереотипов и стремления упростить, схематизировать, которое парализует и сами наши дни, и социально-исторические исследования, всего лишь делового человека, изучающего новые рынки сбыта, ищущего большие доходы?

Причины и истоки подобного подхода предельно ясны. Нельзя отрицать, что Поло являлись купцами Венеции, города специй и шелка, утверждавшего тогда всемогущество на море, чьи люди проникали в самые отдаленные уголки Востока. Более того, под давлением интеллектуального климата эпохи, особенно в последние десятилетия XIX века, сильная историческая школа пред-

лагала практически единственный взгляд, достаточно упрощенный, на события прошлого: история институтов, обществ и цивилизаций прежде всего восхваляла заслуги «буржуазных республик». В описании всех итальянских городов постоянно подчеркивался нереспублканский, «демократический» характер их правительств, а Коммуна, буржуазия, купцы, наделенные всеми добродетелями, «современной» культурой и духом предпринимательства. Этих людей охотно противопоставляли аристократии и господам мира, так называемым феодалам, они представляли, как утверждалось, другой стиль жизни, восприятия мира, общественных взаимоотношений. Купцы считались тогда источником всего крупного «прогресса»; именно им приписывали рождение гуманизма, расцвет искусств и, побочно, открытие мира!

Естественно, фигура Марко Поло, венецианца, сына и племянника купцов, обосновавшихся на Востоке, идеально вписывалась в схему и подпитывала другие аргументы.

Однако, преодолев эти *a priori*, вопрос не в том, мог ли Марко в обществе людей дела и денег унаследовать опыт профессии и принадлежать ей по рождению и окружению юности, а в том, чтобы в дополнение к очевидному определить, вписывается ли путешествие по Китаю и Индии в понятие «торговый». Как следует представлять его на протяжении долгих лет, проведенных вдали от родины? Каковы в действительности были тогда его занятия?

Какова была его реакция на столь новые миры, на государства, общества, которые он открыл?

Ни словом не упоминает Марко о своих делах, операциях, вообще о какой-либо деятельности, проводимой от его имени, или двумя его родственниками, или хотя бы одним из его сограждан.

Мы ничего не знаем о его предполагаемой торговле: ни одного нотариального договора, судебного раз-

бирательства, ни одной переписки или ликвидации имущества. С этой точки зрения пребывание в Азии остается непознанной землей.

Жак Хеер
«Марко Поло»
Файар, 1983 год

История Марко Поло: пересмотренная и исправленная

Легенда Марко Поло все еще вдохновляет романистов и драматургов XX века, но за юмором или ностальгией главный герой неизменно остается непостижимым.

Я поведал обо всех городах, которые мне известны

Итало Кальвино, один из самых захватывающих романистов нашей эпохи, родился в Сан-Ремо в 1923 году. В его книге Марко Поло — друг Великого хана. Узнав о грусти путешественника, он начинает описывать воображаемые города, которых нет ни на одной карте мира...

— Приходилось ли тебе когда-либо видеть город, похожий на этот? — спросил Кубла-хан у Марко Поло.

Его рука в перстнях протянулась из-под шелкового балдахина и принялась обрисовывать в воздухе изогнутые дугой мосты над каналами, мраморные дворцы принцев, у порогов которых плещется вода, суету легких суденышек, передвигающихся зигзагами от гребешков длинных весел, шаланды, с которых на базарную площадь выгружают корзины с овощами, балконы, террасы, купола, колоколенки, сады на островках, голубые лагуны.

В сопровождении Марко Поло Великий хан посещал Хангшоу, древнюю столицу свергнутых династий, последнюю жемчужину, вставленную в его корону.

— Нет, ваше величество, — сказал Марко, — и никогда не смог бы представить, что подобный город может существовать.

Хан хотел заглянуть ему в глаза, но чужестранец отвел взгляд. За весь день Кубла-хан не сказал ни слова.

После захода солнца Марко Поло докладывал о результатах своих поездок на террасе царского дворца. Обычно Великий хан, прикрыв глаза, внимал этим рассказам до тех пор, пока его первый зевок не подавал знак зажечь факелы и препроводить владыку в покои Его Величества Сна. Но на этот раз Кубла-хан не поддался усталости.

— Расскажи мне еще об одном городе, — настаивал он.

— Выхав оттуда, человек должен проскакать три дня в сторону между северо-востоком и востоком...

И Марко опять принялся перечислять названия, даты, события,

обычаи в разных землях. Прежде казалось, что источник его рассказов неиссякаем, но на этот раз ему пришлось сдаться. Уже на рассвете он сказал:

— Ваше величество, я поведал обо всех городах, которые мне известны. — Остается еще один, который ты не упоминал ни разу.

Марко Поло поник головой.

— Венеция, — сказал хан.

Марко улыбнулся.

— Каждый раз, описывая тот или иной город, я что-то беру от Венеции.

— Когда я расспрашиваю тебя о других городах, ты должен говорить о них. А когда о Венеции — ты должен говорить именно о Венеции.

— Для того чтобы оценить достоинства других городов, я вынужден их сравнивать с городом, который знаю лучше всего. Для меня это Венеция.

— В таком случае все рассказы о путешествиях тебе следовало бы начинать с отправной точки своего пути, описывая Венецию такой, какая она есть, и ничего не упуская из того, что ты можешь о ней вспомнить.

По поверхности озера пробегала легкая рябь, и отражение ветвей сада древнего дворца Сонг причудливо изламывалось в воде в виде плавающих листьев.

— Образы памяти, однажды высказанные словами, стираются, — сказал Поло. — И, может быть, я опасюсь утратить всю Венецию сразу, если заговорю о ней. А может быть, говоря о других городах, я ее уже постепенно утратил.

Итало Кальвино
«Незримые города»
Сей, 1974 год

Миллионер

Американский драматург Юджин О'Нил (1888–1953) раскрывает здесь причины, побудившие его написать пьесу о миллионере Марко: «Эта пьеса — попытка отдать должное человеку, которого долго считали путешественником и, незаслуженно, прославленным лжецом и которому потомки, досадно плохо его знающие, отказались отвести место, достойное его, и человека, и гражданина: венецианцу Марко Поло».

Марко стоит, открыв рот и не выпуская чемоданы странствующего купца, бросает вокруг себя ошеломленные и восхищенные взгляды. Его отец и дядя, отвечивая многочисленные поклоны, приближаются к трону хана и опускаются перед ним на колени. Они лихорадочно делают Марко знаки, чтобы он последовал их примеру, но Марко слишком поражен и не замечает этого. На него устремляются взгляды всех в зале. Хан сурово смотрит на братьев Поло. Дворцовый распорядитель незаметно подходит к Марко и резкими жестами приказывает встать на колени.

Марко, неправильно поняв смысл жестов, с признательностью: Спасибо, старик. (Под ужаснувшимися взглядами всего двора садится на один из чемоданов. Слушая доклад посланника, сопровождавшего семью Поло, хан, нахмурившись, продолжает разглядывать Маффео и Николо, как будто не замечает поведения Марко. Негодующий камергер спешно подходит и делает Марко знак стать на колени). Ошеломленный: Что еще не так?

Хубилай выслушав рапорт, отпускает посланника; холодно обращается к Поло, — Приветствую вас, господа Поло. Но где же сто мудрецов Запада, которые должны были спорить с моими мудрецами о священных учениях Лао-дзэ, Конфуция, Будды и Христа?

Маффео, живо, — Нового папу еще не выбрали, когда мы...

Николо, — И в любом случае, у него не было сотни мудрецов.

Хан только теперь замечает Марко, смотрит заинтригованно.

Хубилай, — Он с вами?

Николо, колеблясь, — Это мой сын Марко, Ваше Величество... Он еще молод и нескладен.

Хубилай, — Подойди, Марко Поло.

Марко подходит, безуспешно пытаясь выглядеть смело и уверенно.

Маффео, тихо, но рассерженным тоном, — На колени, осел!

Марко кое-как становится на колени.

Хубилай, улыбаясь, — Приветствую вас, господин Марко.

Марко, — Большое спасибо, господин... я имею ввиду, спасибо, ваша милость... Ваша... (Неожиданно) Я тут подумал... Папа поручил мне послание для вас, государь.

Хубилай, улыбаясь, — Не ты ли случайно та сотня мудрецов, которых я у него просил?

Марко, уверенно, — По правде сказать... почти. Он послал меня вместо них. Он сказал, что для вас я буду стоить сотни мудрецов.

Николо, живо, — Его Святейшество имели в виду, что Марко, ведя праведную жизнь, — не пренебрегая, разумеется, практической стороной дела, — мог бы представлять пример, лучше мудрых слов пока-

зывающий плоть и кровь нашей христианской цивилизации.

Хубилай, улыбаясь, — Чувствую, что буду изучать этот человеческий апофеоз с непрерывным интересом.

Марко, быстро, полный уверенности, — Вы не просто шутки ради потребовали ту сотню мудрецов? Его святейшество подумали, что у вас хорошее чувство юмора. Или что вы, наверное, оптимист.

Хубилай, с оценивающей улыбкой, — Боюсь, ваш набожный папа — совершенно безбожный циник. (Задумчиво, как будто пытаюсь разрешить для себя загадку:) Возможно ли, чтобы он верил, что у этого молодого человека есть нечто, называемое душой, которая, как мечтает Запад, живет после смерти... и что бы он считал, что он может открыть мне ее? (Резко Марко:) У тебя есть бессмертная душа?

Марко, удивленно, — Конечно! Любой дурак это знает.

Хубилай, смиренно, — Но я ведь не дурак. Можешь доказать?

Марко, — Как же так? Если бы у вас не было души, что случилось бы, если бы вы умерли?

Хубилай, — Да, вот именно, что случилось бы?

Марко, — Да ничего! Вы бы умерли... прямо как животное.

Хубилай, — У тебя неопровержимая логика.

Марко, — Ну, я же не животное, правда? Мне кажется, что это очевидно, разве нет? (Гордо:) Нет, господин! Я человек, созданный по Образу Всемогущего и в Его славу!

Хубилай долго смотрит на него, затем с некоторым восхищением. Итак, ты Образ Бога! В тебе, несомненно, что-то есть, что-то сложное

и неопровержимое... Но погоди... мы тебя испытаем!

Хлопает в ладоши и указывает на Марко. Солдаты с обнаженными клинками хватают молодого человека и связывают ему руки за спиной.

Маффео, умоляюще, — Пощадите! Он же еще ребенок!

Николо также, — Пощадите! Он не знает, что говорит!

Хубилай, сурово, — Молчать! (Марко, с бесчувственным спокойствием:) Раз ты обладаешь вечной жизнью, хуже тебе не будет, если отрубят голову.

Делает знак солдату, тот обнажает клинок.

Марко, пытаясь скрыть страх за неуверенными шутками, — Я... Я могу... простудиться!

Хубилай, — Ты шутишь, но голос твой дрожит! Полно! Неужели ты боишься умереть, бессмертный юноша? Ну же, если признаешь, что душа лишь глупая фантазия твоего страха, и когда ты умрешь, будешь мертв, как мертвая собака...

Марко, с неожиданной яростью, — Ты лживый язычник!

Смотрит на хана с вызовом. Отец и дядя Марко дрожат от ужаса. Хан смеется и хлопает в ладоши. Солдаты освобождают юношу.

Хубилай, насмешливо наблюдает за недовольством и облегчением на лице Марко, — Я прошу у тебя прощения, Марко! Я думал, что нашел слабое место, но ты не поддался. Ты не в состоянии представить свою смерть. Ты живой герой. Надо, чтобы ты был подле меня. Будешь рассказывать мне о своей душе, а я буду слушать, как слушал бы сотню мудрецов Запада! Согласен?

Марко, колеблясь, — Я знаю, государь, это большая честь... но кроме пищи духовной, мне еще нужна настоящая.

Хубилай, пораженный, — Настоящая?

Марко, — Я хочу сказать, я амбициозен. Мне нужно преуспевать и... (Порывисто, напрямик:) Сколько вы мне можете платить?

Хубилай, — А! Даю слово, ты удивишься, что я человек не менее практичный. Могу устроить тебе карьеру, если хочешь. Какую ты выберешь?

Маффео, живо вмешиваясь, — Если я могу сказать ему пару слов... мое скромное мнение... он так молод... (Поспешно Маффео и Николо увлекают Марко на первый план). Ты произвел хорошее впечатление... Хотя, один бог знает, почему!... но куй железо, пока горячо, маленький простофиля! Проси место комиссара правительства второго класса.

Марко, обиженно, — Нет! Я хочу быть комиссаром только первого класса!

Маффео, — Не будь идиотом! Комиссар первого класса — пост почетный и не дает никаких возможностей. А комиссар второго класса бесплатно путешествует, дружит со всеми поставщиками и, припугивая их немного, заставляет признавать свое участие во всех делах... а следовательно, со всего получает долю! (Хитро, подталкивая Марко в бок локтем:) А как человек посвященный, ты сможешь в нужное время давать нам точные сведения, и мы будем в барыше...

Марко, слегка опьяненный, с угрюмой уверенностью, — Не знаю. Хан был корректен

со мной. Несмотря ни на что, разве нет?...Честность — лучшая политика!

МАФФЕО мерит его взглядом с головы до ног, оскорблено, — Можно подумать я советую тебе воровать... я, Маффео Поло, в чьей честности никто никогда не сомневался!

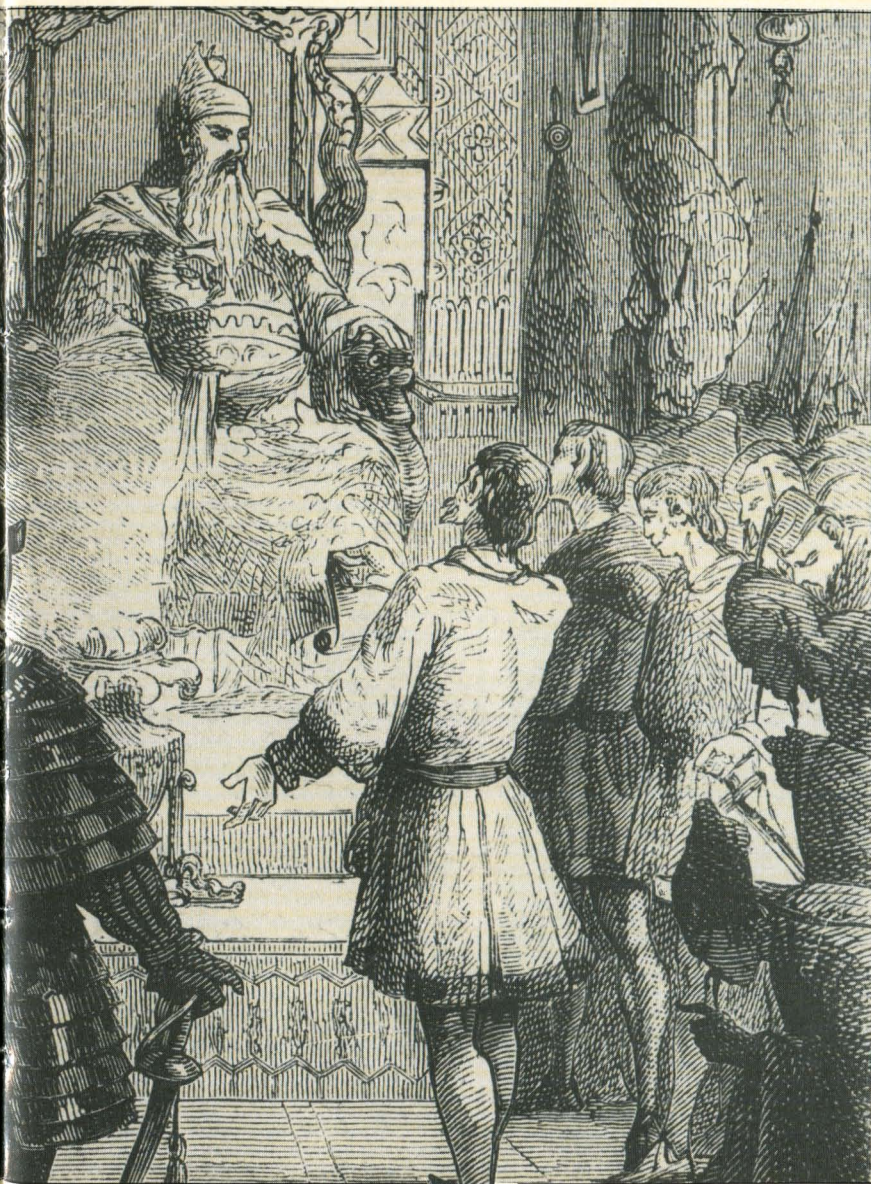
МАРКО, взволнованно, — Я не хотел сказать, что...

МАФФЕО, важно, — Ты считаешь, что хан — это Нерон и рассчитывает, что ты будешь жить только на зарплату?

МАРКО, нерешительно, — Нет, наверное, нет. (Вдруг посмотрев на Маффео, хитро прищутив глаза:) Когда я дам вам точные сведения, сколько я получу от братьев Поло?

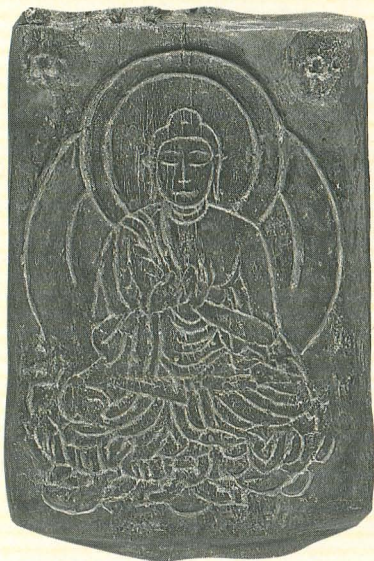
МАФФЕО, колеблясь между восхищением и растерянностью, — Ха! Ты быстро учишься, а? (Живо:) Ну что же, мы... об этом мы уже подумали... не сомневайся, процент получишь ...мы решили взять тебя младшим партнером в фирму, правда, Ник?... Братья Поло и сын... звучит, а?

Юджин О'Нил
«Марко-миллионщик»
ЛАрш, 1964 год

Эпоха археологов

К концу XIX века интерес к тому, что называют Шелковыми путями, прежде всего к евразийским наземным маршрутам, является частью общей волны, связанной с политическими интересами России и Великобритании в Центральной Азии.

Появление в Кашгаре консульств упрощает работу первых научных экспедиций. Экспедиций скорее географических, зоологических, минералогических, этнографических, но не археологических. Первыми в 1890 году работу начнут англичане и русские. Самыми плодотворными окажутся миссии Ауреля Стейна, Поля Пеллио, Петра Козлова, Альберта фон Ле Кока, Свена Хедина и Тачибана Зуйхи. Их открытия значительно изменят имеющиеся представления о Центральной Азии.

Поль Пеллио (1878–1945) — единственный синолог, в начале XX века возглавлявший археологические раскопки в китайском Туркестане. Одна-единственная экспедиция дала необычайные находки. В пещерах Могао в Дуньхуане был найден тайник с рукописями и уже исследован Аурелем Стейном. Пеллио выбрал из пятидесяти тысяч рукописей и фрагментов наиболее интересные тексты, обновившие исследования истории Китая.

Выехав из Урумчи в декабре 1907 года, мы прибыли в Туэнь-хуан на самом западе Канн-су в первых днях февраля. Отправляясь из Парижа, мы отметили Туэнь-хуан как одну из важных точек путешествия. От Пржевальского, Крейтнера, Бонина стало известно, что там, приблизительно в 20 километрах к юго-востоку от города, есть крупная группа пещер, названных Цзяньфодун, или Пещеры тысячи Будд, покрытых настенными росписями неизвестного тогда

периода, не обезображенных арабскими завоевателями.

Мы позволили себе посвятить изучению пещер время, которого требовала их значимость. Их не исследовал еще ни один археолог. Скоро вы увидите по фотографиям, что наши ожидания были оправданы, и пещеры Туэнь-хуана приберегли для нас несколько крайне ценных памятников китайского буддистского искусства VI–X веков. К желанию увидеть росписи прилежался и другой интерес. В Урумчи я услышал, что в пещерах Туэнь-хуана в 1900 году нашли рукописи. О них мне рассказал маршал-татарин. Герцог Лан, в свою очередь, предъявил мне в качестве доказательства рукопись, восходившую по меньшей мере к VIII веку.

Проведя дополнительное расследование, я смог узнать, как было сделано это открытие. Даосский монах Ван-тао, рассчитав одну из крупных пещер, случайно наткнулся на небольшую прилегающую нишу, забитую рукописями. Хотя наш собрат успел в Туэнь-хуан чуть раньше, во мне теплилась надежда сделать открытие. Прибыв в Туэнь-хуан, я начал разыскивать Ван-тао. Это оказалось просто, и он согласился поехать в пещеры. Наконец, монах показал мне место, и сразу же я нашел нишу, в длину и ширину не более трех метров, в два и три слоя заваленную рукописями. Там нашлись тексты всех разновидностей, чаще в свитках, но и отдельными листками, китайские, тибетские, уйгурские, на санскрите. Вы без труда представите себе,

Пеллио в тайнике с рукописями в пещерах Могао в Дуньхуане.

какое острое чувство охватило меня: я стоял перед крупнейшим собранием китайских текстов в истории Дальнего Востока.

Но увидеть рукописи совершенно недостаточно, и я с интересом спрашивал себя, должен ли я довольствоваться тем, что смог взглянуть на них одним глазом, и уйти с пустыми руками, и оставить сокровища понемногу разрушаться. К счастью, Ван-тао был неграмотным и принадлежал к категории монахов-строителей. Для строительства пагоды ему нужны были деньги. Достаточно быстро я отказался от вывоза всей коллекции: Ван-тао боялся всполошить округу. Тогда я скрючился в пещере и три недели лихорадочно составлял опись библиотеки.

Из 15 000 свитков, прошедших через мои руки, я отобрал около трети, все, что представляло первостепенный интерес по дате или содержанию.

Сюда попали брахманские или уйгурские тексты, письма, много тибетских, но в первую очередь китайские. Это бесценные сокровища для синологии: много по буддизму, разумеется, но и по истории, географии, философии, классике, литературе, а также самые разнообразные акты, арендные договоры, счета, повседневные заметки. И все не позднее XI века. В 1035 году с востока пришли завоеватели, и монахи поспешно сложили книги и картины в тайник, замуровали его, заштукатурили, расписали вход. Они были убиты или рассеяны завоевателями, память о библиотеке канула вместе с ними. Место нашли случайно в 1900 году. Небывалая удача, что в течение восьми лет туда не заглянул ни один ученый, не заинтересовался документами и не признал их значение. Значение для нас, господа, я не преувеличиваю, капитально. Древние рукописи являлись в Китае редкостью, а в Европе их не было вообще. Более того, мы могли работать только по книгам, не содержащим точных цитат. Впервые синологи, подобно историкам Европы, начали работать в архивах. Наконец, в пещере оказалось еще кое-что: картины на шелке и на пеньковой ткани, современники рукописей, которые займут первое место в достаточно скудной коллекции Лувра, наконец, несколько оттисков, ксилографических оттисков X и даже VIII веков, опередившие Гуттен-

берга на пять-семь веков, самые ранние оттиски, известные в мире.

Поль Пеллио
«Три года в Верхней Азии»
1959 год

Немецкие экспедиции в китайский Туркестан 1902–1914 годов под руководством Альберта фон Ле Кока и Альберта Гренведела занимались раскопками в районе Турфана и, в частности в Пещерах тысячи Будд в Безеклике. Множество картин и скульптур перевезли в Берлин, к сожалению, части коллекции предстояло погибнуть в бомбардировках Второй мировой войны.

Неподалеку от центра города мы нашли развалины, которые я бы описал как систему трех огромных прямоугольников, окруженных сводчатыми помещениями. Это группа «К» плана Грунведела. На западной стене северной залы находится скрытый за более поздней стеной портрет манихейского священника в обрядовых одеждах и окруженного духовенством, одетым в белое. К сожалению, картина написана водяными красками и сильно пострадала от времени. Уйгурские и манихейские письма, обнаруженные на груди низших служителей, раскрывают иранские имена: эти портреты намного меньше, чем портрет высшего священника, который, как мы считаем, является изображением самого Мани, с нимбом из солнца, окруженного луной.

Это единственная известная крупная настенная манихейская

роспись, и пусть даже в плохом состоянии, это самый интересный экземпляр коллекции.

По находкам мы делаем вывод, что в этой древней столице уйгуров мирно уживались буддистские, манихейские и христианские служители, что свидетельствует о силе и терпимости правительства.

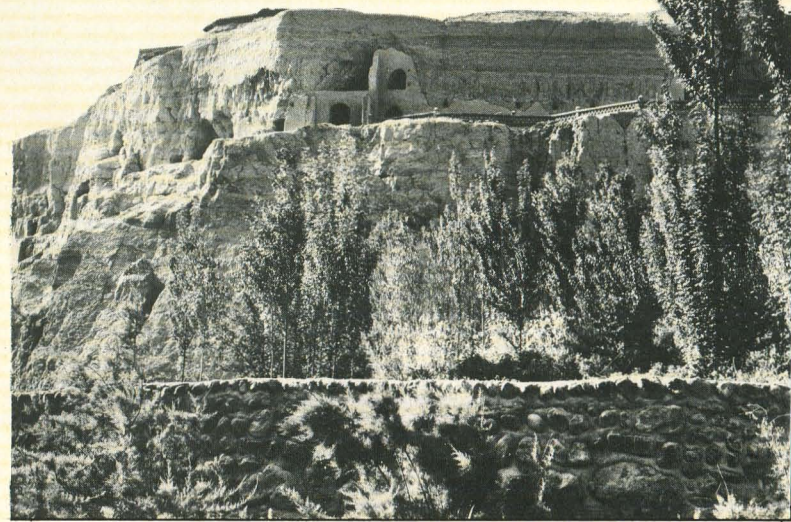
Манихейцы, возможно, пользовались большим вниманием, так как нам известно, что правящий дом принял эту веру.

Китайцы всегда возражали против пропаганды у себя в стране зарубежных религий из политических и экономических принципов, и я убежден, к концу эпохи Тан они постарались избавиться и от непонравившихся сект, например в Као-чане. Мы нашли следы преследований.

Одно из разрушенных просторных помещений с куполом из группы «К» было наполнено

мумифицированными трупами, все еще одетыми и сваленными в кучу в самом ужасающем беспорядке. Судя по всему, ярость разрушителей обрушилась прежде всего на буддистов; при том что несколько манихейских рукописей сохранились здесь относительно неплохо, буддистские тексты оказались разорваны на мелкие кусочки, и обрывков можно было набрать сотни килограммов.

Мы нашли в Као-чане буддистские статуэтки из бронзы и дерева, религиозные картины, манихейские и буддистские, головы Бодхисаттвы из глины, основания колонн, вырезанных из дерева, фрагменты деревянных изделий в стиле Гандхары, осколки китайских монет (в основном периода Цай-Юань) и иранские

и неизвестные монеты; затем обувь и головные уборы, все виды тканей и глиняной посуды. Мы забрали с собой и несколько настенных росписей. В общей сложности результаты раскопок в Као-чане оказались достаточно скудными, учитывая, что работали мы с пяти часов утра до шести часов вечера в течение трех месяцев.

Альберт фон Ле Кок
«Археологическое
исследование в Турфане»
Эдисон Эрнест Леру, 1910 год

Аурель Стейн (1862–1943) возглавил четыре крупные экспедиции в Центральную Азию. Во время своего первого путешествия в 1900–1901 годах он раскатывал район Хотана. Там он нашел множество рукописей на китайском и на санскрите, охотники же за сокровищами «открыли» тексты на неизвестных языках, написанные неизвестными символами, которые ученые безуспешно старались расшифровать. Аурель Стейн доказал, что рукописи поддельны.

Акхун отпирался недолго. Сначала он заверял, что трое украли старые книги из заброшенного храма, их он и продал. Однако, понимая, что предшествующая ложь уже убедила Стейна в его виновности, он рассказал немного больше и наконец во всем сознался. Акхун сообщил, что до 1894 года занимался только монетами, печатями и антиквариатом, которые скупал в деревнях вокруг Хотана. Тогда он узнал от афганских торговцев, что сахибы платят большие деньги за древние книги, раскопанные Турди и его

спутниками в Дандан-уйлике. Тогда мошенник захотел принять участие в этих операциях. «Однако, — пишет Стейн, — в идее отправиться в заброшенную пустынную местность, где наверняка придется столкнуться с жестокими испытаниями при минимальной вероятности что-либо найти, не было ничего соблазнительного для такого умного и способного человека, как Ислам Акхун». И ему пришла в голову мысль сделать древние рукописи самому.

Вскоре в небольшой мастерской Ислам Акхун и его сообщники начали регулярно изготавливать такие документы. Их лучшими клиентами стали соперники: Макартни и Петровский, оба страстные коллекционеры. Особенно первый: он направлял из Калькутты инструкции британским представителям в Центральной Азии с настоятельной просьбой приобретать старинные вещи. Итак, пока Ислам Акхун заботился об англичанине, его партнер Ибрагим Мулла снаб-

жал русского. Ибрагим имел некоторые смутные представления о русском, что отразилось в определенной форме некоторых «неизвестных символов», родившихся в этом несколько ортодоксальном союзе, и могло бы послужить ключом к разгадке. Ученые отметили сходство, но предположили, что похожие на кириллицу символы пришли из древнегреческого. Стейн мечтал об очной ставке с Ибрагимом Муллой и Акхуну, но первый благополучно исчез из Хотана, как только прослышал об аресте сообщника.

Первую фальшивую рукопись создали и продали в 1895 году. Акхун сообщил Стейну, что сначала попробовал имитировать брахманскую скоропись по образцу подлинных рукописей из Дандан-уйлика. Он и его приспешники преуспели полностью, ибо многие их «тексты» заняли место в коллекциях крупнейших музеев Европы, и ученые разводили руками, озадаченные непонятным языком. Мастерская процветала, сообщники действовали все увереннее. В «Засыпанных песком руинах Хотана» (Sand-buried Ruins of Khotan) Стейн написал: «Ислам Акхун быстро сообразил, что подделки немедленно находили покупателя, при том что ни один европеец не мог ни отличить их от подлинников, ни расшифровать символы. Становилось бессмысленным прилежно копировать настоящие письма». Сообщники тогда дали волю своему воображению, создавая собственный неизвестный язык. Стейн добавляет: «Это объясняет поразительно разнообразие странных языков; анализ

текстов британской коллекции доказывает, что в тот момент существовало по крайней мере двенадцать типов письма, что не облегчало задачу востоковедам, которые пытались их расшифровать».

Акхун и его сообщники быстро поняли, что уже не справляются со спросом, учитывая время и труд на изготовление подделок. Тогда они решили расширить производство, используя единственную механизированную технологию, которой располагали, — ксилографию. В 1896 году таким образом была изготовлена первая печатная книга. Мошенникам она удалась так хорошо, что сорок пять ксилографических книг были тщательно описаны и проиллюстрированы профессором Хернле в научной статье 1899 года. Стейн пишет: «Эти книги в равной степени представляли поразительное разнообразие письма и периодически повторяющихся графических комбинаций; кроме того, их размеры и объем были внушительны».

Когда правда открылась, Ислам Акхун открыл Стейну все, что тот хотел знать о деятельности странной маленькой мастерской, затерянной в столь отдаленном местечке Китая, которой так долго удавалось водить за нос Хернля и его коллег. «Вообще, — пишет Стейн, — он, судя по всему, получал удовольствие от интереса, который я к нему проявлял».

Акхун рассказал, что использовал бумагу, купленную в данной местности. Листы окрашивались в желтый или светло-коричневый цвет с помощью тогути, красителя, получаемого из местного дерева. После нанесения символов,

вручную или деревянными матрицами, листы помещались над огнем, «пока дым не окрашивал их настоящей краской древности». Иногда это делалось достаточно небрежно. Стейн заметил, что некоторые книги Калькуттской коллекции слегка обожжены. Однако даже это не вызвало подозрений Хернля. Равным образом метод скрепления страниц должен был разоблачить фальсификаторов и поставить под сомнение подлинность текстов, особенно предположительно «последних находок», — он во многом имитировал европейские произведения. В действительности даже эта аномалия не навела Макартни, Петровского, Хернля и их коллег на мысль об обмане. Наконец, подделки, прежде чем их везли в Кашгар и предлагали наивным покупателям, тщательно покрывались мелким песком из пустыни Такла-Макан, как будто они прибыли прямо с места раскопок в дюнах. «Я хорошо помню, — рассказывает Стейн, — что весной 1898 года, прежде чем я смог исследовать одну из фальшивых «ксилографических книг», которую мне дал коллекционер из Кашмира, я должен был почистить ее щеточкой для одежды».

Питер Хопкирк
«Будды и бродяги
на Шелковом пути»
Арто, 1981 год

Американец Ландон Уорнер одним из последних организовал экспедицию в Туркестан. В 1923 году он прибыл слишком поздно: опустевшие после тридцати лет

непрерывных раскопок захоронения и политическая ситуация не позволили ему познать настоящий успех. В пещерах Дуньхуана он решил снять несколько настенных росписей и перевезти их в Соединенные Штаты.

Моей первой реакцией была слепая ярость против грубых солдат, которые в своей безграмотности потехи ради вывели свои имена и номера подразделений на уникальных сокровищах Древнего Китая — единственных дошедших до нас сквозь толщу веков, — но я сразу понял, что они не вполне отдавали себе отчет в своих действиях. [...] Осталось только внимательно исследовать нетронутые ими и поблагодарить Бога, что столько бесценных фрагментов не было повреждено.

Бесспорно, следует вывезти некоторые образцы росписей, чтобы спокойно изучить их и, что важнее, предохранить от последующего вандализма. Я снова и снова обдумывал этот вопрос. Немцы и англичане занимались стенами, где с обратной стороны был нанесен саман, что позволило им срезать и сохранить значительные куски расписанной поверхности. Но пещеры, расписанные изнутри по практически отвесным поверхностям, представляли собой большую сложность.

Смесь грязи с соломой (саман) толщиной от 1,25 до 5 см размазывалась по грубой поверхности необработанной скалы, затем поверх кистью наносился тонкий слой белой клеевой краски, и на этой основе делались обычной акварелью росписи. [...] Элементарная от-

ветственность не позволяла мне экспериментировать [применить технику экспертов музея Гарварда] с наиболее ценными произведениями искусства, но в то же время велико было искушение применить успешный опыт.

Прежде чем покинуть Пекин, я запаса закрепителем, который химики советовали для сохранения древних красок, порошкообразных и рыхлых, как мел на грифельной доске. Я также взял с собой необходимые ингредиенты для разведения смазки, которую наносят на картину, на высохшую краску.

Так как я не являюсь ни опытным химиком, ни реставратором — я всего лишь обычный человек, разделенный живыми убеждениями археолога, — то, что я собирался сделать, мне иногда казалось невозможным, святотатством. Но меня подтолкнул пример трех кривоногих монголов, приехавших на верблюдах к пещерам и с трудом проникшим внутрь, ими можно было восхищаться. Они с почтением молились уродливому созданию из глины, с красными коленями и ярко-голубыми волосами, но когда они облегчили душу и начали разговаривать, один из них оперся грязной рукой на настенную роспись IX века и налег всем своим весом, продолжая болтать. Другой слонялся вдоль стены и из любопытства, от нечего делать, ковырял ногтем шелушащуюся краску. Когда они выходили по узкому коридору, их жалкие бараньи шкуры царапали изображения святых вдоль стен, увы, уже безвозвратно утерянные — краски стерлись от многовекового трения

сотен других плеч и локтей в бараньих шкурах...

Хватит. Что бы я ни применил — со всем уважением — оправдано. Мрачно, с плохим настроением, я начал наносить бесцветную жидкость, которую мне дал химик в Пекине для закрепления рыхлой краски, затем горячий раствор, похожий на клей, на сам рисунок. Но здесь последовали непредвиденные трудности. Температура в пещерах ниже нуля, я совершенно не был уверен, что мой состав впитается в оштукатуренную стену, а не замерзнет. С другой стороны, кипящее желе было практически невозможно нанести на вертикальную поверхность прежде, чем оно застынет. Ван и кули храбро задействовали жаровню и подогревали смесь, пока я приспособлялся к ее нанесению. Комки раствора стекали горячей патокой по моему запрокинутому лицу, голове и одежде, желеобразная масса склеивала мне пальцы как раз тогда, когда требовалась предельная

быстрота движений. Пробы на пустьх либо безвозвратно поврежденных поверхностях не склонили меня ни в ту, ни в другую сторону. Мне предстояло перейти к настоящей росписи, перевезти ее в Кембридж и дать друзьям в Музее Фогга обработать ее своим укрепляющим раствором, — если это вообще возможно.

Ландон Уорнер
«Долгий старый путь в Китай»
Дабл Дэй, Пэйдж энд Ко,
1926 год
Перевод Марианн Бонно

Пути шелка, пути диалога

*Грандиозная программа:
после спасения Абу-Сим-
бела и Боробудура
ЮНЕСКО занялась
новым всемирным
исследованием,
не менее престижным:
Шелковыми путями.*

Новая программа ЮНЕСКО

Грандиозный проект заключается в пятилетнем исследовании наземных и морских маршрутов, более 1500 лет играющих роль гигантских артерий между Востоком и Западом. Разумеется, это торговые пути, но кроме того и крайне важные в истории каналы обмена идеями, культурой и религией. Именно это мотивирует и вдохновляет ЮНЕСКО в конце тысячелетия открыть пути общения, обмена между народами, союз Востока и Запада.

Первое заседание (30 ноября — 2 декабря 1987 года), посвященное утверждению основных пунктов

проекта, объединившее ученых России, Китая, Венгрии, Пакистана, Ирана, Индии, Франции, Японии, Англии, Египта, только что завершилось в Париже. Впервые в мире поставлена цель глубоко изучить и проехать по двум крупным осям, наземным и морским путям. В проекте будут задействована почти тысяча ученых из негласного союза тридцати шести стран.

Каждая из стран Шелкового пути организует один или несколько семинаров [...], которые пройдут в основных городах маршрута: в Ленинграде (музей Эрмитаж), Александрии, Венеции, Ашхабаде, Стамбуле, Урумчи, Сиане, Тасиле.

Сами по себе путешествия представляют собой захватывающую программу. Пакистан в лице профессора Ахмада Хасана Дани уже предложил в августе и сентябре 1988 года путь под названием Шоссе Сино-Пак. Предполагается посещение основных точек интереса в Пакистане (Хилас, страна Гунза, Инд-Гильгит) и в Китае (Кашгар, Ассу, Куши, Урумчи и т. д.). В 1989 году крупный музей Эрмитаж в Ленинграде станет пунктом отправления из Европы в Северный Китай через степи Центральной Азии. В 1990 году из Венеции, города Марко Поло, отправится экспедиция, изучающая морской путь. Маршрут пройдет через Александрию, Маскат в Омане, Караша, Коломбо, Палембан в Суматре, Кантон и завершится в Осаке, откуда в VIII веке в Китай отправлялись японские миссии. В 1991 году последний этап путешествия, из Стамбула в Сиан, пройдет через Сирию, Ирак и Иран.

Итак, пять лет, чтобы мечтать, путешествовать и работать на Шелковых путях. Проект завершится в Париже в 1992 году крупной конференцией и международной выставкой.

Общий бюджет предприятия превышает три миллиона долларов и будет восполнен государствами-членами и частным сектором (морские компании, авиакомпании, автомобильные компании), которых пригласили участвовать в грандиозном научно-приключенческом путешествии, беспрецедентном в аналах ЮНЕСКО.

Мишель Рандон
«Фигаро»
17 декабря 1987 года

Европа		Восток, Египет, Персия		Центральная Азия	
ок. 270 до н.э.	Рим подчиняет себе Италию	330–327 до н.э.	Кампания Александра Великого в Иране	174 до н.э.	Великие юэчжи или индоскифы уходят из западного Китая в Центральную Азию
ок. 50 до н.э.	В Риме появляется шелк	150 до н.э.—224 н.э.	Парфянская династия Аршакидов	165 до н.э.	Юэчжи поселяются в Бактрии
		124–91 до н.э.	Правление Митридата II; расширение Парфянского царства до Евфрата и в Армении	140–126 до н.э.	Путешествия Чжан Цяня в Бактрию к юэчжам и к усуням в долину Или
		100 до н.э.	«Открытие» ветра гиппала	104 до н.э.	Походы Ли Гуанли
16	Первый декрет сената, запрещающий носить шелк	64 до н.э.	Завоевание Сирии римлянами	48	Завоевания юэчжей в Узбекистане
ок. 70	«Перипл Эритрейского моря»	53	Битва при Каррах	50	Кушанское царство от Гандхары до междуречья Амударьи и Сырдарьи
140	География Птолемея	97	Путешествие китайского посланника Ган Иня до Персидского залива	1–63	Парфянское царство контролирует торговые пути с Запада в Индию и на Дальний Восток
162–180	Правление Марка Аврелия	115–117	Война между римлянами и парфянами	241–251	Миранский алтарь
		224	Падение Парфянского царства		
		224–226	Ардашир, первый император династии Сасанидов		
		242	Начало проповедей Мани		
		270	Зенобия, царица Пальмира	381	Царства Центральной Азии продолжают платить дань Китаю
313	Христианство становится государственной религией	325	Вселенский собор в Никее запрещает учение Ария	ок. 550	В царстве Хотан распространяется секрет шелка
		330	Константинополь, столица империи	ок. 563	Пещеры Бамиана
395	Завоевание гуннов, распространившееся до Волги и Дона	ок. 350	Создание текстильной промышленности в империи Сасанидов	567	Путешествие согдийца Маниаха ко двору Юстина II
434	Приход к власти Аттилы	431	Эфесский совет запрещает несторианство		
476	Падение Западной Римской империи	484	Распространение несторианства в Азии		
		527–565	Правление Юстиниана		
		622	Бегство (хиджра) Магомета в Медину		

Индия, Юго-Восточная Азия		Китай	
327–325 до н.э.	Кампания Александра в Индии	221–210 до н.э.	Правление первого императора, Цинь Ши Хуанди
		220 до н.э.	Восстановление и расширение Великой стены
		206 до н.э.—8 н.э.	Династия Западная Хань
		182 до н.э.	Повторяющиеся набеги хунну в Северный Китай
		141–87 до н.э.	Правление императора У-ди династии Хань
		100 до н.э.	Царства Центральной Азии посылают дань в Китай
		25–220	Династия Восточная Хань
		65	Первое упоминание общины буддистов
ок. 50	Индустское царство Фунань на территории Южной Камбоджи и Вьетнама	58–75	Император Мин-Ди отправляет китайское посольство в Индию
100	Индийское посольство в Рим	73–97	Китайские завоевания в районе Турфан
120	Индийское посольство у Адриана	87	Парфянское посольство в Китай
ок. 150	Медали Антония Благодетельного в Оцео (Вьетнам)	120	Посольство в Китай из царства Шан в Бирме
ок. 157	Римские монеты в Мадрасе	166	«Римские» торговцы в Китае
225	Империя Фунань в Индокитае	166	Первое упоминание буддистских церемоний при дворе китайского императора
		220–280	Период троесарствия
		226	Прибытие купца из Дацинь в Китай
		265–316	Правление династии Западная Цинь
		284–287	Посольства из Восточной римской империи, из Линьши (Чампа) и Фунани в Лоян
		317–420	Династия Восточная Цинь в Китае
		366	Начало обустройства пещер Могао недалеко от Дуньхуана
399–412	Паломничество китайского монаха Фа-Сяня в Индию	386–534	Династия Северная Вей в Шаньси
475–534	Завоевание севера Индии эфталитами	ок. 516–519	Появление маизеизма
518	Путешествие китайца Сун Юня в Индию	552	Появление буддизма в Японии
		581–617	Династия Суй в Китае

Европа		Восток, Египет, Персия	Центральная Азия
		622 Хеджир	629– Путешествие
		632 Смерть Магомета	645 Сюань-Цзана по Центральной Азии и Индии
		634–642 Арабы завоевывают Северную Сирию, Индию и Египет	
697	Избрание первого дожа Венеции	642 Сасаниды терпят поражение от арабов у Нехавенда	652 Завоевание арабами Бактрии
752	Религиозный разрыв между Римом и Византией	661–750 Омейяды на Востоке	751 Победа арабов над китайцами при Таласе, к югу озера Балхаш
		717 Осада Константинополя арабами	763–821 Китайско-тибетская война
		750–1258 Халифат Аббасидов, потомков Аббаса, дяди Магомета	ок. 780 – Манихейство у тюрков-уйгуров
800	Коронация Карла Великого	762 Основание Багдада аль Мансуром	789 Китайцы изгоняют тибетцев из Дуньхуана и восстанавливают свое главенство в Ганьсу
858	Основание Везелэ		851
921	Путешествие ибн Фадлана из Багдада в устье Волги	833–892 Самарра, новая столица Аббасидов. Нарушается единство государства	868 Буддистская сутра, первая известная найденная ксилографическая книга в Дуньхуане
		851 Редакция «Сведений о Китае и Индии»	916 Маршруты Центральной Азии становятся опасны — заняты тибетцами и арабами
		ок. 910 Абу Саид из Сирафа продолжает «Сведения о Китае и Индии»	960 Тюрки-караханиды в районе Кашгара обращаются в ислам
		ок. 950 Редакция «Тысячи и одной ночи»	966–976 Последнее крупное паломничество китайцев в Индию через оазисы Центральной Азии возвращает оживление маршруту

Индия, Юго-Восточная Азия	Китай, Корея, Япония
606–647 Спад буддизма в Индии	618–907 Правление династии Тан в Китае
651 Монах Юань-Чжао отправляется в Индию через Тибет	ок. 635 Несториане приносят в Китай Евангелие
671–695 Путешествие китайского монаха И-Цзина в Индию	674 Пероз, последний правитель династии Сасанидов, бежит в Чанъань
	694 В Китае узаконено манихейство
	710–794 Период Нара в Японии
	757–763 Восстание Ань Лу-Шаня в Китае
	758 Разграбление Кантона арабами
	781 Несторианская стела с сирийскими и китайскими письменами в Чанъани
	785–805 Компиляция географа Цзя Дая о маршрутах между Кантоном и Персидским заливом
	794 Период Хэйан (Киото) в Японии
	ок. 815 Путешествие Ибн Вахаба в Китай
	838–847 Путешествие японца Эннина в Китай
	845 В Китае приняты меры против буддизма
730–1273 Мусульмане проникают в Индию	
ок. 750 Развитие морской торговли между Индией и Кантоном	
802–850 Джайяварман II создает Империю кхмеров	
849 Основано царство Паган	
	879 Разграбление Кантона Хуан Чао
	907–960 Период Пяти династий в Китае
	955 Новые предписания Северного Чжоу против буддизма в Китае
	916–1125 Династия Ляо в Пекине
	960–1127 Династия Северная Сун в Китае

Европа		Восток, Египет		Персия, Центральная Азия	
1031	Падение правления Омейядов в Испании	1009	Разрушение Гроба Господня аль-Хакимом	1040–1090	Завоевания Сельджукидов, от Туркестана до Эгейского моря
1096 – 1099	Первый крестовый поход	1098	Взятие Антиоха и Иерусалима крестоносцами	1128–1133	Государство Каракитаев на юге оз. Балхаш, Кашгара и Самарканда. Присутствие буддистов и несториан
1102	Венецианские соющества в Тире и Сидоне	1100	Создание Иерусалимского королевства, Антиохийского княжества, Эдесского графства и графства Триполи	1206	Темучин, глава монголов, объявляет себя Чингисханом
1165	Апокрифическое письмо священника Иоанна	ок. 1100–1144	Идриси, арабский географ. Завоевание Египта Салах-ад-Дином, основателем династии йюбидов	1221	Чингисхан захватывает Хорезм, Туркестан, Персию. Разграбление Самарканда, Мерва, Герата
1226 – 1270	Правление Людовика Святого	1187	Взятие Иерусалима Салах-ад-Дином	1227	Смерть Чингисхана. Раздел империи
1260 – 1269	Первое путешествие братьев Поло	1192	Договор между Салах-ад-Дином и крестоносцами	1245–1247	Посольство Джованни Плиано Карпини к монголам
1270	Восьмой крестовый поход. Смерть Людовика Святого	1204	Разграбление Константинополя крестоносцами	1251–1265	Хулагу, внук Чингисхана
1271–1272	Девятый крестовый поход	1291	Падение Иерусалимского королевства	1253–1255	Посольство Гийома Рубрука к монголам
1271–1295	Второе путешествие семьи Поло	1314–1377	Ибн Баттута, исламский путешественник	1369–1499	Трансоксиания завоевана Тамерланом. Самарканд — столица
ок. 1285	Несторианский монах Раббан Саума посещает Италию и Францию	1453	Взятие Константинополя турками		
1298	«Книга Чудес»	1461	Взятие Трепизонда турками. Падение Византийской империи		
1337–1433	Редакция «Путешествий» Джона Мандевиля				
1371	Португальцы на Азорских островах				
1427	Диас достигает мыса Доброй Надежды				
1487 – 1488	Отплытие Христофора Колумба				
1492	Васко да Гама в Каликуте				
1498	Создание Ордена иезуитов				
1534	«Странствие» Фернана Мендеса Пинто	1517	Взятие Каира турками	1501	Исмаил, глава сефевидских шиитов, объявляет себя шахом Персии
1537–1557					
1890	Первые археологические экспедиции в китайском Туркестане				

Индия, Юго-Восточная Азия		Китай, Корея, Япония	
1021	Турецкий султан Махмуд Газневи завоевывает Кашмир и Пенджаб	1004	Мир между династией Сун и киданями в Китае. Династия Сун вынуждена платить ежегодную дань шелком и серебром
1112–1152	Строительство Ангкор-вата	1090	Использование морского компаса
		1127	Правители Сун бегут на юг. Янцзы
		1132	Ханчжоу становится столицей правителей династии Южная Сун
		1215	Взятие Пекина Чингисханом
		1225	«Описание народов варваров» Чжао Ругуа
		1233	Угэдэй захватывает Кайфын
1293	Яванцы отражают нападение монголов. Колонии китайских коммерсантов на острове	1260	Хубилай на монгольском троне
		1271–1368	Династия Юань в Китае
		1276	Хубилай, император Китая
		1293–1330	Джованни Монтекорвино основывает христианскую общину в Ханбалыке
1318–1330	Путешествие Одорико из Порденона из Индии в Китай	1342	Прибытие в Китай Джованни Мариньоли
		1368–1398	Тай-Цзу основывает династию Мин
1398–1399	Тамерлан завоевывает Пенджаб		
1497–1499	Васко да Гама в Индии	1405–1433	Семь морских экспедиций Чжэн Хэ в Юго-Восточную Азию и Африку
1510	Португальцы в Гоа	1419–1423	Посольство Гийас эд-Дина в Китай
1511	Альбукерк захватывает Малакку	1517–1524	Посольство Томе Пиреса в Китай
1521	Магеллан на Филиппинах	1549	Франциск Ксаверий в Японии
		1553	Португальцы в Макао
		1601	Маттео Риччи в Пекине
		1610–	
		1602–1607	Путешествие иезуита Бенито Гюэша

БИБЛИОГРАФИЯ

Общая литература

- Cécile Beurdeley, *Sur les routes de la soie*, Paris, Editions Olizanne, 1986.
 Luce Boulnois, *la Route de la soie*, Paris, Arthaud, 1963 (reed., 1987).
 Jean-Pierre-Drège, *la Route de la soie, paysages et legends*, Lausanne, Bibliothèque des Arts, 1986.
 Richard Henning, *Terrae incognitae*, 4 vol., Leyde, 1953.
 Michel Mollat, *les Explorateurs du XIII au XV siècle*, Paris, J.C. Lattès, 1984.
 Jean-Paul Roux, *les Explorateurs au Moyen Age*, Paris, Fayard, 1984.
 P.Sykes, *A la recherche du Cathay*, Paris, Payot, 1958.
 J.E. Vollmer, E.J. Keall, E. Nagai-Berthrong, *Silk Roads-China Ships*, Toronto, 1983.

Тексты и рассказы путешественников

- Ahbbà r as-Sinwa-l-Hind, *Relations de la Chine et de l'Inde*, rédigé en 851, trd. par Jean Sauvaget, Paris, Les Belles Lettres, 1948.
 Chau Ju-kua (Zhao Rugua), *His Work on the Chinese and Arab Trade in the Twelfth and Thirteenth Centuries, entitled Chu-fan-chi (Zhu-fan-ji)*, by Friedrich Hirth and W.W. Rockhill, Saint Petersburg, 1911.
 Fa-Hian (Faxian), *Foe koue ki ou Relation des royaumes bouddhiques*, trad. par Abel Rémusat, Paris, 1836.
 Gabriel Ferrand, *Relations de voyages et texts géographiques arabes, persans et turcs relatifs à l'Extrême-Orient du VIII au XVIII siècle*, 2 vol. Paris, 1913–1914.
 Hsuei-Li et Yen-Thsong (Huili et Yanzong), *Histoire de la vie de Hiouen-Tsang (Xuanzang) et de ses voyages dans l'Inde*, trad. par Stanislas Julien, Paris, 1853.
 I-Tsing (Yijing), *Mémoire composé à l'époque de la grande dynastie Tang sur les religieux Ominents qui allèrent chercher la Loi dans les pays d'Occident*, trd. par Edouard Chavannes, Paris, 1894.
 Ibn Battuta, *Voyages*, trad. de C.Defremy et B.R. Sanguinetti, reed., 3 vol., Paris, F. maspero. 1982.
 Jean de Mandeville, *Mandeville's Travels*, Londres, 1953.
 les Pays l'Occident d'après le Heou Han chou, trad. d'Edouard Chavannes, dans T'oung Pao 8 vol., 1907.

Произведения по отдельным темам

- Louis Audemard, *les Jonques chinoises*, 4 vol. Rotterdam, 1957.
 Henri Bernard, *le Frère Bento de Goes chez les musulmans de la Haute Asie (1603–1607)*, Tientsin, 1934.
 René de Berval, éd., *Présence du bouddhisme*, Paris, Gallimard, 1988.
 Jack Dabbs, *History of the Discovery and Exploration of Chinese Turkestan*, La Haye, 1963.
 Paul Demiéville, *Choix d'études bouddhiques*, Leyde, E.J. Brill, 1973.
 Jacques Heers, *Marco Polo*, Paris, Fayard, 1983.
 F. Hirth, *China and the Roman Orient*, Leipzig, Munich, G. Hirth, 1885.
 Peter Hopkirk, *Bouddhas et rôdeurs sur la route de la soie*, Paris, Arthaud, 1981.
 Albert Kammerer, *la Découverte de la Chine par les Portugais au XVI siècle et la cartographie des Portulans*, Leyde, E.J. Brill, 1944.
 Fernao Mendes Pinto, *la Pérégrination: la Chine et le Japon vus par un Portugais*, Paris, Calmann-Lévy, 1968.
 Jean de Plan Carpin, *Histoire des Mongols*, trad. du Père Clément Schmitt, Paris, Ed. Franciscaines, 1961.
 Plin l'Ancien, *Histoire naturelle*, livre VI, trad. J. André et J. Filiozat, Paris, Les Belles Lettres, 1980.
 Marco Polo, *la Description du monde*, éd. par Louis Hambis, Paris, Klincksieck, 1955.
 Odoric de Pordenone, *les Voyages en Asie au XIV siècle du bienheureux frère O. de Pordenone*, présenté par Henri Cordier, Paris, E. Leroux, 1891.
 Matthieu Ricci, Nicolas Trigault, *Histoire de l'expédition chrétienne au Royaume de la Chine*, 1582–1610, Paris, Desclée De Brouwer, 1978.
 Guillaume de Rubrouck, *Voyage dans l'empire Mongol*, trad. par Claude et René Kappler, Paris, Payot, 1985.
 The Periplus of the Erythraean Sea by an Unknown Author, transl. by G.W.B. Huntingford, Londres, The Hakluyt Society, 1980.
 Aly Mazaheri, *la Route de la soie*, Paris, Papyrus, 1983.
 André Miquel, *la Géographie humaine du monde musulman jusqu'au milieu du XI siècle*, vol. 1 et 2, Paris, La Haye, Mouton, 1967–1975.
 Paul Pelliot, *Notes on Marco Polo*, 3 vol., Paris, 1959–1973.

- Paul Pelliot, *Recherches sur les chemins d'Asie centrale et d'Extrême-Orient*, 2 vol. Paris, Fondation Singer-Polignac, 1973–1984.
 Jean Richard, *la Papauté et les missions d'Orient au Moyen Age*, Ecole française de Rome, 1977.
 Aurel Stein, *On Ancient Central Asian Tracks*,

- Londres, MacMillan, 1933.
 Aurel Stein, *Ruins of Desert Cathay*, 2 vol., Londres, MacMillan, 1912.
 Aurel Stein, *Serindia*, 4 vol. Oxford, Clarendon Press, 1921.
 Erik Zürcher, *The Buddhist Conquest of China*, 2 vol., Leyde, E.J. Brill, 1959.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ГЛАВА I

- 11 Отправление купцов, миниатюра, в «Книге чудес». Национальная библиотека, Рукописи, Париж.
 12 Притча о призрачном городе, фреска, пещера 103, Дуньхуан, Китайская Народная Республика (КНР).
 13 Свистящий актер, китайская обожженная глина, эпоха Юань.
 14 Менада. Национальный музей, Непаль.
 15 наверху слева: Митридат I, монета. Национальная библиотека, кабинет медалей, Париж.
 15 наверху справа: Воллос, монета. Национальная библиотека, кабинет медалей, Париж.
 15 внизу: Продажа покрывал и подушек, римский барельеф, Музей Уффици, Флоренция.
 16 сверху: «Чжан Цянь проследит за императором У-Ди», рисунок, эпоха Тан, пещера 323, Дуньхуан, КНР.
 16 внизу: Лучник, обожженная глина, эпоха Цинь. Музей статуи, Линьтонг, КНР.
 17 Варвар, раскрашенная терракота. Музей Сернуши, Париж.
 18–19 «Принцесса выдает замуж за вождя усуней», картина, эпоха Хань, Музей Изящных искусств, Бостон.
 20 Лошадь-дракон выходит из Желтой реки. Национальная библиотека, Рукописи, Париж.
 21 сверху: Лошадь, погребальная фигура, обожженная глина, эпоха Хань. Национальный музей искусств Востока, Рим.
 21 внизу: Летящая лошадь, бронза, эпоха Хань.
 22 Разбойники грабят купцов, фреска, пещера 45, Дуньхуан, КНР.
 23 Верблюд, везущий оркестр, керамика, покрытая эмалью трех цветов. Исторический музей, Пекин, КНР.
 24–25 Вассалы, несущие дань ко двору императора Тан, фрагмент свитка, приписываемого Ян Ли-бэню, VII век. Музей дворца, Тайбей.
 26 Воззвание к Гуань-инь, эпоха Тан, пещера 45, Дуньхуан, КНР.
 27 Житель Дацинь в представлении китайцев, резьба по дереву. 28–29 Документ по способу изготовления шелковой нити. Музей ткани, Лион.
 30–31 То же, там же.

ГЛАВА II

- 32 «Монах-паллигрим», рисунок. Националь-

- ная библиотека, Рукописи, Париж.
 33 Сцена из жизни буддистов в «Ваджраччедика праджня-парамита сутре», XVIII век, Национальная библиотека, Рукописи, Париж.
 34 Будда великого чуда, скульптура, III–IV век. Музей Гюме, Париж.
 35 сверху: Посещение Конфуцием Лао-цзы, отпечаток на плитке.
 35 внизу: Лао-Цзы, рисунок с китайской резьбы по дереву в «Универсальной космографии» А. Тэвз, 1575 год. Национальная библиотека, Париж.
 36 сверху: «Лотосовая сутра», династия Тан, Британская библиотека, Лондон.
 36 внизу: Китайский свиток, VIII век. Национальная библиотека, Париж.
 37 Караван, в «Универсальной космографии» А. Тэвз, 1575 год. Национальная библиотека, Париж.
 38 Дорожный алтарь, дерево, эпоха Тан. Музей Гюме, Париж.
 39 сверху: Поклоняющиеся Будде, скульптура, II век. Национальный музей искусств Востока, Рим.
 39 внизу: Буддистский монах, дерево, дина-

ГЛАВА III

- 46 «В путь в пустыню», миниатюра в «Макамате» ал-Харири. Национальная библиотека, Париж.
 47 «Каталанский атлас» (фрагмент), XIV век. Национальная библиотека, Париж.
 48 Парусные суда на Евфрате, в «Макамате» ал-Харири. Национальная библиотека, Париж.

49 Караван на отдыхе в «Макамате» ал-Харири. Национальная библиотека, Париж.
51 верху: Карта Аль-Идари.
51 внизу: Абу Саид на верблюде, в «Макамате» ал-Харири. Национальная библиотека, Париж.
52–53 Перевозка драгоценных камней в X веке, Национальная библиотека, Печати, Париж.
54 верху: Китайский компас, н/д, Национальная библиотека, Париж.
54 внизу: Геомагнитный компас, дерево, XVIII век, Национальная библиотека, Париж.
55 верху: Арабская астролябия, собранная Ахмадом ибн-Халафом, латунь, IX век, Ирак. Национальная библиотека, Париж.
55 внизу: Индийский персид, гравюра в «Травнике» Л. Фюшэ, Баль, 1545. Национальная библиотека, Париж.
56 верху: Сбор перца в Индии, царство Квилон, в «Книге чудес». Национальная библиотека, Рукописи, Париж.
56 внизу: «Сцена путешествия», рисунок, китайское влияние, XV век. Библиотека Топкапи, Стамбул.
57 Людовик Святой отплывает в крестовый поход, миниатюра, XV век. Музей Лувр, Париж.
58 Продавец благовоний в «Трактате о травах», конец XV века. Библиотека Эстенсе, Модена.
59 Продавец мускатного ореха. Библиоте-

ка Эстенсе, Модена.
60 Головы сахара. Библиотека Эстенсе, Модена.
61 верху: Продавец сахара. Библиотека Эстенсе, Модена.
61 внизу: Продавец корриды. Библиотека Эстенсе, Модена.
62 верху: Погрузка товаров на корабль, миниатюра, XII век. Библиотека Венеции.
62 внизу: Сцена у аптекаря, миниатюра, конец XV века.
63 Отъезд Марко Поло, миниатюра в «Романе об Александре». Библиотека Оксфорда.
64 Продавец тканей, миниатюра в «Книге статуты корпорации суконщиков».
65 Братья Поло перед Великим ханом в «Книге чудес». Национальная библиотека, Париж.
65 внизу: Монгольский всадник, гравюра неизвестного автора.

ГЛАВА IV

67 Марко Поло в монгольском костюме, акварель, XVIII век. Музей Коррер, Венеция.
68 Братья Поло прощаются с византийским императором, миниатюра в «Книге чудес», конец XIII века. Библиотека музея Коррер, Венеция.
68–69 Марко Поло и его спутники, фрагмент из «Каталанского атласа». Национальная библиотека, Париж.
69 Лагерь в Карашаре, миниатюра, в «Книге чудес». Национальная библиотека, Париж.
70 Маршрут Марко Поло. Карта Патрика Мериненна.

71 Поло вручают книгу и крест хану, миниатюра, в «Книге чудес». Национальная библиотека, Рукописи, Париж.
71 внизу: Прибытие Марко Поло ко двору хана Хубилая, миниатюра, в «Книге чудес». Национальная библиотека, Рукописи, Париж.
72 Марко Поло, гравюра по дереву. Нюрнберг, 1477 год.
73 Охота за жемчугом и добыча бирюзы в Юньнани, миниатюра, в «Книге чудес».
74 Частичный вид Катая, карта 1458 года. Библиотека Марко, Венеция.
75 «Ости и приглашенные чужеземцы», фреска могилы Ли Сиана (654–684), сына императора Гао-цзуна династии Тан, недалеко от Сиани. Шанхайский музей, КНР.
75 внизу: Уплата налогов Великому хану на соль, сахар, миниатюра в «Книге чудес». Национальная библиотека, Рукописи, Париж.
76 Улицы и каналы Ханчжоу (Кинсай). Национальная библиотека, Париж.
77 «Врач у пациента в деревне», рисунок Ли Тана, музей Тайбей, КНР.
78 День рождения Великого хана, миниатюра 1091 года, в «Путешествии Марко Поло». Библиотека Оксфорда.
79 верху: Дощечка для печати, дерево. Музей Гуме, Париж.
79 середина: Уйгурские печатные символы. Музей Гуме, Париж.

79 внизу: Деньги Великого хана, миниатюра, в «Книге чудес». Национальная библиотека, Рукописи, Париж.
80 Отъезд посланников и курьеров. Национальная библиотека, Париж.
81 Маффео и Никколо просят позволения удалиться. Национальная библиотека, Париж.
82 Мореплаватели Индийского океана: использование компаса. Национальная библиотека, Париж.
83 Китайский корабль. Гравюра неизвестного автора.
83 Марко Поло, гравюра на дереве, иллюстрация в испанской книге, «Краткое введение к книге Марко Поло», 1503 год.
84–85 Картография Рамузио и Гризелини: Азия с маршрутом путешествия Марко Поло. Дворец дождей, Венеция.
86 верху: Марко Поло, по рисунку Бонатти.
89 внизу: Генуя, фрагмент из «Универсальной космографии», 1568 год.
87 Портулан XV века: Венеция. Библиотека музея Коррер, Венеция.
88 В Персии, Марко Поло слушает историю трех волхвов, миниатюра, в «Романе об Александре». Библиотека Оксфорда.
89 Монстры, гравюры, в «Хронике Нюрнберга», 1494 год. Библиотека Мазарини, Париж.
90 верху: Саламандра, гравюра в «Космографии» Себастьяна Мюнстера, 1628 год.

90 внизу: Верблюд, гравюра, в «Космографии» Себастьяна Мюнстера, 1628 год.
91 верху: Ярмарка тканей в Средневековой Боломье, миниатюра, XV век, Гражданский музей, Боломье.
91 внизу: Вешивание шерсти, миниатюра, в «Книге корпорации продавцов шерстяных изделий», XIV век. Музей Коррер, Венеция.
92–93 Караван на Памире, фотографии Ролана и Сабрины Мишо.
94–95 Киргизские кочевники, фотографии Ролана и Сабрины Мишо.
96–97 Караван на Памире (фрагмент), фотографии Ролана и Сабрины Мишо.

ГЛАВА V

98 Лионский совет Иннокентия IV против Фридриха II, Миниатюра (фрагмент).
99 Св. Доминик, миниатюра, в Легенде о святом Жака Вордаджине, 1348 год, Национальная библиотека, Париж.
100 Пилигримы у церкви Гроба Господня в Иерусалиме, около 1410 года, миниатюра (фрагмент), в «Книге чудес».
100 верху: Иннокентий IV, гравюра неизвестного автора.
101 слева: Джованни Плано Карпини, гравюра, с древних китайских документов. Библиотека Декоративного искусства, Париж.
101 справа: Письмо Ююка Иннокентию IV, 1246 год, в «Монголии и папство» П. Пеллио, Архив Кастелло, Рим.

102 верху: Гийом Рубрук, гравюра, в древних китайских документах. Библиотека Декоративного искусства, Париж.
102 внизу: «Св. Франциск Ассизский, проповедующий птицам», живопись (фрагмент) Джотто. Музей Лувр, Париж.
103 Людовик Святой, миниатюра. Библиотека Марко, Венеция.
104 «Избиение францисканцев: голова монгола», живопись (фрагмент) Лоренцетти. Сан Франческо, Сиена.
105 Францисканские монахи в Азии, собирающие травы, миниатюра, XVI век. Библиотека Августа, Перуза.
106 Расшитая митра, из сокровищницы Сант-Шапель де Пари, спереди: приветствие ангелов, поклонение волхвов. Музей Клоуи, Париж.
107 Отъезд Одорика из Порденона, в «Романсы и путешествия», XIV век, Британская библиотека, Лондон.
108 Китайский нищенствующий верующий и верующий в черном с головным убором католического фасона, рисунок Б. Пикара в «Религиозные обряды всех народов мира», XVIII век.
109 «Чума», рисунок Джованни Серкамби, Флоренция.

ГЛАВА VI

110 Универсальная гидрографическая карта (фрагмент), Жан Феррар, 1634 год, Национальная библиотека, Париж.
111 Праздник португальского флота, жи-

вопись. Архив Торе де Томбо, Лиссабон.
112 Портрет Христофора Колумба, рисунок неизвестного автора на дереве, французская школа, XVII век, Национальный музей замка, Версаль.
113 Прибытие португальцев в Индию, голубен (фрагмент): прибытие Васко да Гама в Каликут. Музей Карамуло, Лиссабон.
114–115 Прибытие португальцев в Японию, школа Кано, XVII век, из Намбан Бибу, рисунок на бумаге. Музей Гуме, Париж.
116–117 Джонки с веслами и парусами, отпечаток. Коллекция музея Морских сил, Париж.
117 Китайский корабль, гравюра неизвестного автора.
118 Послы, в «Обычаи и нравы Китая». Национальная библиотека, Париж.
119 Первая высадка португальцев в Кантоне в 1517 году, гравюра, в «Путешествие по Китаю», Ф. Андрад Лейден, 1706 год, Национальная библиотека, Париж.
120 «Св. Франциск Ксаверий», Гоа.
121 Прибытие португальцев в Японию (фрагмент), вечер, XVI век. Музей Соарес Доа Рейс, Порто.
122–123 Пути шелка. Карта Патрика Мериненна.
124 Карта мира Фра Мауро, 1459 год. Библиотека Марко, Венеция.
125 слева: Священник-иезуит А. Шаль в китайском костюме, раскрашенная гравюра, конец XVII века. Шантйи-ле-Фонтэн.

125 справа: Священник-иезуит Вербист, раскрашенная гравюра, конец XVII века. Шантйи-ле-Фонтэн.
126 Священник-иезуит Маттео Риччи, раскрашенная гравюра, конец XVII века. Шантйи-ле-Фонтэн.
127 Мин-Ци, погребальная статуэтка, обожженная глина, погонщик верблюдов, эпоха Северная Вэй, V–VI века, Музей Сернуши, Париж.
128 Караван в пустыне, фотография Ролана и Сабрины Мишо.

СВИДЕТЕЛЬСТВА И ДОКУМЕНТЫ

130 Перевозка товаров на спине верблюда, гравюра неизвестного автора, XVI век.
132 Китайский корабль, гравюра.
134–135 Тибетская повозка, рисунок Свена Хедина, XX век.
136 верху/136 внизу: Актеры цзацу, обожженная глина, эпоха Юань.
137 Пилигрим, миниатюра, XIII век.
138 Караван на Памире, фотографии Ролана и Сабрины Мишо.
139 Караванчик на привале, Афганистан, фотография Ролана и Сабрины Мишо.
140 Юньнань, спаситель от всех опасностей, роспись по шелку, X век, Дунхуан, КНР.
141 Морской змей, по Олаю Магнусу, гравюра.
144/145 Кораблекрушение у берегов Явы, миниатюра в «Книге чудес». Национальная библиотека, Рукописи, Париж.

146 Чудовище, резьба по дереву, XVI век. Библиотека Старого медицинского факультета, Париж.
149 Людоед, гравюра по дереву, в «Сведениях о путешествиях», XVI век.
150 Гравюра неизвестного автора, XVI век.
152–153 Безголовые, гравюра, XVI век.
154 Продавцы шерсти, миниатюра, в «Книге корпорации продавцов шерсти», XVI век. Библиотека музея Коррера, Венеция.
155 Улица продавцов тканей, миниатюра XV век. Гражданский музей, Болонья.
156 «Марко Поло», картина, приписывается Тициану. Галерея Дориа, Рим.
157 Статуэтка Марко Поло, из Китая, дарг-на Наварро. Музей Коррера, Венеция.
159 Поло, гравюра с миниатюры в «Книге чудес».

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А Б

Абу Санд 47, 49, 51.
Аджанта 40.
Акви, Дж д' 83.
Алобэн 44.
Аль-Идриси 51.
Ань Сюань 36.
Ань Шигао 36.
Асти, Дж д' 86.
Астролябия 55.
Багдад 49, 51.
Бань Чао 25.
Би Шен 79.
Браунштейн, Ф. 87, 155.
Бульнуа, Л. 140.
Бумажные деньги 79.
Буше, Г. 72, 105.

В Г

Великая стена 17.
Венеция 83, 87.

160–161 «Вид на Сан-Марко», Каналетто, Музей Лувр, Париж.
162–163 Марко Поло в Китае, гравюра, XIX век.
166 Актер цзацу, обожженная глина, эпоха Юань.
167 Марко Поло перед Великим ханом, гравюра, XIX век.
168 Дощечка для печати, музей Гуме, Париж.
169 Пеллио в пещере рукописей в Дуньхуане, КНР, фотография, Музей Гуме, Париж.
171 Вид у монастыря Безекулка, КНР, фотография.
172–173 Проводники экспедиции Свена Хедина, фотография.
175 Свен Хедин, фотография.
177 Экспедиция Свена Хедина, фотография.
179 Долина Или, Синьцзян, фотография Сиссоматата.

ДЕ ЖИ

Дацинь, или Большая Цинь (Римская империя) 25, 27.
«Декамерон», (Боккаччо) 109.
Делор, Р. 87, 155.
Джованни 106.
Династия Китая: «Дневник путешествия» (Гийас-ад-Дин) 109.

Доминиканцы: Кремонский, Асцелин 101; Лонжюмо, Андре, 101, 102.
«Естественная история» (Плиний) 26.
Животные: люди с собачьими головами 89, 147; носорог 89; саламандра 89; дракон 89.
Жуанвилль 103.
Ибн Батута 113, 131, 132, 133.
Иезуиты: Бенито Гюэш 125, 126, 127.
Фернан Мендес Пинто 119, 120; Маттео Риччи 111, 125, 126, 127.
Св. Франциск Ксаверий 120.
«История монголов» (Дж. Плано Карпини) 102.
И-Цзин 40, 50, 54.

К

Кай Венцзи 19.
Кальвино, И. 160.
Кансин (или Цзянь-Чжэнь) 133.
Кантон 51, 52, 53, 56.
Карта мира Фра Мауро 124.
Катай 70, 77, 90, 105, 111, 112, 125, 126, 127, 135.
«Каталонский атлас» 69, 124.
Гама, Васко да 118.
Гандхара 39.
Гань Ин 25, 26.
Генрих Мореплаватель 111.
Гийас-ад-Дин 109.
Гиппал 27; ветер 26.
Гу Дециань 19.

Л М

Лао-Цзы 35, 44.
Ле Гофф, Ж. 153.
Ле Кок, А. фон 170.
Лошадь-дракон 20, 21.
Лхаса 107.
Людвиг Святой 57, 90, 102, 103, 104.
«Макамат» (аль-Харир) 47.

Мандевиль, Дж. 87, 107.
Мао Кунь (картограф) 50.
Мариньоли, Дж. 108.
Марк Аврелий 27.
Мишо, Р. и С. 139.
Моля, М. 158.
Монголы 48, 63, 90, 100, 101, 102, 106, 147.
Монгольская почта 80, 90, 101.
Мусульманская география 48, 49, 51; «География» Птолемея 40, 51, 124; «География» Страбона 15.

Н О

Наланда 39.
«Наставление о вере Будды Света» 44.
Неарх 15.
«О навигациях и путешествиях» (Рамузио) 83, 85.
«О разнообразии мира» (или «Книга чудес», или «Книга о миллионах») 64, 68, 72, 86, 87, 88, 91, 124, 133, 148, 151.
О'Нил, Ю. 166.
«Образ мира» (Дж. д'Акви) 83, 88.

П

Пакетта из Меца, 72, 105.
Папы: Климент XI 126; Григорий X 68; Иннокентий IV 99, 101.
Николай IV 106.
Парфяне 13, 15, 20, 21, 25, 26.
Пеголотти, Ф.Б. 135.
Пеллио, П. 168.
«Перилл Эритрейского моря» 27.
Пирес, Т. 119.
Плиний 16, 26.
Португалцы 112, 117, 118, 119, 124.
Продукт обмена: алоэ 55, квасцы 64, амбра 50; ель 52; бразильское дерево 64; камфара 52, 59, 134; корица 59; панцирь черепахи 52;

кошениль 64; рог носорога 56; благоволия 61; слоновая кость 56; мускатный орех 61; ладан 55; жемчуг 52, 53; драгоценные камни 52, 73; ремень 85, 105; сандал 55; сахар 59.
Птолемей 40, 51, 124.
«Путешествие в Империю монголов» (Г. Рубрук) 104, 131.

Р

Рамузио Дж.-Б. 83, 85, 91.
Рандон, М. 179.
Религии: Будда и буддизм 33, 34, 35, 36, 38, 39, 40, 42, 44, 106, 171; католицизм 100; конфуцианство 35; индуизм 39; ислам 45, 48; манихейство (религия Света) 42, 43, 44; мадизм (зороастризм) 42; несторианство 42, 44, 45, 105, 107; даосизм 32, 35.
Рихтгофен, Ф. фон 14.
«Роман об Александре» 88.
Рустичелло Пизанский 67, 87, 88.

С

Савиньон, А. де 90.
«Сведения о Китае и Индии» 48, 50, 53.
Священник Иоанн, царство 44, 45.
Сенсека 14, 16.
Серы 13, 77, 105, 125.
«Синой-Цзи» (Бянь-Цзи) 21, 39.
Собор Эфесский 44; Лионский 99.
Согдийцы 42, 45.
Солдаия (или Солда-дия) 64, 103.
Салиман 49, 51.
Союзы 62.
Стейн, А. 172.
Степа «Распространения лучезарной...» 44.
«Странствие» (Ф. Мендес Пинто) 119, 120, 145.
Сюань-Цзан 38, 39, 40; «Жизнеописание» 22, 33, 39, 95, 141.

ТУФ

Талас 105; сражение у 45, 53.
Тина (Китай) 15, 77, 125.
Ткани: балдахин 64; хлопок 56, 64; дамасская 64; газовая 64; муслин 64; шелк 14, 15, 16, 27, 56, 62, 64, 78.

«Трактат о Китае» (Сайд Али-Акбер Хитайи) 109.
Турфан 42.
«Тысяча и одна ночь», 47, 49.
«Убен Чжи» (Мао Юань) 50.
Уйгуры 42, 44.
Уорнер, Л. 177.
Усуни 19, 20.
Фарфор 56.
Фа-Сянь 37, 38, 54.
Фергана 20, 21.
Флор 13.
Францисканцы: Монтекорвино, Джованни 106; Плано Карпини, Джованни ди 100, 101, 102, 131, 147; Порденонский Одорико 107, 150; Рубрук, Гийом 99, 102, 104, 105, 106, 131.

Х

Хан Аргунь 81; Бачу 101; Батый 103, 104; Берке 64; Чингис 63; Гюок 101, 102; Хубилай 63, 65, 68, 70, 72, 73, 77, 106, 107, 108; Мункэ 104, 106; Угэдэй 63, 100; Сартак 103; Темур 77.
Ханбалык (Пекин) 74, 107, 108.

Ханчжоу (или Кинсай) 52, 75, 76, 77, 112.
Хань 17, 21, 34, 54; император Чэн-Ди династии Хань 24; император Мин-Ди династии Хань 34, 35, 36; император У-Ди династии Хань 21, 108; «История династии Хань» 13, 23, 26; Мин 109, 112; императора Юнье династии Мин 112; Цинь 15, 16, 17; Сун 42, 55, 75; Тан 17, 38; император Тайцзун династии Тан 44; император У-Цзун династии Тан 40.
Хеер, Ж. 159.
Хопкирк, П. 174.
Хотан (Китайский Туркестан) 27.
Хунну (сюнну) 16, 17, 19.

Ц Ч Ш Ю Я

Цзя Дань (географ) 53.
Цюаньчжоу (или Зайтон) 52, 55, 82.
Чаньань 27, 42, 44.
Чжан Цянь 17, 20.
«Чжуфан Цзи» (Чжао Рукун) 55.
Чжэн Хэ 114, 115.
Шаль, А. 125.
Юэцжи 17.
Янчжоу 90.

ФОТОГРАФИИ

Archiv fur Kunst, Berlin 83, 90h, 90b, 172–173, 175, 177, 179. Bibl. nat., Paris 1–9, 15h, 20, 32–33, 43, 44b, 45, 46, 48, 49, 51h, 51b, 54h, 54b, 55h, 65, 66, 69h, 71h, 73, 74b, 76, 79b, 80, 81, 82h, 99, 110, 118, 119.
British Museum, Londres 36h. British library, Londresi 107. Bulloz, Paris 21b, 44h. Charmet, Paris 37, 55b, 89, 101b, 102h, 119, 125, 126. Dagli-Orti, Paris 17, 56–57, 58, 59, 60, 61h, 64, 84–85, 87, 91, 105, 121, 127.
Droits reserves 12, 16h, 16b, 22, 23, 26, 27, 42, 50, 74–75, 82b, 101, 107, 117, 166. Edimedia, Paris 13b, 47, 56h, 77, 78, 100b, 113. E.T. archives, Londres 63, 68, 69, 88. Explorer archives, Paris 86b, 116–117, 120.
Giraudon, Paris 57h, 61b, 67, 71b, 102, 111. Metropolitan Museum of Art, New York 18–19. Michaud, Roland et Sabrina 92–97, 138–139. Musee des tissus, Lyon 28, 29, 30, 31. Rapho, Paris 98. Ronald Sheridan, Londres 72. R.M.N. Paris 34, 36b, 38, 79h, 106, 112, 114–115, 160, 168. Scala, Florence 14, 15b, 21h, 39h, 39b, 41, 62b, 104, 109, 124. Sipa press, Paris 24–25. Tapabor, Paris 52–53, 100h. Unesco, Paris 179. Viollet, Paris 35h, 35b, 62h, 68h, 74, 86h, 103, 171. Couverture 1er plat Edimedia, Paris; dos Roland et Sabrina Michaud, Paris; 4 Scala, Florence.

ОФОРМЛЕНИЕ

Катрин Сеньюре объединила иконографию книги, Манн Герон — макет. Марин Бонно и Беатрис Пер-Виньяль — корректура. Партик Мериенн нарисовал карты на страницах 70, 122–123.

I. ЭПОХА ПОСОЛЬСВ

- 14 Страна Серов
- 16 Похождения Чжан Цзяня
- 18 Браки и дипломатия
- 20 Небесные лошади,
лошади-драконы
- 22 Легендарные посольства
- 24 Большая Цинь,
или Римская империя
- 26 Морской путь
- 28 Шелковые нити

II. ЭПОХА ПИЛИГРИМОВ

- 36 Путь в Индию
- 38 По стопам Будды
- 40 Конец паломничества
- 42 Учения персов
- 44 Христианский царь
в Центральной Азии

III. ЭПОХА КУПЦОВ

- 48 Солиман, Абу Саид из Сирафа
- 50 «Сведения о Китае и Индии»
- 52 От Кантона к Персидскому
заливу
- 54 Компас изобрели китайцы?
- 56 Венецианцы, хозяева
Константинополя
- 58 Камфара, сахар, корица
- 60 Ладан, мускатный орех
- 62 Монгольский мир
- 64 Первое путешествие Маффео
и Никколо Поло

IV. МАРКО ПОЛО

- 68 Незведанный путь
- 70 Посланцы папы
- 72 На службе у Хубилая
- 74 Кинсай, город неба
- 76 Север и юг
- 78 Об использовании бумажных
денег

- 80 Тоска по дому
- 82 Посмертная слава
- 84 «О навигациях и путешествиях»
- 86 Описание мира
- 88 Между сном и реальностью
- 90 Новый Улисс
- 92 Памирский караван
- 94 Бескрайняя пустыня
- 96 Духи гор

V. ЭПОХА МИССИОНЕРОВ

- 100 Навстречу азиатским
язычниками
- 102 Миссия по сбору данных
- 104 Дописьменная этнология
- 106 Епископ пекинский
- 108 Приход к власти династии
Мин

VI. ЭПОХА МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ

- 112 Великие открытия
- 114 Китайские джонки в открытом
море
- 116 Португалцы в Японии
- 118 Прохладный прием
- 120 Бывший пират становится
иезуитом
- 122 Шелковые пути
- 124 Гипотеза Маттео Риччи
- 126 Разрешенная загадка

СВИДЕТЕЛЬСТВА И ДОКУМЕНТЫ

- 130 В пути
- 138 На покорение Памира
- 140 Опасности
- 146 Демоны и диковины
- 154 О золоте и специях
- 156 Купец или посол?
- 160 История Марко Поло: пересмот-
ренная и исправленная
- 168 Эпоха археологов
- 178 Пути шелка, пути диалога
- 180 Приложения

**Ван Гог • Клод Моне • Прерафаэлиты • Рембрандт • Ренуар
• Тициан • Вселенная • Динозавры • Древний человек •
Дракула и вампиры • Ренессанс • Веласкес • Гоген •
Леонардо да Винчи • Мане • Матисс • Сезанн • Бриллианты
и драгоценные камни • История красоты • Че Гевара •
Древний Китай • Барокко • Гойя • Пикассо • Тулуз-Лотрек
• Сады мира • Золото Византии • Япония вечная • Знаки и
символы • Искусство и человек • Александр Дюма •
Магомет • Замки • Ведьмы – невесты дьявола • Иисус
Христос • Крестовые походы • Клеопатра • Ангкор • Роден •
Древний Рим • Шагал • Мумии • 1917. Россия в революции •
Викинги • Геральдика**

**Jean-Pierre Drège
MARCO POLO ET LA ROUTE DE LA SOIE**

**Жан-Пьер Дреж
МАРКО ПОЛО И ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ**

Перевод с французского *Бородычевой И.С.*

Зав. редакцией *О. Сухарева*
Редактор *О. Сухарева мл.*
Технический редактор *Т. Тимошина*
Корректор *И. Мокина*
Компьютерная верстка *М. Осина*

Оформление обложки: дизайн-студия «Дикобраз»

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги и брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.2005

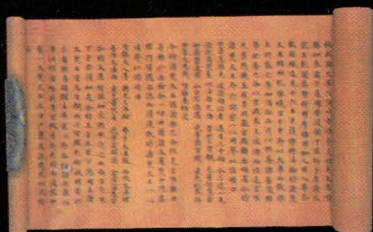
Подписано в печать 16.07.2004

ООО «Издательство Астрель»
129085, Москва, Проезд Ольминского, д. 3а

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93

Адрес нашего сайта: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано в Италии

В I веке нашей эры римляне открыли для себя таинственный и загадочный Восток и неизвестные им ранее страны. Шелк, привозимый с Востока, а точнее из Китая, стал символом роскоши и богатства. В Средние века мореплаватели и арабские купцы ввозили в Европу по торговым путям фарфор и бумагу. После падения Константинополя в 1204 году крестоносцы открыли путь на Восток. За этим последовало и создание караванного пути, впоследствии получившего название Великий Шелковый путь, проложенного венецианским купцом Марко Поло. Длительное путешествие Марко Поло на Восток, пребывание при дворе хана Хубилая и многое другое описано в его книге «Описание мира», или «Книга чудес». Автор данной публикации Жан-Пьер Дреж изучил историю возникновения Шелкового пути, который стал путем культурного и религиозного обмена между Востоком и Западом, и описал ее в своем труде.

Миниатюры, гравюры, рисунки, фотографии, более 200 документов, оставленных венецианскими торговцами, миссионерами-иезуитами, буддистами, дополняют сведения Марко Поло о Востоке и Шелковом пути.

ISBN 5-17-026151-9

9 785170 261512

